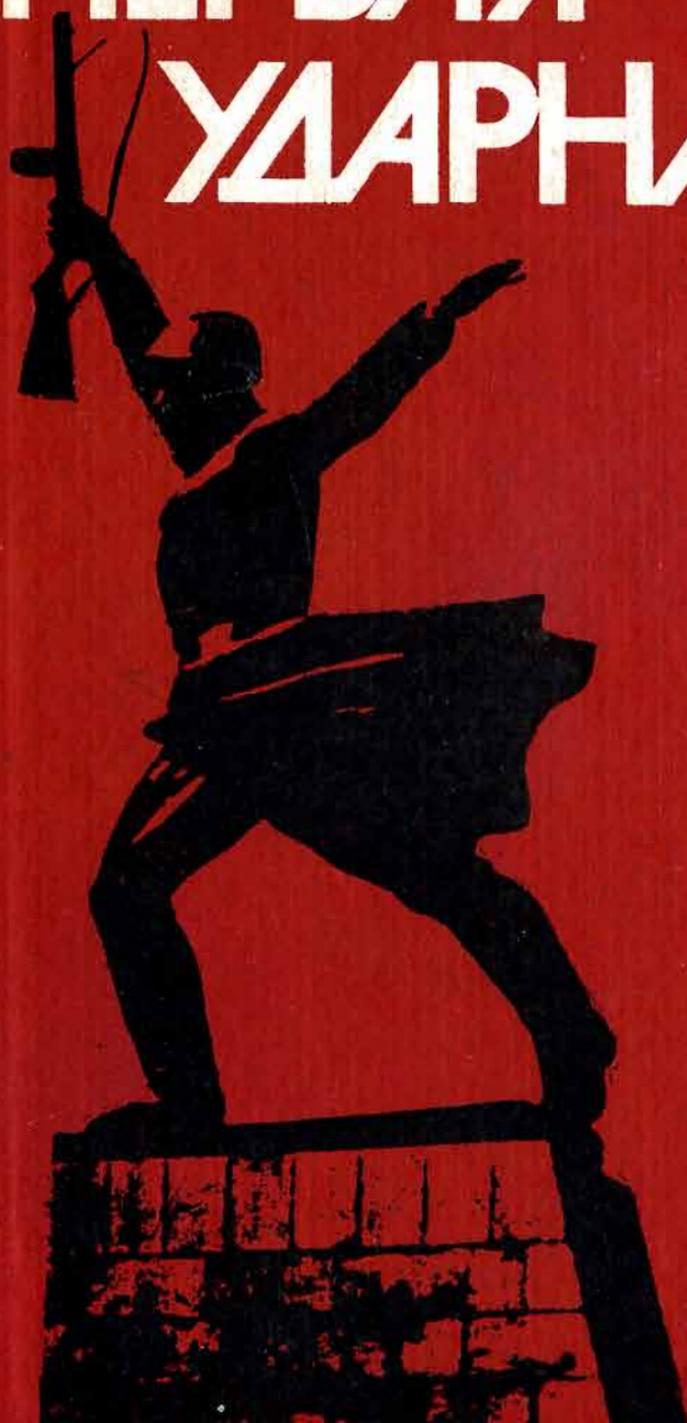

86

3349

Г. И. БЕРДНИКОВ

ПЕРВАЯ УДАРНАЯ

Г. И. БЕРДНИКОВ

ПЕРВАЯ УДАРНАЯ

*Боевой путь 1-й ударной армии
в Великой Отечественной войне*

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

Бердников Г. И.

Б48 Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1985. — 255 с., 12 л. ил.

В пер.: 75 к.

Военно-исторический очерк о боевом пути, ратном мастерстве 1-й ударной армии в годы Великой Отечественной войны. Армия прошла с боями от Москвы до Прибалтики.
Книга рассчитана на массового читателя.

ББК 63.3(2)722

9(С)27

Б 1304010000-211 37-86
068(02)-85

© Воениздат, 1985

ОТ АВТОРА

В этой книге рассказывается о боевом пути и ратных подвигах воинов 1-й ударной армии в годы Великой Отечественной войны.

Сформированная в ноябре 1941 г., она прошла славный боевой путь протяженностью свыше 1600 км — от полей Подмосковья до болот Курляндии. Войска армии, пачав боевые действия 28 ноября 1941 г., вели их 1226 дней и закончили 8 мая 1945 г. И только в течение 36 дней за все годы войны армия находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования или фронта.

Нелегко был этот путь. После участия в тяжелых боях, закончившихся разгромом немецко-фашистских войск под Москвой, армии пришлось в дальнейшем большей частью действовать в трудных условиях лесисто-болотистой местности северо-запада России, располагая ограниченными силами и средствами. Это требовало от солдат и офицеров большого напряжения физических и моральных сил, стоило многих жертв. Личный состав соединений и частей, вдохновляемый коммунистами и комсомольцами, с честью выдержал тяжелейшие испытания, проявив в кровопролитных боях с врагом высокие морально-боевые качества.

Костяком армии были соединения и части, сформированные в Сибири: 71-я стрелковая бригада, удостоенная в январе 1942 г. звания 2-й гвардейской, 41-я и 44-я бригады, части связи и смешанный авиационный полк армии. Под Старой Руссой в составе армии успешно действовали 42, 43 и 45-я стрелковые бригады, 364-я и 380-я стрелковые дивизии, при освобождении Прибалтики — 12-я гвардейская (бывшая 194-я), 374-я и 376-я стрелковые дивизии.

Не претендуя на детальное описание боев и операций, в которых участвовала 1-я ударная армия, автор

попытался рассказать о тех из них, в которых наиболее ярко проявился массовый героизм ее воинов.

При работе над книгой были использованы материалы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО), Института военной истории, военно-исторические труды, а также мемуарная литература и воспоминания ветеранов армии.

Большую помощь автору в написании книги оказали генерал-лейтенант П. А. Жилин, генерал-майоры в отставке М. М. Вавилов, Н. А. Поляков, С. Н. Стребелев, К. Г. Черепанов, А. Н. Четвериков, полковники в отставке В. Д. Базаров, М. И. Козырев, А. П. Серегин, Ф. К. Силантьев, подполковники в отставке М. М. Савкин, Г. И. Шалин и другие, за что автор выражает им свою сердечную благодарность.

Часть I

В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

Глава 1

ФОРМИРОВАНИЕ 1-Й УДАРНОЙ АРМИИ. ПЕРВЫЕ БОИ

К концу ноября 1941 г. Красная Армия остановила продвижение немецко-фашистских войск на всем протяжении советско-германского фронта. Только на московском стратегическом направлении враг еще продолжал наступление, стремясь прорваться к столице. Здесь сложилась крайне тяжелая и опасная обстановка.

30 сентября — 2 октября 1941 г. гитлеровские войска начали генеральное наступление на Москву. По плану операции, носившей кодовое наименование «Тайфун», войска группы армий «Центр» из районов Духовщины, Рославля и Шостки тремя мощными ударами танковых группировок в восточном и северо-восточном направлениях должны были расчлнить оборону советских войск, а затем окружить и уничтожить: войска Западного и Резервного фронтов — в районе Вязьмы, Брянского — в районе Брянска, в последующем сильными подвижными группировками охватить Москву с севера и юга и одновременно фронтальным наступлением пехотных соединений овладеть советской столицей. Северную, наиболее сильную, группировку составляли 3-я и 4-я танковые группы (семь танковых, три моторизованные и три пехотные дивизии); южную — 2-я танковая группа и 2-я армия, удар с запада наносила 4-я армия. Операцию планировалось завершить в основном до наступления сильных морозов¹.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 91—92.

В ожесточенных сражениях к середине ноября войска Западного и часть сил правого крыла Юго-Западного фронтов остановили наступление врага на ближних подступах к Москве.

15 ноября войска группы армий «Центр» возобновили наступление. Основной удар они наносили севернее Москвы через Клин, Солнечногорск по 30-й и 16-й армиям Западного фронта. Под натиском превосходящих сил врага эти армии были вынуждены начать отход. 16 ноября танковые группы гитлеровцев форсировали реку Лама, 17—19 ноября преодолели Можайскую линию обороны советских войск, 23 ноября ворвались в Клин. 27 ноября вышли в район Крюково, Красная Поляна, создав непосредственную угрозу Москве.

ЦК ВКП(б) и Ставка Верховного Главнокомандования принимали самые решительные меры по мобилизации всех сил на защиту столицы. Все соединения и части, непосредственно прикрывающие город, были объединены командованием Московской зоны обороны. Ставка поставила перед войсками Западного фронта и Московской зоны обороны задачу: упорной обороной продолжать изматывать врага, наносить ему возможно большие потери, выиграть время для сосредоточения стратегических резервов и тем самым создать условия для перехода советских войск в решительное контрнаступление.

Еще в начале ноября Верховное Главнокомандование приняло решение о формировании в районах восточнее Москвы ряда резервных армий. Этим армиям предстояло вырвать у врага стратегическую инициативу, разгромить его ударные группировки, в первую очередь действующие севернее и южнее Москвы¹. Поэтому командованию вновь формируемых объединений Ставка поставила задачу: обучать личный состав главным образом ведению наступления с учетом накопленного боевого опыта и особенностей действий в зимних условиях. При этом Верховный Главнокомандующий требовал, чтобы подготовка резервов проходила в условиях строжайшей секретности, и это требование, как показали дальнейшие события, было успешно выполнено.

1-я ударная армия и была одной из этих резервных армий. Она формировалась согласно директиве Ставки ВГК от 20 ноября 1941 г., подписанной началь-

ником Генерального штаба маршалом Б. М. Шапошниковым, которой предписывалось:

«Сосредоточить 19-ю армию в непосредственном подчинении ее Ставке ВГК. Командующим армией назначить генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, начальником штаба генерал-майора Н. Д. Захватаева. В состав армии включить: 29, 47, 50, 55-ю стрелковые бригады, прибывающие в Дмитров, 56-ю — в Загорск, 71-ю — в Яхрому, 44-ю — в Хотьково; отдельные лыжные батальоны — 2, 3, 4, 17, 18, 19 и 20-й — в Загорск, 1, 5, 7-й — в Дмитров, 6-й — в Яхрому; 701-й артиллерийский полк — в Загорск. Сосредоточение соединений и частей в этих пунктах закончить к 27 ноября. Штаб армии к 24 ноября развернуть в Загорске».

В последовавшем за директивой приказе Ставки от 23 ноября 1941 г. 19-я армия переименовывалась в 1-ю ударную армию, всему начальствующему составу армии с 15 ноября устанавливался полуторный, а бойцам двойной склад содержания как для гвардейских дивизий¹.

Командующий армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов был одним из опытнейших советских военачальников. Он участвовал в первой мировой войне. Во время гражданской войны командовал стрелковым полком. В мирное время был командиром дивизии, корпуса, командующим группой войск, армией. С начала Великой Отечественной войны командовал последовательно 3, 21 и 58-й армиями. Начальник штаба армии генерал-майор Н. Д. Захватаев также был участником первой мировой войны. С начала Великой Отечественной войны был заместителем начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта. Маршал И. Х. Баграмян писал позднее: «Захватаев был обаятельным человеком, с типично русской внешностью. Я всегда верил в его способности, и не ошибся. Позже он прославился как командующий 1-й ударной армией, которая вписала в историю Советских Вооруженных Сил не одну героическую страницу»². Членом Военного совета стал опытный партийный работник бригадный комиссар Д. Е. Колесников.

Верховный Главнокомандующий придавал огромное значение формированию резервных армий, и в частности 1-й ударной. Так, в разговоре по телефону с генералом В. И. Кузнецовым 24 ноября И. В. Сталин потребовал

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 280.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 1, л. 3—4.

² Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., 1977, с. 145.

доложить ему, как идет сосредоточение частей армии. Кузнецов доложил, что план перевозок нарушен на 2—3 суток, отсутствуют штаб, части связи и тыла, а это затрудняет управление прибывающими войсками и работу по формированию армии, и просил оказать необходимую помощь. И. В. Сталин сказал, что в Загорск приедет работник административного отдела Центрального Комитета с офицерами Генштаба для помощи в формировании штаба и полевого управления армии. Он также информировал командарма о положении войск 30-й и 16-й армий, об окружении группы генерала Ф. Д. Захарова¹ в районе юго-восточнее Клина и предупредил о возможности выхода противника в район Дмитров, Яхрома. Верховный Главнокомандующий определил срок готовности войск армии к наступлению 27—28 ноября. Генерал Кузнецов высказал опасение, что переход армии в наступление до ее полного сосредоточения, без танков и достаточного количества артиллерии может привести к поражению по частям и не только не улучшит, но, возможно, и ухудшит общее положение на правом крыле Западного фронта. Однако И. В. Сталин подтвердил прежний срок готовности к наступлению².

24 ноября штаб армии отдал свой первый приказ, в котором объявлялось о переименовании армии и ее составе. Все последующие дни продолжалась работа по формированию полевого управления при непосредственном участии офицеров Генерального штаба, главных и центральных управлений Наркомата обороны.

Тем временем начали прибывать войска. Железнодорожные эшелоны с людьми, вооружением, боеприпасами, зимним обмундированием и продовольствием шли с рекордной для того времени скоростью (800—900 км в сутки). Паровозы в пути менялись без задержки, и эшелоны следовали почти вплотную один за другим. Выгружались войска на станциях Дмитров, Загорск, Хотьково. Каж-

¹ Группа генерал-майора Ф. Д. Захарова (заместитель командующего 16-й армией) состояла из частей 133-й, 126-й стрелковых и 17-й кавалерийской дивизий, 24-й и 21-й танковых бригад, полка курсантов училища имени Верховного Совета РСФСР, 641-го легкого артиллерийского полка и других частей, сильно ослабленных в боях. Группа попала во время отхода в окружение в районе Тимоново, Харламово и пробивалась в восточном направлении.

² См.: Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966, с. 280.

дое соединение и отдельную часть встречала группа из офицеров штаба и политотдела, которая здесь же, на месте, знакомилась с состоянием войск и оказывала их командованию помощь в размещении и подготовке личного состава к предстоящим боевым действиям.

Первой 23—24 ноября прибыла 29-я стрелковая бригада полковника И. П. Федотова. 25 ноября в соответствии с указанием начальника Генерального штаба о необходимости прикрытия района формирования армии два батальона бригады были выдвинуты на западный берег канала Москва — Волга на участке севернее Дмитров, Яхрома. Вслед за ней прибыли 50-я бригада подполковника В. В. Рябова, а затем и другие соединения и части. В соответствии с боевым приказом по армии от 26 ноября все части по мере прибытия выводились на направления предстоящих боевых действий. В приказе также указывалось, что армия, продолжая сосредоточение, частью сил переходит к обороне на рубеже канала Москва — Волга в полосе станция Каналстрой, Черная (35 км) с задачей не допустить прорыва противника на загорском направлении. Справа действовали соединения 30-й армии, слева, сменяя части 16-й армии, к каналу выдвигались дивизии 20-й армии. Готовность обороны и системы огня — 12 часов 27 ноября¹.

1-я ударная армия была единственным оперативным объединением в действующей армии, целиком состоящим из отдельных стрелковых бригад и отдельных лыжных батальонов (как известно, в целях сокращения времени на формирование и обучение войсковых частей и соединений, повышения их маневренности осенью 1941 г. было сформировано большое количество таких бригад и батальонов). Бригады были укомплектованы в основном рабочими и колхозниками Сибири и Урала, на 60—70 процентов людьми старших возрастов. 30—40 процентов личного состава являлись коммунистами и комсомольцами; до 30 процентов уже участвовали в боях. Три бригады (29, 44, 47-я) были частично укомплектованы курсантами военных училищ и еще три (62, 71 и 84-я) — моряками-добровольцами Тихоокеанского флота, Амурской Краснознаменной военной флотилии и курсантами военно-морских училищ.

О морских стрелковых бригадах надо сказать особо. В связи с угрозой, нависшей над Москвой, 18 октября

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6870, д. 37, л. 3, 4; оп. 6792, д. 219, л. 47.

1941 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о формировании помимо полков и бригад морской пехоты в составе флотов и флотилий для непосредственной обороны военно-морских баз и участия в боевых действиях на приморских направлениях 25 отдельных морских стрелковых бригад¹. В отличие от первых они создавались в составе сухопутных войск и предназначались для действий вдали от моря. Моряки в них составляли около 30 процентов. Первые пять бригад были сформированы в ноябре и направлены под Москву. Три из них вошли в состав 1-й ударной армии.

Согласно существовавшим к началу войны взглядам на ведение наступательного боя (операции) ударная армия для непосредственной поддержки войск должна была иметь свою ближнебомбардировочную авиацию. Поэтому в процессе формирования в состав 1-й ударной армии были включены 707-й и 710-й легкомобомбардировочные полки, оснащенные самолетами У-2. Первым в район Загорска прибыл 710-й полк майора С. И. Куликова. 20 декабря сели на лед Сенежского озера, юго-восточнее Клина, самолеты 707-го полка майора Маталасова.

Вместе с тем необходимо отметить, что боевая подготовка, особенно тактическая, огневая и лыжная, прибывших в состав армии стрелковых бригад и лыжных батальонов была недостаточной. Это объяснялось тем, что на местах они формировались за несколько суток, максимум за 1—2 недели. За это время, естественно, нельзя было обучить личный состав тактике ведения боя и владению оружием, не говоря уже о сколачивании частей и подразделений в боевом отношении. И в районе сосредоточения армии тоже не было времени на доучивание, что впоследствии, несомненно, сказалось на боеспособности частей.

Недостаточным было и обеспечение армии вооружением, боевой техникой. Не хватало автоматического оружия, особенно ручных пулеметов, противотанковых ружей и даже винтовок. Так, в 29-й бригаде вместо 483 автоматов ППП имелось всего 19, в 50-й бригаде из положенных по табелям 59 ручных пулеметов налично было 28, вместо 12 76-мм орудий полковой артиллерии — только 8, вместо 12 45-мм пушек — 4; в минометном батальоне 84-й

бригады имелся всего один миномет¹. Не хватало автотранспорта и лошадей.

Несколько лучше обстояло дело с обмундированием. Большая часть личного состава прибывающих частей успела получить зимнее обмундирование в местах формирования. Тех же, кто не имел его, благодаря близости армейских складов к фронтовым и центральным одежд и обувь было относительно просто. Разветвленная сеть железных и шоссе дорог в армейском тылу благоприятствовала подвозу материальных средств. Но еще не было хлебопекарен, части складов, мастерских, не хватало госпиталей, транспортных подразделений. Они поступали в состав армии весь декабрь, но, как правило, недостаточно укомплектованные оборудованием и имуществом.

Огромную помощь командованию армии в организации тыла и экипировке войск оказали Московская, Дмитровская и Загорская партийные организации. В конце ноября Военный совет Западного фронта обратился к партийным и советским организациям Московской области с просьбой помочь в обеспечении прибывающих войск. Советские люди с готовностью откликнулись на этот призыв. В Загорске и ряде деревень была организована выпечка хлеба для частей армии. Загорский промкомбинат палатил производство саней. Из мобилизованных жителей Загорского и Дмитровского районов были сформированы транспортные гужевые подразделения. К концу декабря в армейском тылу пасчитывалось уже до 3000 санных упряжек, сведенных в транспортные роты и батальоны². Слабость госпитальной базы армии, состоявшей всего из двух госпиталей с десятью автомашинами для эвакуации раненых, компенсировалась тем, что в Москве и области были развернуты госпитали на десятки тысяч коек.

Трудности формирования в значительной мере преодолевались благодаря высокому морально-политическому уровню личного состава. Патриотический подъем в частях и соединениях армии вызвала передовая статья «Правды» от 27 ноября «Под Москвой должен начаться разгром врага!». В ней говорилось: «Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ. Они вынуждены перейти на медленный

¹ См.: Камалов Х. Х. Морская пехота в боях за Родину. М., 1966, с. 7.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 19, л. 18.

² См.: Провал гитлеровского наступления на Москву, с. 339.

шаг. Но они все же ползут! Значит, надо удесятерить стойкость защитников Москвы... Надо во что бы то ни стало сорвать разбойничий план Гитлера... Под Москвой должен начаться разгром врага». Это был призыв партии к воинам Красной Армии, сражавшимся под Москвой, и грозное предупреждение врагу. На митингах, прошедших во всех частях, бойцы и командиры клялись не жалеть своей жизни для разгрома ненавистного врага. Сознание того, что именно им партия и правительство доверили нанести первый удар по врагу, умножало силы воинов. Огромную работу по мобилизации личного состава на образцовое выполнение своего воинского долга проводили 2 тыс. политбойцов-москвичей, влившихся в армейские части.

Войска армии начали боевые действия до срока окончания формирования. Весь день и ночь 27 ноября через боевые порядки 29-й бригады выходили из боя подразделения 30-й армии. Штаб последней информировал штаб 1-й ударной армии, что к утру 28 ноября не исключен выход противника в район Яхромы, Дмитров. Командующий армией приказал командиру 29-й бригады быть готовым к отражению возможного нападения противника с утра 28 ноября, а также дал указание о ведении разведки в течение ночи в направлении Дмитров, Рогачево и Яхромы, Ольгово. Подполковнику В. В. Рябову, командиру 50-й бригады, выступавшей из Загорска, было приказано сосредоточить бригаду в районе Яхромы не позднее 10—11 часов 28 ноября.

В своих воспоминаниях генерал В. И. Кузнецов подробно описывает первые бои, которые пришлось вести войскам армии. Около 7 часов утра 28 ноября 12—15 танков и 1—2 роты пехоты противника, составлявшие передовой отряд 7-й танковой дивизии, с ходу атаковали левофланговую роту 2-го батальона, который занимал оборону на западной окраине Яхромы. Не имея противотанковых средств, в том числе и ручных гранат, воины не выдержали атаки танков и отошли на восточный берег канала. После непродолжительного уличного боя остальные две роты 2-го батальона также начали отходить. Преследуя отходящие подразделения, противник захватил яхромский мост через канал и занял деревню Перемилово на его восточном берегу. Однако дальнейшее его продвижение в восточном направлении было остановлено 3-м батальоном 29-й бригады с дивизионом реактивных минометов, занявшими для обороны высоты в 1 км восточ-

нее деревни Перемилово. Попытки гитлеровцев продвигаться к Дмитрову были пресечены огнем нескольких танков, выдвинутых на южную окраину города по расположению командующего 30-й армией генерала Д. Д. Лелюшенко. Наступление батальона пехоты противника на участке 1-го батальона 29-й бригады, занимавшего оборону западнее Дмитрова, было остановлено около 10 часов утра огнем артиллерии и пулеметов.

Выход противника на восточный берег канала в районе Перемилово угрожал тяжелыми последствиями. Надо было как можно быстрее отбросить гитлеровцев за канал. Прибыв около 10 часов утра в расположение 3-го батальона и ознакомившись с обстановкой, генерал В. И. Кузнецов решил контратаковать противника, занявшего Перемилово, подошедшими частями 50-й стрелковой бригады и 3-м батальоном 29-й бригады.

Начавшееся около 14 часов наступление частей 50-й и 29-й бригад окончилось неудачно. Огнем пехоты и танков противник остановил наши части в 300 м от восточной окраины Перемилово и вынудил их отойти в исходное положение. Только на левом фланге лыжному батальону удалось выйти на восточный берег канала.

Учитывая трудности борьбы пехоты с танками противника без противотанковой артиллерии, командование приняло решение отложить атаку до утра 29 ноября. 1-й батальон 29-й бригады, занимавший оборону на западном берегу канала у Дмитрова, в связи с угрозой обхода его флангов в ночь на 29 ноября был отведен на восточный берег.

Справедливости ради надо сказать, что в последующих боях 29-я бригада под командованием полковника Д. Е. Ерохина, сменившего полковника И. П. Федотова, показала себя с самой лучшей стороны и первой в действующей армии получила звание гвардейской.

Несмотря на удары советской авиации, командование 3-й немецкой танковой группы продолжало наращивать силы для дальнейшего наступления. 28 ноября на плацдарме сосредоточился передовой отряд 56-го моторизованного корпуса в составе танкового и мотопехотного полков 7-й танковой дивизии. Создалась реальная угроза развития наступления противника в направлении Загорска и вдоль Дмитровского шоссе непосредственно на северную окраину Москвы.

Во второй половине дня 28 ноября И. В. Сталин потребовал по телефону от В. И. Кузнецова и Н. Д. Захватае-

ва любой ценой отбросить противника на западный берег канала. К этому времени к линии фронта уже были выдвинуты 50-я бригада и два лыжных батальона. По приказу командарма спешно перебрасывались завершившие выгрузку 56-я и 44-я бригады и шесть лыжных батальонов. По указанию командующего фронтом авиация продолжала наносить удары по подходящим войскам противника.

Стремясь расширить захваченный плацдарм, противник пять раз в течение дня атаковал позиции 29-й бригады, яхромского и дмитровского рабочих истребительных батальонов, поддерживаемых огнем десяти танков 8-й танковой бригады 30-й армии, 73-го бронепоезда НКВД и зенитной батареи. Обстановка была критической. Неподобно враг прорывался к южной окраине Дмитрова, где располагались передовые командные пункты 1-й ударной и 30-й армий. Все атаки были отбиты. Победили стойкость советских людей, их массовый героизм.

Во время одной из атак до 20 вражеских танков с десантом пехоты прорвались к городу. Казалось, их уже ничем нельзя остановить... И в этот момент из переулка на площадь вышла колонна советских танков. Это был 123-й танковый батальон майора В. И. Макарова, прибывший в распоряжение 1-й ударной армии и выдвинувшийся по приказу генерала Кузнецова для прикрытия города. Генерал Д. Д. Лелюшенко остановил колонну, сел в танк командира батальона и повел его на врага. Внезапность и дерзость контратаки ошеломили гитлеровцев. Потеряв восемь танков, они повернули назад. Был подбит и танк, в котором находился Лелюшенко, и командарму пришлось выбираться через аварийный люк¹.

Во время другой атаки врага бойцы 2-го батальона 50-й бригады под командованием капитана Ф. Д. Круглова и комиссара батальона Ф. Я. Грачева остановили продвижение 14 вражеских танков, прорвавшихся через передний край обороны. Герои сожгли три танка, один захватили исправным. Атака фашистов захлебнулась². Ныне в Яхроме одна из улиц названа в память комбата Федора Круглова.

Особую стойкость и мужество проявили артиллеристы. Они не оставляли своих позиций даже в тех случаях,

¹ См.: Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М., 1975, с. 98.

² См.: Дорогами подвига. М., 1968, с. 38.

когда оставались без поддержки не обстрелянной еще пехоты. Так, 2-я батарея артиллерийского дивизиона 29-й бригады под командованием лейтенанта Г. И. Лермонтова прямой наводкой расстреливала гитлеровцев и каждый раз вынуждала их отходить в исходное положение. За проявленное мужество командир батареи был награжден орденом Красного Знамени, а наводчик сфрейтор Ф. П. Евлапов орденом Красной Звезды.

Таким образом, день 28 ноября стал для врага последним днем успешного продвижения на дмитровском направлении.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования в полосу армии днем 28-го и в ночь на 29 ноября были спешно переброшены 302-й и 310-й отдельные пулеметные батальоны, передан в подчинение командования армии 73-й бронепоезд внутренних войск НКВД (командир — капитан Ф. Д. Малышев)¹. Эти меры значительно усилили оборону и дали возможность нарастить силу удара наших войск на следующий день. 18-му лыжному батальону старшего лейтенанта А. В. Родина, подошедшему 28 ноября в Дмитров, генерал Кузнецов приказал провести ночную вылазку, с тем чтобы не дать гитлеровцам спокойно располагаться в избах. Группа из 45 добровольцев, используя темноту, подобралась к вражеским танкам, стоящим на окраине Перемилово, и забросала их бутылками с горючей смесью и гранатами. Несколько танков вспыхнули, гитлеровцы подняли бешеную стрельбу. Группа, выполнив свою задачу, отошла, потеряв 17 бойцов пленными.

Боевые действия армии 29 ноября были более успешными. Подразделения 29-й и 50-й бригад, два лыжных батальона под покровом темноты выдвинулись на рубеж в 150—200 м от противника и в 6 часов утра, поддержанные огнем 701-го артиллерийского полка и бронепоезда, а также 8-й танковой бригады (14 танков) и 123-го танкового батальона (5 танков КВ, 10 Т-34, 20 Т-60), внезапно атаковали врага. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, не смогли оказать серьезного сопротивления и, потеряв исправными 15 танков и свыше 100 человек пехоты, в беспорядке отошли на западный берег канала². Задача, поставленная Верховным Главнокомандующим,—

¹ См.: Красная звезда, 1976, 24 ноября.

² См.: Скотников Ю., Белов К. По местам великой битвы под Москвой. М., 1966, с. 46.

ликвидировать вражеский плацдарм на восточном берегу канала Москва — Волга — была выполнена. В ознаменование этой победы, положившей начало перелому обстановки в пользу советских войск, на перемиловской высоте воздвигнут величественный монумент, увековечивший подвиг защитников Москвы — воинов 1-й ударной, 20-й и 30-й армий¹. В центре Дмитрова на постаменте установлен танк Т-34 и высечены слова: «28 ноября 1941 года на этих священных рубежах бесстрашные воины 30-й и 1-й ударной армий, защищая Москву, остановили бронированные полчища немецко-фашистских захватчиков. Отсюда 6 декабря эти армии в составе Западного фронта перешли в наступление и разгромили врага». На здании дмитровской средней школы № 1, где находился передовой командный пункт армий, установлена мемориальная доска. Сама школа носит имя генерала В. И. Кузнецова.

Развивая атаку, 3-й батальон 29-й бригады во взаимодействии с ротой 123-го танкового батальона захватил яхромские железнодорожный и шоссеиный мосты. Однако дальнейшее продвижение было остановлено сильным огнем с восточной окраины Яхромы. Не имея возможности поддержать атаку пехоты достаточно плотным огнем артиллерии, командующий армией приказал командирам бригад закрепиться на восточном берегу канала в готовности к отражению повторных атак противника². По данным воздушной разведки, противник продолжал подтягивать новые части в район западнее Яхромы. А это означало, что в ближайшие дни и даже часы гитлеровцы намреваются предпринять новый бросок через канал. В связи с этим по приказу Ставки Верховного Главнокомандования оба моста были взорваны.

Как показали дальнейшие события, это решение было преждевременным. Уже через два дня саперам пришлось под огнем врага наводить переправы для танков и артиллерии.

В то тяжелое время трудно было в полной мере оценить все значение победы на перемиловской высоте и ее влияние на изменение планов гитлеровского командования. Поражение передовых частей 3-й танковой группы и ликвидация перемиловского плацдарма в известной мере отрезвили командование группы армий «Центр» и

вынудили его отказаться от плана глубокого охвата Москвы с выходом в район Загорска и Пушкино. Оно решило использовать канал Москва — Волга южнее Яхромы как выгодный оперативный рубеж, прикрывающий левый фланг 3-й и 4-й танковых групп, и нанести удар непосредственно на Москву вдоль западного берега канала. Советское Верховное Главнокомандование, завершая подготовку к переходу в решительное контрнаступление, получило возможность нанести фланговый удар по ударной группировке врага, сорвать планы захвата Москвы и вырвать инициативу из его рук. В числе важнейших мероприятий планировались контрудары по ударным группировкам противника севернее и южнее Москвы. Контрудар севернее Москвы должны были нанести свежие 1-я ударная и 20-я армии, которые по завершении формирования передавались Западному фронту.

По распоряжению Ставки ВГК с 20 часов 29 ноября 1-я ударная армия вошла в подчинение Военного совета Западного фронта. К этому времени в нее входили 29, 47, 50, 55, 56, 44, 71 и 84-я стрелковые бригады, 12 лыжных батальонов, армейский артиллерийский полк, два дивизиона РС общей численностью 36 950 человек. На вооружении армии состояло: винтовок — 25 025, станковых пулеметов — 245, ручных — 705, крупнокалиберных — 5, автоматов ППД — 648, полевых орудий — 103, минометов — 335. Гаубиц и зенитных средств армия не имела.

30 ноября штаб армии получил директиву фронта, в которой ставилась задача с утра 2 декабря всеми силами перейти в наступление на фронте станция Каналстрой, Черная. Основные усилия сосредоточить в направлении Деденево (4 км южнее Яхромы), Федоровка с ближайшей задачей деблокировать группу генерала Захарова. В дальнейшем, развивая наступление в направлении южной окраины Клина, во взаимодействии с 30-й и 20-й армиями (первая из них наступала справа, вторая — слева), разбить клинско-солнечногорскую группировку противника и выйти на рубеж Клин, Солнечногорск¹. Таким образом, ближайшей задачей армии было нанесение контрудара, который в дальнейшем надлежало развить, участвуя в

¹ Монумент открыт 7 декабря 1966 г.

² См.: Военно-исторический журнал, 1961, № 12, с. 60.

¹ См.: Разгром немецких войск под Москвой. М., 1943, ч. 1, с. 69.

² Г. И. Бердников

контрнаступлении фронта. Армия усиливалась 133-м танковым батальоном капитана В. Н. Рыбкина.

В соответствии с директивой генерал Кузнецов принял решение оборонять частью сил участок на восточном берегу канала в районе Дмитрова, а силами 44-й и 71-й бригад, трех лыжных батальонов при поддержке легких танков 123-го танкового батальона, 701-го артиллерийского полка, 3-го и 38-го дивизионов гвардейских минометов наступать в направлении Яхромы, Ольгово и войти в связь с частями группы Захарова¹.

Однако выполнить это решение оказалось делом сложным. Тонкий лед на канале не выдерживал даже легких танков. Необходимо было навести переправы. Эту задачу выполнили подразделения 2-го полка отдельной мотострелковой бригады особого назначения войск НКВД. Под огнем противника по этим переправам начиная с ночи на 30 ноября и по 1 декабря под вражеской бомбежкой части ударной группировки армии переправились через канал и сразу же атаковали части 23-й пехотной дивизии противника, выбив их из Григорково, Морозки и Дьяково (10—15 км южнее Яхромы).

Жаркий бой разгорелся за Языково (7 км юго-западнее Яхромы). Здесь против частей 6-й танковой дивизии действовала 71-я бригада полковника Я. П. Безверхова с шестью легкими танками. Еще во время артиллерийской подготовки бойцы сняли шапки и надели бережно сохраняемые бескозырки. По сигналу красной ракеты батальоны капитанов А. Н. Голяко и В. П. Гревцова поднялись в атаку. На бегу расстегивали моряки свои черные шинели, чтобы враг издали видел «морскую душу» — тельняшку и знал, с кем имеет дело. Не кланяясь пулям и осколкам, они бежали по открытому заснеженному полю, надвигаясь на врага, словно горная лавина. Недаром после первых же боев гитлеровцы прозвали моряков «черной смертью».

— Полундр-ра! — раскатывалось по полю.

Сильный пулеметный огонь с околицы деревни и налет авиации все же заставили бойцов залечь. Но ненадолго. Снова над полем гремит «Полундр-ра!» — и вот моряки уже ворвались в крайние дома. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Они вели огонь из окон изб, из-за заборов. Матросы огнем, грабатами и штыками выбивали их из укрытий. К вечеру Языково было освобо-

ждено¹. Бригада захватила 8 танков, 7 бронемашин и до 20 орудий. В штабной машине, застрявшей при выезде из деревни, моряки обнаружили парадное офицерское обмундирование со знаками различия, орденами и медалями и комплект инструментов духового оркестра. Пленный офицер 4-го мотопехотного полка 6-й танковой дивизии сообщил на допросе, что обмундирование это предназначалось для участников парада на Красной площади в Москве. Командование танковой группы надеялось, что дивизия войдет в столицу в ближайшие дни. Однако надеждам этим не суждено было сбыться.

В бою за Языково моряки понесли большие потери. Смертью храбрых погиб капитан А. Н. Голяко.

Командование группы армий «Центр», как выяснилось впоследствии, явно недооценивало действительного значения боев 30 ноября, в результате которых были скованы 6-я танковая и 23-я пехотная дивизии, несколько расширен плацдарм 1-й ударной армии на западном берегу канала и ликвидирован собственный плацдарм на восточном берегу. В своих расчетах оно исходило из того, что обстановка под Москвой достигла критического предела и судьбу сражения, и даже кампании, может решить последний батальон. Главной в этих расчетах была предпосылка, что советское командование израсходовало все резервы и уже не может оказать серьезного сопротивления. 2 декабря начальник штаба сухопутных войск гитлеровской Германии генерал-полковник Гальдер записал в своем служебном дневнике: «...сопротивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил»². И действительно, на оперативных картах главного командования сухопутных сил по состоянию на первую половину декабря советские резервные армии, формируемые под Москвой, не показаны. 1-я ударная армия в первый раз появилась на этих картах только 15 декабря, и то около ее номера поставлен знак вопроса.

Утром 1 декабря обе танковые группы противника начали, как полагало гитлеровское командование, последний, решающий штурм Москвы. Основной удар по 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского наносила 4-я танковая группа, наиболее близко подошедшая к Москве. 3-я танковая группа атаковала соединения 1-й ударной

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 26, л. 5.

¹ См.: Красная звезда, 1961, 5 дек.

² Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971, т. 3, кн. 2, с. 90.

армии, расположенные на западном берегу канала южнее Яхромы, а также части группы генерала Ф. Д. Захарова. Напряженность боев действительно достигла своей кульминации.

В течение дня 4-й танковой группе удалось несколько потеснить войска 16-й армии, воины которой проявили величайшее упорство и массовый героизм, и захватить Белый Раст, Озерецкое, Красную Поляну и Крюково (27 км от Москвы). Этот частный успех был расценен гитлеровским командованием как решающий. И редакция берлинских газет 2 декабря было предложено резервировать на первых страницах место, чтобы поместить сообщения о взятии Москвы. 3 и 4 декабря газеты вышли с большим опозданием: редакции ждали известия о падении советской столицы. Но его не последовало...

Соединения 3-й танковой группы также натолкнулись на упорное сопротивление частей группы генерала Захарова и контратаки левофланговых соединений 1-й ударной армии. Попытки врага уничтожить группу генерала Захарова и очистить Рогачевское шоссе, отбросить за канал части армии и высвободить главные силы 3-й танковой группы для маневра в район Красной Поляны, с тем чтобы совместно с 4-й танковой группой сломить сопротивление 16-й армии и завершить сражение за Москву победой, были сорваны¹. Успех был достигнут в первую очередь за счет массового героизма воинов армии.

Бои 1 декабря вылились в «своеобразное встречное сражение», как определил их характер Генеральный штаб Красной Армии. «Конкретный характер боевых действий был таков, что встречных боев почти не было... Однако поскольку каждая из сторон... ставила своим войскам наступательные задачи... этот период боевых действий можно рассматривать как встречное сражение в своеобразных условиях (нетипичный случай встречного сражения)»². Такой характер боев сохранился и в последующие дни. На атаки гитлеровских войск части армии отвечали контратаками. Обычно гитлеровцы, атакуя днем, захватывали какое-либо село, а наши части, атакуя ночью, освобождали его. На следующий день события повторялись.

В ночь на 2 декабря штаб армии получил боевое рас-

поряжение штаба фронта, в котором уточнялась ее задача на напесение контрудара. Генерал Кузнецов принял решение продолжать наступление в прежнем направлении с сохранением сложившегося оперативного построения армии. Под покровом темноты войска 1-й ударной и 20-й армий (слева) заняли исходное положение для контрудара. Справа готовилась к наступлению 30-я армия. Утром 2 декабря после короткой артиллерийской подготовки подразделения 44, 56, 71 и 55-й бригад дружно, насколько позволяло движение по глубокому снегу, атаковали противника. Ввод в сражение войск 1-й ударной и 20-й армий и их контрудар были совершенно неожиданными для врага. Тем не менее, имея превосходство в танках, части 7-й и 6-й танковых и 23-й пехотной дивизий оказывали упорное сопротивление советским войскам. Отдельные деревни после ожесточенных рукопашных схваток по несколько раз за сутки переходили из рук в руки.

С утра 3 декабря бои возобновились с новой силой. Атаки частей и подразделений армии приобретали все более организованный характер. Боевой порыв воинов был настолько сильным, что его уже не могли сдержать никакие усилия врага. Хотя гитлеровцы еще отчаянно сопротивлялись, чувствовалось, что их боевой дух уже надломлен. Ход встречных боев все более склонялся в пользу наших войск. Большого успеха достигла в этот день 50-я стрелковая бригада, ворвавшаяся на южную окраину Яхромы. Здесь один из ее батальонов попал под огонь пулеметов, установленных в подвале каменного дома. Воины были вынуждены залечь. Тогда комсомолец Кичигин со связкой гранат подобрался к дому и бросил ее в подвал. От мощного взрыва дом обрушился, похоронив под обломками не только вражеских пулеметчиков, но и отважного комсомольца.

4 декабря 55-я бригада, потеснив части 23-й пехотной дивизии, пробилась к группе генерала Захарова. Ближайшая задача была выполнена, цель контрудара достигнута. 5 декабря войска армии продолжали медленно теснить врага. После деблокирования группы Захарова генерал Кузнецов приказал командиру 133-й дивизии генералу В. И. Швецову, принявшему командование группой, прикрыть стык 1-й ударной и 20-й армий. 641-й легкий артиллерийский полк майора В. С. Попова (две 85-мм и четыре 37-мм зенитные пушки) поступал в распоряжение командарма как противотанковый и про-

¹ См.: Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М., 1980, с. 194.

² Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 166.

тивовоздушный резерв армии¹. В дальнейшем этот полк почти полтора года был как бы штатной истребительно-противотанковой частью армии.

Крайне тяжелыми и кровопролитными были эти бои. Обе стороны несли большие потери. Только за 4—5 декабря войска армии уничтожили до 680 немецких солдат и офицеров, взяли 26 пленных, захватили около 400 винтовок, 80 автоматов, шесть 37-мм орудий, подбили 15 танков, 2 бронемашин². Пленный командир роты мотопехотного полка 6-й танковой дивизии, захваченный 5 декабря в Языково, показал: «Наш полк в бою у Языкова понес огромные потери. Я командую ротой с начала войны. За все время рота потеряла всего 50 человек, а за последние три дня боев в моей роте из 200 человек осталось 16 солдат и 2 офицера... Последние два-три дня были самыми черными днями нашей части»³. Большие потери несли и наши войска. В Яхроме, Перемилово, Семешках, Каменке и Леоново в братских могилах захоронено 726 воинов армии, в Языково — более 500 моряков 71-й бригады, отдавших свою жизнь за Родину.

Если смотреть с тактической точки зрения, результаты контрудара были довольно скромными: за четверо суток боев в полосе 1-й ударной армии противник был отброшен всего на 4—5 км, плацдарм расширен по фронту до 12 км, вышла из окружения группа генерала Захарова, части 20-й армии продвинулись на 1,5—2 км. Однако его действительное значение далеко выходило за тактические рамки. Нанесенный внезапно для врага контрудар сковал соединения 3-й танковой группы и не позволил перебросить их к Москве. Контрудары 1-й ударной и 20-й армий ослабили давление врага на 16-ю армию и позволили ей окончательно остановить его продвижение.

И самое главное, контрудары способствовали переходу инициативы к советским войскам. Маршал Г. К. Жуков впоследствии говорил, что успех контрудара подтвердил мнение командования фронта, что враг выдохся и необходимо, используя благоприятный момент, немедленно переходить в контрнаступление⁴. Маршал

В. Д. Соколовский, бывший в то время начальником штаба Западного фронта, в одной из своих статей писал: «Примеров нанесения контрударов с целью локализации прорывов противника было очень много, но главные из них — контрудары в районах Яхромы и Лобни, которые наносились с задачей сдерживать натиск 3-й и 4-й танковых групп противника на северных и северо-западных подступах к Москве в конце ноября 1941 года»¹. А позже на вопрос корреспондента «Недели» «Какой день Московской битвы вам особенно запомнился?» он ответил: «Третье декабря 1941 года. На мой взгляд, именно в этот день занялась заря нашей победы в Великой Отечественной войне. В этот день отборнейшее коричневое воинство попятилось под ударами советских войск»². Исключительно большое оперативно-стратегическое значение контрударов для последующих действий советских войск под Москвой подчеркнул и маршал А. М. Василевский. В своих воспоминаниях он писал: «Контрудары, осуществленные 1-й ударной и 20-й армиями севернее Москвы, а также действия усиленного кавалерийского корпуса в районе Каширы позволили советским войскам перейти в контрнаступление под Москвой»³.

Первый боевой экзамен 1-я ударная армия выдержала с честью.

Глава 2.

В КОНТРНАСТУПЛЕНИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

К 5 декабря ценой крайнего напряжения сил войска Калининского и Западного фронтов выполнили задачи, поставленные перед ними Ставкой Верховного Главнокомандования. Упорной обороной и решительными контрударами продвижение противника к Москве было окончательно остановлено, он понес тяжелые потери. За это время Ставка ВГК накопила крупные стратегические резервы и сосредоточила их на наиболее выгодных для контрнаступления направлениях. Были созданы необходимые запасы боеприпасов и других материальных средств. Сосредоточение резервов удалось осуществить скрытно от противника и достигнуть внезапности контр-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 5, л. 10, 17; оп. 6792, д. 219, л. 41.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 26, л. 161—165.

³ Провал гитлеровского наступления на Москву, с. 318.

⁴ См.: Безымецкий Л. Укрошение «Тайфуна». М., 1978, с. 181.

¹ Военно-исторический журнал, 1961, № 11, с. 22.

² Неделя, 1966, 3 дек., с. 6.

³ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975, с. 601.

тивовоздушный резерв армии¹. В дальнейшем этот полк почти полтора года был как бы штатной истребительно-противотанковой частью армии.

Крайне тяжелыми и кровопролитными были эти бои. Обе стороны несли большие потери. Только за 4—5 декабря войска армии уничтожили до 680 немецких солдат и офицеров, взяли 26 пленных, захватили около 400 винтовок, 80 автоматов, шесть 37-мм орудий, подбили 15 танков, 2 бронемашин². Пленный командир роты мотопехотного полка 6-й танковой дивизии, захваченный 5 декабря в Языково, показал: «Наш полк в бою у Языкова понес огромные потери. Я командую ротой с начала войны. За все время рота потеряла всего 50 человек, а за последние три дня боев в моей роте из 200 человек осталось 16 солдат и 2 офицера... Последние два-три дня были самыми черными днями нашей части»³. Большие потери несли и наши войска. В Яхроме, Перемилово, Семешках, Каменке и Леоново в братских могилах захоронено 726 воинов армии, в Языково — более 500 моряков 71-й бригады, отдавших свою жизнь за Родину.

Если смотреть с тактической точки зрения, результаты контрудара были довольно скромными: за четверо суток боев в полосе 1-й ударной армии противник был отброшен всего на 4—5 км, плацдарм расширен по фронту до 12 км, вышла из окружения группа генерала Захарова, части 20-й армии продвинулись на 1,5—2 км. Однако его действительное значение далеко выходило за тактические рамки. Нанесенный внезапно для врага контрудар сковал соединения 3-й танковой группы и не позволил перебросить их к Москве. Контрудары 1-й ударной и 20-й армий ослабили давление врага на 16-ю армию и позволили ей окончательно остановить его продвижение.

И самое главное, контрудары способствовали переходу инициативы к советским войскам. Маршал Г. К. Жуков впоследствии говорил, что успех контрудара подтвердил мнение командования фронта, что враг выдохся и необходимо, используя благоприятный момент, немедленно переходить в контрнаступление⁴. Маршал

В. Д. Соколовский, бывший в то время начальником штаба Западного фронта, в одной из своих статей писал: «Примеров нанесения контрударов с целью локализации прорывов противника было очень много, но главные из них — контрудары в районах Яхромы и Лобни, которые наносились с задачей сдерживать натиск 3-й и 4-й танковых групп противника на северных и северо-западных подступах к Москве в конце ноября 1941 года»¹. А позже на вопрос корреспондента «Недели» «Какой день Московской битвы вам особенно запомнился?» он ответил: «Третье декабря 1941 года. На мой взгляд, именно в этот день занялась заря нашей победы в Великой Отечественной войне. В этот день отборнейшее коричневое воинство попятилось под ударами советских войск»². Исключительно большое оперативно-стратегическое значение контрударов для последующих действий советских войск под Москвой подчеркнул и маршал А. М. Василевский. В своих воспоминаниях он писал: «Контрудары, осуществленные 1-й ударной и 20-й армиями севернее Москвы, а также действия усиленного кавалерийского корпуса в районе Каширы позволили советским войскам перейти в контрнаступление под Москвой»³.

Первый боевой экзамен 1-я ударная армия выдержала с честью.

Глава 2.

В КОНТРНАСТУПЛЕНИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

К 5 декабря ценой крайнего напряжения сил войска Калининского и Западного фронтов выполнили задачи, поставленные перед ними Ставкой Верховного Главнокомандования. Упорной обороной и решительными контрударами продвижение противника к Москве было окончательно остановлено, он понес тяжелые потери. За это время Ставка ВГК накопила крупные стратегические резервы и сосредоточила их на наиболее выгодных для контрнаступления направлениях. Были созданы необходимые запасы боеприпасов и других материальных средств. Сосредоточение резервов удалось осуществить скрытно от противника и достигнуть внезапности контр-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 5, л. 10, 17; оп. 6792, д. 219, л. 41.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 26, л. 161—165.

³ Провал гитлеровского наступления на Москву, с. 318.

⁴ См.: Безымецкий Л. Укрошение «Тайфуна». М., 1978, с. 181.

¹ Военно-исторический журнал, 1961, № 11, с. 22.

² Неделя, 1966, 3 дек., с. 6.

³ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975, с. 601.

паступления. По свидетельству фельдмаршала Ф. Паулуса, «верховное командование вооруженных сил Германии не имело сведений о подготовке советского контр-наступления под Москвой»¹.

Стратегический замысел, разработанный Ставкой Верховного Главнокомандования, предусматривал переход в контрнаступление войск Западного фронта, левого крыла Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов, нанесение ими мощных ударов на широком фронте по главным ударным группировкам противника, действовавшим севернее и южнее Москвы, срыв их попыток перегруппировать войска и закрепиться в непосредственной близости от Москвы, развитие наступления в западном направлении, завершение окружения и разгром основных сил группы армий «Центр».

В соответствии с этим замыслом Ставки генерал армии Г. К. Жуков принял решение на контрнаступление войск фронта, утвержденное Ставкой 1 декабря. Замысел контрнаступления в части, касающейся действий войск фронта севернее Москвы (Клинско-Солнечногорская наступательная операция), предусматривал разгром 3-й и 4-й танковых групп противника, находившихся в непосредственной близости от столицы и представлявших для нее наибольшую опасность, путем нанесения ударов по сходящимся направлениям: с северо-востока силами 30-й армии, с востока — 1-й ударной и 20-й армий, с юго-востока — 16-й армии. Для поддержки их действий привлекалось 75 процентов авиации фронта, а также авиационные соединения из резерва Верховного Главнокомандования. Для непосредственной поддержки наступления войск 1-й ударной армии командующий фронтом выделил авиационную группу генерал-лейтенанта И. Ф. Петрова в составе трех авиационных дивизий².

3 декабря командующий фронтом уточнил задачу армии: наступая в прежней полосе, ударом из района южнее Яхромы в направлении Федоровки нанести поражение противостоящему противнику. Ближайшая задача — овладеть рубежом Яхромы, Ольгово, Свистуха, в дальнейшем наступать в направлении Федоровка, южная окраина Клина. Справа 30-я армия наносит удар главными силами в направлении Завидово, частью сил — в направлении Клина. Слева 20-я армия наступает в направле-

нии Солнечногорск, Волоколамск. Переход в наступление — с утра 6 декабря¹.

Таким образом, 1-й ударной армии отводилась весьма важная роль в выполнении задачи фронта. Находясь в первом эшелоне в центре его северной ударной группировки, она должна была во взаимодействии с соседними армиями разгромить основные силы 3-й танковой группы противника и развить наступление в западном направлении.

Силы и средства армии к моменту перехода в наступление оставались в основном прежними. На 6 декабря в ее состав входили: шесть стрелковых (29, 44, 47, 50, 55, 56-я) и две морские стрелковые (71-я, 84-я) бригады, одиннадцать отдельных лыжных (1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 16, 18, 19, 20-й), два отдельных пулеметно-артиллерийских (302-й, 310-й) и два танковых (123-й, 133-й) батальона, 701-й пушечный артиллерийский полк, 3-й гвардейский минометный дивизион, а также остатки двух дивизий (133-й стрелковой и 17-й кавалерийской)². Всего армия имела около 28 000 активных штыков, 635 орудий и минометов, 50 танков.

Войскам армии в полосе предстоящего наступления противостояли 56-й моторизованный корпус 3-й танковой группы противника и часть сил 5-го армейского корпуса 4-й танковой группы в составе трех танковых (1, 6, 7-я) и одной пехотной (23-я) дивизий, два артиллерийских полка РКК. В них насчитывалось 18 000 человек, 310 орудий и минометов, 110 танков. Наши войска имели превосходство над противником по пехоте в 1,5 раза, артиллерии — в 2,1 раза, однако уступали ему в 2,2 раза по танкам.

Для 1-й ударной армии контрнаступление фронта было дальнейшим развитием ее контрудара, перераставшего в армейскую наступательную операцию. И поскольку армия уже начала наступательные бои, командарм, принимая решение на операцию, не считал возможным производить какие-либо перегруппировки и изменять задачи соединениям. В целом решение выглядело так: продолжать наступление, нанося главный удар центром армии в направлении Федоровка, Клин, второй удар — правым флангом севернее Яхромы, частью сил

¹ ЦАМО, ф. 16, оп. 1160, д. 1073, л. 10.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 286.

¹ См.: Мурчев Д. З. Провал операции «Тайфун». М., 1972, с. 181—182.

² См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 12.

сковать противника перед левым флангом армии. Оборону противника прорвать на участке иск. Яхрома, Хорошилово (ширина 11 км) силами пяти стрелковых бригад, двух танковых и трех лыжных батальонов. Оперативное построение иметь в один эшелон (29, 50, 44, 56, 71 и 55-я бригады), резерв — 47-я бригада. Задачи определялись только для бригад, действующих на направлении главного удара: ближайшая — на глубину 3 км, последующая — 4—6 км.

Подготовка наступления проводилась в крайне сжатые сроки, в условиях тяжелых оборонительных боев, незавершенности формирования войск, а также суровой, снежной зимы. Нехватка артиллерии и особенно танков и недостаточный опыт их боевого применения общевойсковыми командирами и послужили причиной того, что они не массировались, как это делалось в последующие годы войны, на главном направлении, а поротно и повзводно распределялись по стрелковым батальонам, где отдельные машины придавались стрелковым ротам.

В армии создавалась артиллерийская группа дальнего действия (ДД) в составе 701-го пушечного полка РГК и двух дивизионов гвардейских минометов. Предполагалось, что она будет придаваться той или иной бригаде или группе бригад, способствуя их продвижению вперед. В бригадах создавались группы поддержки пехоты (ПП) в составе 1—2 артиллерийских и минометных дивизионов. Фактически орудия этих дивизионов распределялись по батареям и даже повзводно между батальонами первого эшелона.

Артиллерийская подготовка наступления предусматривалась очень короткой — всего 10 минут и только по опорным пунктам противника, расположенным на переднем крае.

Слабая артиллерийская и танковая поддержка стрелковых соединений в некоторой степени восполнялась действиями авиации, выделенной для непосредственной поддержки армии с ресурсом 150—180 самолето-вылетов в сутки¹.

Противовоздушная оборона армии была весьма надежной, поскольку она действовала в пределах Московского корпусного района ПВО, предназначенного защищать от налетов вражеской авиации не только Москву, но и подступы к ней на расстоянии 150—200 км.

Сложнее решались вопросы организации связи. Прибывший только в ночь на 5 декабря в Загорск 113-й учебный запасный полк связи, включенный в состав армии в качестве 103-го армейского полка связи, был неполностью укомплектован радиостанциями, телефонно-телеграфным имуществом, транспортом¹. Другие части связи прибывали уже в ходе начавшегося наступления. Основной являлась проводная связь. Связисты-лыжники прокладывали линии вдоль войсковых дорог и вне их по снежной целине, при этом катушки с кабелем устанавливались на лыжи или санки.

Большое значение в предстоящем наступлении придавалось организации четкой работы всех органов тыла. Опыт первых боев показал, что фактический расход боеприпасов больше запланированного. Однако для своевременного подвоза требующегося количества боеприпасов тыл армии не располагал необходимым транспортом. Учитывая это, Ставка выделила армии аэросанный транспортный батальон. Кроме того, предусматривался подвоз материальных средств автомобильными частями фронта и РГК с центральных и фронтовых баз непосредственно в бригады, минуя армейские склады. К началу наступления запасы материальных средств составляли: винтовочных патронов — 1,8, мин — 1,2, артиллерийских — 1,4 боекомплекта, горючего — 2,3 заправки, продовольствия — 4,5 сутодачи². В то время такие запасы считались большими. Позже, в наступательных операциях 1944—1945 гг., в армиях создавались запасы в 2—3 раза большие, и это считалось нормой.

Особое внимание при подготовке наступления было уделено партийно-политической работе. Она проводилась под лозунгом «Под Москвой должен начаться разгром врага!». Основной ее задачей было: добиться психологического перелома в сознании воинов после неудач лета и осени 1941 г., убедить их в том, что врага можно и должно разгромить. Во всех частях и подразделениях были созданы группы агитаторов из лучших бойцов и командиров. Так, в 47-й бригаде вели работу 140 агитаторов, в 50-й — 102. Для них читались специальные доклады, проводились семинары и инструктивные совещания. Материалы, вдохновлявшие воинов на бой с заклятым врагом, помещала армейская газета «На разгром

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 286.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 7, л. 287.

² См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 130.

врага», начавшая выходить с 3 декабря (редактор батальонный комиссар П. А. Ведерник)¹. Агитаторы тесно увязывали темы своих бесед с жизнью подразделений, анализом прошедших боев и задачами предстоящего наступления. Большую воспитательную работу пришлось проводить в подразделениях морских бригад. Многие моряки считали унизительным «кланяться» фашистским гадам. Стремясь только вперед, они пренебрегали перебежками и переползаниями, не приспособившись к местности, не использовали укрытий, в результате чего несли неоправданно большие потери. Эффективности партийно-политической работы способствовали также первые боевые успехи в армии, вдохновившие бойцов на новые подвиги. Высокий наступательный порыв войск, проявившийся в ходе наступления, явился закономерным результатом этой работы.

В целом командование, полевое управление армии, партийно-политические органы в исключительно сложных условиях провели большую работу по подготовке наступления.

В ночь перед наступлением на участках, намеченных для прорыва, была осуществлена авиационная подготовка. Всего было сделано до 200 самолето-вылетов². В морозное утро 6 декабря войска 1-й ударной армии одновременно с 20-й и 16-й армиями при поддержке артиллерии и авиации перешли в наступление. Бои сразу приняли ожесточенный характер, особенно за Яхрому и дорогу Яхрома — Солнечногорск. Преодолевая сильное сопротивление врага, соединения армии к исходу дня продвинулись на 1,5—2 км и освободили от гитлеровцев восточную часть Яхромы³. 71-я бригада в четвертый раз, уже окопательно, выбила части 6-й танковой дивизии из Языково.

С утра 7 декабря бои разгорелись с новой силой. На правом фланге 50-я бригада при поддержке с флангов 29-й и 44-й бригад к исходу дня завершила освобождение Яхромы⁴. В боях за город героически действовал командир пульроты 50-й бригады лейтенант И. Харлов. Обнаружив вражеское орудие, мешавшее продвижению подразделений батальона, он скрытно подобрался к не-

му и гранатой уничтожил его расчет, а затем, развернув орудие, открыл огонь по вражеским танкам и подбил один из них. Другие танки открыли огонь по отважному воину. Герой погиб, но память о нем жива. Одна из улиц Яхромы названа именем Ивана Харлова¹.

8 декабря Военный совет армии выпустил листовку, в которой поздравил личный состав с освобождением Яхромы.

44-я бригада при поддержке 133-го танкового батальона после семи упорных атак сломила сопротивление врага в Степаново (5 км юго-западнее Яхромы) и освободила населенный пункт. При этом было уничтожено до 200 гитлеровских солдат и офицеров, захвачено 10 танков, 60 автомашин, 56 мотоциклов, 9 орудий, 7 пулеметов².

Особенно тяжелыми были бои за Федоровку — сильный опорный пункт врага. Но благодаря самоотверженным действиям воинов 56-й бригады полковника И. Л. Рагули и введенной в бой 84-й бригады полковника В. А. Молева сопротивление гитлеровцев было сломлено. Менее успешно развивались боевые действия на левом фланге, где 55-я бригада с трудом преодолевала сопротивление частей 23-й немецкой пехотной дивизии.

В течение 8 декабря войска армии продолжали развивать наступление. Преодолевая упорное сопротивление частей 6-й и 7-й танковых и 23-й пехотной дивизий, особенно на правом фланге и в центре, они медленно теснили противника в западном направлении. Будучи обойденным с флангов, враг вынужден был оставить некоторые опорные пункты, бросая технику и вооружение.

В результате трехдневных ожесточенных боев войскам армии удалось сорвать переход гитлеровцев к обороне и вынудить их оставлять позицию за позицией. За этот период было освобождено 42 населенных пункта, глубина продвижения составила 5—10 км. Конечно, средний темп наступления 2—3 км в сутки трудно назвать высоким, но необходимо учитывать при этом и то обстоятельство, что наступать приходилось в трудных зимних условиях, преодолевая упорное сопротивление врага и неся большие потери. Но противник терял гораздо больше. За три дня боев было убито около двух тысяч вражеских солдат и офицеров, захвачено 75 танков, 300 ав-

¹ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 152.

² См.: Федоров А. Г. Авиация в битве за Москву. М., 1975, с. 199.

³ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 14.

⁴ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 26, л. 11.

¹ См.: Дорогами подвига, с. 42—43.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6804, д. 6, л. 52.

томашин, 112 мотоциклов и много другого вооружения и снаряжения¹.

На ход выполнения поставленной задачи и ее результаты в значительной степени повлияли не только трудные зимние условия, но и недостатки в организации наступления. Глубокий (80—100 см) снежный покров сковывал маневр частей и подразделений, вынуждал их действовать вдоль дорог и выбивать врага из опорных пунктов большей частью лобовыми атаками. Проявлялась также боязнь командиров иметь открытые фланги частей и подразделений и их стремление поддерживать локтевую связь с соседями, что вело к редкому использованию открытых флангов противника для его охвата и обхода.

Все перечисленные недостатки были следствием отсутствия достаточного боевого опыта. Вся армия — от рядового до командующего — училась наступать. В этом отношении показателем бой 71-й бригады за Тимоново. Демонстрируя атаку с фронта, подразделения бригады охватили опорный пункт врага с флангов, группа автоматчиков вышла ему в тыл. Ни один гитлеровец не вырвался из железного кольца моряков². Однако надо учесть еще одно важное обстоятельство. Дело в том, что с самого начала армии пришлось действовать против танковых дивизий врага почти без поддержки своих танков. Поэтому командиры стрелковых частей и подразделений стремились вынудить противника применять оружие ближнего боя — штык, гранату, навязать ему рукопашный бой, чему русская и советская армии всегда были хорошо обучены и в чем они были сильны. Уже первые бои показали, что гитлеровцы боялись ближнего боя и стремились от него уклониться.

Застигнутое врасплох наступлением советских войск, командование группы армий «Центр» настоятельно просило верховное командование дать приказ на оборону. Гитлеровская ставка, ранее категорически отвергавшая просьбы о переходе к обороне под Москвой, была вынуждена 8 декабря отдать такую директиву.

Переход к стратегической обороне гитлеровское командование рассматривало как временную меру. Оно надеялось, что группе армий «Центр» удастся отразить контрнаступление советских войск и удержаться на за-

хваченных рубежах вблизи Москвы, пополнить потрепанные в боях соединения, подтянуть резервы и весной 1942 г. возобновить наступление. Основным рубежом, на котором группа армий «Центр» должна была остановить наступление Калининского и Западного фронтов, так называемой зимней позицией, по решению гитлеровского командования должны были стать реки Лама, Руза, Нара. Здесь с начала декабря развернулись интенсивные оборонительные работы. Чтобы выиграть время для завершения инженерного оборудования рубежа и обеспечить отвод на него соединений 3-й и 4-й танковых групп, было принято решение перейти к сдерживающим действиям, используя для обороны выгодные естественные рубежи и удерживая их до последней возможности, а при отходе взрывать мосты, сжигать населенные пункты, минировать дороги.

Утром 9 декабря воздушная разведка отметила почти непрерывное движение колонн автотранспорта по дорогам, ведущим в западном направлении.

Военный совет фронта, оценив сложившуюся обстановку, потребовал от командующих армиями в целях увеличения темпов наступления запретить фронтовые бои с прикрывающими частями противника и лобовые атаки его укрепленных пунктов, «против арьергардов и укрепленных позиций оставлять небольшие заслоны и стремительно их обходить, выходя как можно глубже на пути отхода противника. Сформировать... несколько ударных групп в составе танков, автоматчиков, конницы и под водительством храбрых командиров бросить их в тыл противника...»¹. В директиве ставилась и конкретная задача армии — к утру 10 декабря главными силами выйти на Ленинградское шоссе южнее Клина и расчленив клинскую и солнечногорскую группировки противника.

Во исполнение этой директивы командование и политические органы армии наметили и провели ряд мероприятий, результаты которых сказались уже в последующие дни. По указанию командующего армией в каждой бригаде первого эшелона были созданы передовые и обходящие отряды. В качестве передовых отрядов использовались отдельные лыжные батальоны, которым ставилась задача, используя разрывы и промежутки в боевых порядках противника, проникать в глубь его обороны, нападать на транспортные колонны, тылы, узлы связи,

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 26, л. 183—187.

² См.: За кадры (газета 2-й гв. сбр), 1942, 10 апр.

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1030, л. 9.

сеять панику. Обходящие отряды создавались из подразделений бригад, поставленных на лыжи, с задачей путем обхода или охвата опорных пунктов противника содействовать частям первого эшелона в их уничтожении. Большое значение придавалось внезапным ночным действиям с целью измотать противника, лишить его возможности спокойно отдыхать ночью. Для этого каждая бригада в дневное время должна вести наступление двумя батальонами при поддержке танков и артиллерии, а ночью продолжать его силами одного усиленного батальона, введенного в бой с наступлением темноты из второго эшелона. Захваченные пленные неоднократно выражали удивление, как это сибиряки (так гитлеровцы называли бойцов из бригад армии) могут воевать круглые сутки.

Утром 9 декабря бригады первого эшелона армии, вышедшие к реке Лутосня, были встречены сильным ружейно-пулеметным и минометным огнем. Настойчивыми атаками к исходу дня они сломали сопротивление упорно оборонявшегося врага и вынудили его начать отход. Передовые части соседа справа — 30-й армии — к этому времени вышли на северные и северо-восточные подступы к Клину и создали непосредственную угрозу его захвата. Это заставило командование 3-й танковой группы спешно перебросить из полосы наступления 1-й ударной армии в район Клина 1-ю танковую дивизию. Противнику удалось задержать дальнейшее продвижение 30-й армии, но зато облегчилось наступление 1-й ударной.

10 декабря войска армии, преодолев сопротивление вражеских арьергардов, вышли на подступы к Ленинградскому шоссе между Клином и Солнечногорском. Опираясь флангами на эти города, превращенные в сильные узлы сопротивления, командование танковых групп намеревалось задержать здесь продвижение наших войск. Ожесточенные бои разгорались за каждую деревню, за каждую высотку. В этих боях 12 декабря смертью храбрых пал командир 84-й бригады полковник В. А. Молев. Бригада, атаковавшая высоту у села Борисоглебское (7 км юго-восточнее Клина), была остановлена противником и залегла, неся большие потери. Командир бригады поставил задачу роте автоматчиков капитан-лейтенанта Я. П. Сурнина уничтожить противника на высоте, а сам повел воинов в новую атаку, как он это делал неоднократно раньше. Осколками разорвавшегося рядом с ним снаряда он был смертельно ранен. Политрук Д. И. Панкратов, возглавлявший атаку роты автоматчиков, с криком «За мной,

моряки! Отомстим за командира!» бросился вперед и был сражен вражеской пулей. Его заменил парторг роты В. Абышев. Высота была взята. Полковник В. А. Молев был посмертно награжден орденом Ленина¹.

Обильные снегопады сильно затрудняли боевые действия. Снежные запасы вынуждали соединения и части действовать вдоль дорог. Для их расчистки приходилось выделять команды из стрелковых подразделений. Но и это не спасало от постоянного отставания артиллерии. Действия же танков, даже легких, по глубокому снегу вне дорог практически исключались. Большую помощь в расчистке дорог и обеспечении продвижения войск оказывали местные советские органы, привлекавшие для этого по просьбе командования армии жителей освобожденных в ходе наступления деревень.

В эти дни большую поддержку войскам армии оказывала авиация. Авиационная группа генерала И. Ф. Петрова, используя любую возможность, наносила удары по районам сосредоточения противника, его колоннам, опорным пунктам, позициям артиллерии. В каких трудных условиях приходилось действовать авиации, можно судить по такому случаю. 9 декабря в результате сильного снегопада и обледенения всего несколько самолетов из семи легкомобильных полков смогли выйти на цель и нанести удар по противнику в районе Клина. Только крайним напряжением сил личного состава соединений и частей армии удалось повысить в эти дни темп наступления до 5—6 км в сутки.

Упорные бои по прорыву рубежа вдоль Ленинградского шоссе продолжались 11 и 12 декабря. 11 декабря наибольших успехов добились левофланговые 44-я и 56-я бригады, чему в немалой степени способствовало и эффективное использование ими лыжных батальонов. Так, командир 56-й бригады полковник И. Л. Рагуля, объединив приданные бригаде 17-й и 18-й отдельные лыжные батальоны в отряд под командованием старшего лейтенанта Г. Н. Топуридзе, поставил ему задачу скрытно обойти опорные пункты противника в Муравьево и Ситниково и ударить по ним с тыла. Маневр увенчался полным успехом. За умелые действия Г. Н. Топуридзе и комиссар батальона старший политрук Ф. И. Куцелин были награждены орденом Ленина².

¹ ЦАМО, ф. 1891, оп. 1, д. 1, л. 2.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6790, д. 137, л. 98.

Утром 12 декабря совместными усилиями 55-й бригады, успешно наступавшей на стыке с 20-й армией, и подошедшего передового отряда в составе 31-й танковой и 35-й стрелковой бригад Солнечногорск был освобожден. Их успеху во многом способствовал маневр 71-й бригады, обошедшей город с северо-запада¹. Одна из улиц Солнечногорска носит имя командира 71-й бригады полковника Я. П. Безверхова. Успех, достигнутый на левом фланге армии, позволил завершить прорыв рубежа обороны врага и в центре. Лишь перед правым флангом противнику удалось удержать свои позиции.

12 декабря Военный совет Западного фронта доложил Верховному Главнокомандующему: «6.12.41 г. войска фронта, измотав противника в предыдущих боях, перешли в решительное контрнаступление против его ударных группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и спешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери»². 13 декабря Совинформбюро опубликовало сообщение о разгроме ударных группировок немецко-фашистских войск под Москвой, вызвавшее необычайный подъем духа у советских людей. Напротив, пыл официальных сообщений геббельсовской службы информации с Восточного фронта заметно охладел. Фашистские газеты и журналы запестрели сообщениями о «неблагоприятной погоде, мешающей ведению боевых действий», «местных прорывах» советских войск, которые «успешно локализуются», и, наконец, о «выпрямлении линии фронта».

После потери Солнечногорска командование 3-й танковой группы отвело свои потрепанные войска на рубеж Клин, Истринское водохранилище. Большое оперативное значение оно придавало обороне Клина как сильного узла обороны и важного узла дорог, позволяющего войскам осуществлять маневр по фронту и в глубину. Здесь были сосредоточены части 14-й моторизованной, 1-й и 7-й танковых дивизий общей численностью до 18 тыс. человек, 50 танков и до 7 дивизионов артиллерии³. Противнику удалось отразить атаки войск 30-й армии, вышедших на подступы к городу еще 9 декабря. Сил одной армии для освобождения Клина оказалось недостаточно. Нужны были совместные усилия 30-й и 1-й ударной армий.

¹ ЦАМО, ф. 373, оп. 6631, д. 4, л. 13.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1029, л. 333.

³ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 31.

13 декабря армия получила директиву, которой предписывалось частью сил содействовать 30-й армии в окружении Клина с юга, а главными силами продолжать наступление в западном направлении и к исходу 16 декабря выйти на рубеж Теряева Слобода (17 км северо-восточнее Волоколамска), Никита¹. Выполняя указания командующего фронтом, генерал Кузнецов решил для содействия войскам 30-й армии в освобождении Клина привлечь половину сил армии — четыре усиленные бригады (29, 50, 84, 47-ю). Первым двум ставилась задача сковать противника ударами с востока и юго-востока, 84-й бригаде с 1, 5 и 7-м отдельными лыжными батальонами и 47-й бригаде с 3, 4 и 8-м лыжными батальонами обойти город с юго-запада. На остальном фронте наступление вести двумя бригадами — 46-й и 56-й с 17, 18 и 19-м лыжными батальонами в общем направлении Михайловское, Аксехиха. 71-ю бригаду с 20-м лыжным батальоном иметь во втором эшелоне, 44-ю бригаду — в резерве армии².

С выходом войск 1-й ударной армии на восточные и юго-западные подступы к Клину создавалась реальная угроза окружения и уничтожения соединений 56-го танкового корпуса гитлеровцев, оборонявшего город. Во всех частях и подразделениях армии был подхвачен призыв моряков 84-й бригады «Даешь Клин — за Клином Берлин!». Они как в воду смотрели: именно 56-й танковый корпус 3-й танковой армии в апреле — мае 1945 г. оборонял Берлин.

Чтобы избежать ненужных потерь при атаке города, Военный совет фронта во исполнение указаний Верховного Главнокомандующего и начальника Генерального штаба уполномочил генерала Кузнецова «посредством самолетов, парламентаров, громкоговорителей немцам, находящимся в Клину, предложить сдачу, обещая сохранение им жизни»³. Военный совет армии подготовил текст ультиматума. Ультиматум подписал командир 29-й бригады полковник М. Е. Ерохин, который и направил во второй половине дня 13 декабря в Клин парламентаря с предложением о капитуляции. Парламентар — заместитель командира роты 310-го пулеметного батальона лейтенант В. Д. Бергер в сопровождении сержанта Д. С. Лялика и красноармейца Е. Н. Разветовского был принят начальни-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 222, л. 78—80.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6870, д. 37, л. 28—31.

³ Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 20.

ком штаба 56-го корпуса и вручил ему ультиматум. Это был первый случай с пачала Великой Отечественной войны, когда немецко-фашистским войскам предъявлялся ультиматум с требованием о капитуляции. Ультиматум был отклонен в письме на имя командира 29-й бригады. Приказом командующего армией парламентар и его сопровождающие были награждены орденом Красного Знамени.

После отклонения ультиматума части армии возобновили наступление. Всю вторую половину ночи на 14 декабря и весь следующий день на подступах к Клину шли ожесточенные бои. Части 84-й бригады, с командного пункта которой командарм управлял боем, пробились к южной окраине города, а 47-я бригада, осуществив его охват, вышла в район 5 км юго-западнее Клипа. Над гитлеровским гарнизоном нависла реальная опасность полного окружения и разгрома. В сложившейся обстановке командование 3-й танковой группы стремилось не столько удержать Клип, сколько вывести из него свои зажатые с трех сторон войска. И это ему удалось. 1-я ударная и 30-я армии не смогли завершить окружение города. С наступлением темноты 14 декабря части прикрытия клинской группировки начали отход по шоссе Клип — Высоковск. При этом им пришлось продвигаться как бы по огненному коридору, северную сторону которого составляли 371-я стрелковая дивизия и 21-я танковая бригада 30-й армии, а южную — 47-я и 84-я стрелковые бригады 1-й ударной.

В 23 часа 30 минут 14 декабря командир 29-й бригады донес, что 1-й отдельный лыжный батальон и 3-й стрелковый батальон бригады приступили к очистке города от автоматчиков¹. Он также информировал, что проникшая в город группа разведчиков бригады во главе с младшим лейтенантом Ф. А. Анохиным с задачей спасти от уничтожения Дом-музей П. И. Чайковского не обнаружил там противника. Местные жители сообщили, что за полчаса до прихода разведчиков гитлеровцы покинули усадьбу, причинив ей большие разрушения.

15 декабря в Клип вошли советские войска: в 2 часа с севера — части 371-й стрелковой дивизии, в 2 часа 30 минут с востока — части 348-й дивизии 30-й армии и с юго-востока — части 29-й бригады 1-й ударной армии².

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 7, л. 27.

² См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 31.

К исходу дня город был полностью очищен от вражеских войск. При освобождении Клипа отличились 365, 371, 348-я стрелковые, 24-я кавалерийская дивизии, 8-я и 21-я танковые бригады 30-й армии и 29, 50, 84 и 47-я стрелковые бригады 1-й ударной армии. Большую помощь войскам в разгроме клинской группировки врага оказала фронтовая авиация. За десять дней контрнаступления она совершила на клипско-солнечногорском направлении свыше 3600 самолето-вылетов¹. Особенно отличились в этих боях 65-й штурмовой авиационный полк подполковника А. Витрука, 120-й истребительный полк подполковника А. Писанко и 54-й бомбардировочный полк майора И. М. Скибо. Последнему приказом Наркома обороны от 4 мая 1943 г. было присвоено почетное наименование «Клипский».

В боях за Клип войска армии захватили 23 танка, 5 бронемашин, 568 автомашин, 8 орудий, 2 миномета, 11 пулеметов, 22 автомата и другое военное имущество². Общие потери противника составили свыше 13 тыс. человек³. В день 40-летия Победы одна из улиц города была названа именем генерала Н. Д. Захватаева.

В связи с освобождением Клипа представляют интерес воспоминания посла Советского Союза в Великобритании И. М. Майского⁴. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, находившийся в это время в Москве, обратился к И. В. Сталину с просьбой дать ему возможность побывать на фронте. Сталин согласился и рекомендовал Идену поехать в район Клипа. 19 декабря А. Иден в сопровождении военных атташе и большой группы корреспондентов западных газет, аккредитованных в Советском Союзе, выехал в Клип. В поездке его сопровождали также посол И. М. Майский и другие официальные лица. При въезде в Клип кортеж автомашин встретил генерал-майор Н. Д. Захватаев. Он показал Идену разрушенный город, а также пути бегства гитлеровцев из Клипа. Как вспоминает полковник запаса М. И. Козырев, сопровождавший английского министра, на западной окраине города Идену и его спутникам пришлось выйти из машин: настолько дорога и кюветы были завалены тру-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 289.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 15, л. 24.

³ См.: Сообщения Советского информбюро. М., 1944, т. 1, с. 415.

⁴ См.: Майский И. М. Мемуары советского дипломата. М., 1971, с. 581.

десант. 30-я армия передавалась в состав Калининского фронта, в результате изменения разгранлинии полоса наступления армии вновь увеличивалась до 30 км.

Оценив обстановку, командующий армией решил не проводить сложных перегруппировок, а выдвинуть в связи с расширением полосы наступления на фланги армии по одной бригаде: участок, принимаемый от 30-й армии, прикрыть 29-й бригадой, левый фланг — 56-й бригадой. Главный удар нанести центром армии силами четырех бригад (84, 47, 50 и 71-й) из района Клина и южнее в направлении Теряевой Слободы, вспомогательный удар силами двух бригад (29-й и 62-й) — на правом фланге, так чтобы он примыкал к направлению удара 30-й армии. В резерв выделялась 44-я бригада. В соответствии с этим замыслом соединениям были поставлены задачи: 17 декабря передовыми отрядами выйти на Ламу, главными силами — на рубеж Харлашиха, Голубцово; 18 декабря передовыми отрядами — на рубеж Дорожаево, Шаховская; главными силами наступать в направлении Ярополец, Раменье¹.

Выполняя приказ командующего армией, 16—19 декабря войска неотступно преследовали отходящего противника. Исключительный пример героизма показал в эти дни политрук роты 2-го батальона 56-й бригады Н. А. Козлов. Вечером 19 декабря он с двумя бойцами пошел на разведку в село Татищево. На подходе к селу их обстреляли фашисты. Один из разведчиков был убит, а Козлов ранен в плечо и голову, причем пуля вошла около правого глаза и вышла возле уха. Собрав все силы, политрук приказал второму бойцу возвратиться и предупредить командира батальона о том, что село занято противником. Гитлеровцы решили взять раненого в плен. Выстрелом из пистолета в упор Козлов убил одного, а со вторым вступил в рукопашную схватку. Кровь заливала глаза, мутилось сознание, но жгучая ненависть к врагу придавала ему новые силы. Изловчившись, он вцепился гитлеровцу в горло. Тот захрипел и обмяк, а Козлов потерял сознание. Так и нашли его подоспевшие бойцы сжимавшим мертвой хваткой шею врага. После нескольких сложных операций врачам удалось спасти жизнь героя. За свой подвиг Н. А. Козлов был награжден орденом Красной Звезды.

За время контр наступления командиры соединений

приобрели немалый боевой опыт. Теперь они стали решительнее применять параллельное преследование, обходы и охваты, отрезать пути отхода отдельным частям и подразделениям врага и уничтожать их. Темп наступления возрос до 8—9 км в сутки. Но по-прежнему узкими местами оставались связь и тыл. Армейские связисты не успевали развертывать и свертывать узлы и линии связи и обеспечивать устойчивую связь штаба армии с соединениями и отдельными частями, число которых возросло до 30. С некоторыми бригадами штаб армии сутками не имел связи. Отчасти выручали летчики 710-го авиаполка, которые доставляли пакеты из штаба армии в штабы бригад.

Никак не удавалось обеспечить и четкую работу тыла. Несмотря на перемещение армейской базы на железнодорожный участок Дмитров — Лобня, подразделения войскового тыла отставали от войск. Наступающие части иногда по два-три дня не получали свежего хлеба, испытывали нехватку боеприпасов. Находчивые моряки первым стали использовать трофейные автоматы, благо патронов к ним отступавшие гитлеровцы бросали много. Было немало неполадок в организации эвакуации раненых. Полевые подвижные госпитали армии могли обеспечить прием не более 20 процентов раненых, основная их масса эвакуировалась в Москву и Загорск. Для этого на армейских дорогах силами офицеров автодорожного и санитарного отделов армии были организованы комедантские, медицинские, обогревательные и питательные пункты. Большую помощь в уходе за ранеными оказывали медицинской службе армии жители деревень, в которых располагались госпитали.

Непродолжительная оттепель в середине декабря вновь сменялась морозами, доходившими до 31 градуса, и снегопадами. Мороз и метели оказали сильное психологическое воздействие на противника. У вымуштрованных гитлеровских солдат резко ослабла дисциплина. Пленные солдаты говорили, что офицеры настойчиво внушают им мысль о том, что русские пленных не берут, а попавших в плен немедленно расстреливают. Вместе с тем офицеры требуют оборонять каждую занимаемую позицию до последнего человека. Кроме того, пленные сообщали, что в тылу готовится оборонительный рубеж, оборудованный теплыми убежищами, на котором немецкие войска должны остановить наступление русских.

Противник нес большие потери не только в живой силе. Дороги, по которым отступали гитлеровцы, были

¹ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 2, с. 40.

загромождены брошенной техникой и имуществом. Чего только не было брошено: десятки танков, орудий, тягачей, сотни автомашин, мотоциклов, огромное количество ящиков с боеприпасами, бочек с горючим, мотков колючей проволоки... Большинство брошенных танков их экипажи сожгли, чтобы они не достались исправными нашим войскам. По показаниям плененных, 6-я танковая дивизия во время отхода к Ламе потеряла свои последние танки (начиная боевые действия в июне, дивизия имела 209 средних и легких танков) и ее личный состав использовался в качестве пехоты. В 1-й и 7-й танковых дивизиях оставалось всего по несколько десятков танков.

В этом плане весьма интересны некоторые немецкие трофейные документы. Вот выдержка из неотправленного на родину письма: «...ты, наверное, знаешь, что мы были уже у канала Москва — Волга, но здесь встретили страшное сопротивление... Под нажимом русских началось наше отступление... Преследуемые на земле и с воздуха, рассеянные и окруженные, мы бежали назад по четыреста пять машин в ряд... Много, очень много машин мы вынуждены были бросить. Я со своими товарищами тоже должен был оставить нашу машину и шел дальше пешком без пищи и сна. И так продолжалось день за днем...»¹ А вот запись в дневнике унтер-офицера 7-й танковой дивизии: «...спасайся кто может. Разбитая, смешавшаяся армия отступает. Люди растеряны. Потери огромны. Так, видимо, отступал со своей армией Наполеон. Днем и ночью заседают полевые суды...»²

И действительно, гитлеровским войскам приходилось отступать «по-наполеоновски»: по опустошенной местности, по немногочисленным дорогам, так как попытки использовать для отхода большее число дорог пресекались действиями армейских лыжных батальонов, а также партизан и тактического воздушного десанта, высаженного в ночь на 15 декабря по решению командующего фронтом в район западнее Теряевой Слободы³.

Тактический воздушный десант был одним из первых десантов такого рода в первый период Великой Отечественной войны. Это был парашютный отряд (415 человек) под командованием капитана И. Г. Старчака, в задачу которого входило перерезать дорогу Теряева Слобода —

Лотошино и содействовать наступлению войск 1-й ударной армии. Десантники уничтожали технику врага, почти полностью парализовали ночное движение, постоянно парусили линии связи, по почтам выкуривали гитлеровцев из деревень. Успешно выполнив поставленную задачу, отряд 25 декабря вышел на соединение с войсками армии⁴.

Ожесточенные бои разгорелись за Теряеву Слободу. Противник придавал очень большое значение этому крупному узлу сопротивления. С удержанием его командование 3-й танковой группы связывало надежды остановить продвижение войск 1-й ударной армии к ламскому оборонительному рубежу и выиграть время для организации обороны на нем. Только после упорных, почти двухсуточных боев части 84-й бригады генерал-майора М. Е. Козыря при содействии 47-й и 56-й бригад 18 декабря овладели Теряевой Слободой. К исходу 19 декабря соединения танковых групп отошли к Ламе.

Вышедшие к реке передовые части армии были встречены организованным огнем перед заблаговременно подготовленным оборонительным рубежом и остановлены.

Для его преодоления с ходу сил было явно недостаточно. Наступательные возможности войск к этому времени значительно уменьшились: с 1 по 26 декабря армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 14 671 человека². В ходе почти месячных непрерывных боев стрелковые бригады, по существу, превратились в батальоны, батальоны — в роты. Так, например, в 29-й бригаде насчитывалось: в 1-м стрелковом батальоне 181 человек, во 2-м — 33, в 3-м — 60, а всего вместе со спецподразделениями — 849 человек; в 55-й бригаде — до 700 человек. В аналогичном положении находились 84, 47, 56 и 50-я бригады³. В 133-м танковом батальоне в строю было 2 танка КВ, 3 Т-34, 1 БТ, 1 Т-26, 7 Т-60, 1 Т-37, в 123-м батальоне 1 КВ, 5 Т-60. Всего армия имела 21 танк⁴. Личный состав соединений и частей был сильно утомлен почти месячным пребыванием в полевых условиях.

Попытки с ходу преодолеть ламский оборонительный рубеж противника были безуспешными. Сказались не только прочность обороны противника, но и просчеты организационного порядка. Командиры соединений по инер-

¹ Разгром немецких войск под Москвой, ч. 3, с. 54.

² Разгром немцев под Москвой. М., 1943, с. 29.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 289.

¹ См.: Лисов И. И. Десантники. М., 1968, с. 76.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 21, л. 1.

³ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 3, с. 29.

⁴ ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 24, л. 214, 215.

ций продолжали наступление теми же способами и в тех же построениях, что и до этого, хотя обстановка в корне изменилась. До 19 декабря войска, наступая на широком фронте, преследовали противника, ведущего сдерживающие действия. На Ламе же была заблаговременно организована оборона. Для ее прорыва требовались уже другие методы наступления¹.

25 декабря армии правого крыла фронта получили приказ командующего закрепиться на достигнутом рубеже и приступить к планомерной подготовке прорыва.

Контрнаступление советских войск под Москвой, и в том числе Клинско-Солнечногорская операция Западного фронта, завершилось. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в беседе с корреспондентом газеты «Красная звезда» П. Трояновским в 1972 г. отметил две главные особенности контрнаступления: его внезапность для гитлеровского командования и то, что оно было проведено силами, численно не превосходившими силы врага. В ноябре — декабре 1941 г. в боях под Москвой уже торжествовали наше морально-политическое превосходство, советское военное искусство. Говоря об итогах контрнаступления, Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский отмечал: «...общая стратегическая цель контрнаступления была в основном достигнута. Результатом нашего контрнаступления явился разгром угрожавших Москве немецких ударных группировок и общее поражение всей группы армий «Центр»... Стратегическая инициатива перешла к нам»².

1-я ударная армия, наступая совместно с другими армиями правого крыла Западного фронта, нанесла поражение частям 3-й и 4-й танковых групп и продвинулась до 115 км в глубину, выйдя на рубеж реки Лама. Продолжительность армейской операции составила 20 суток, среднесуточный темп продвижения — 5,7 км³. За время наступления войска армии освободили 573 населенных пункта, в том числе города Яхрому, Солнечногорск, Клин. Противник понес тяжелые потери в живой силе, технике и вооружении. По данным штаба Западного фронта, 3-я и 4-я танковые группы сумели вывести не более 30 процентов своей боевой техники. Войска армии захватили и уничтожили 160 танков, 181 орудие, 79 минометов,

¹ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 3, с. 6.

² Военно-исторический журнал, 1961, № 12, с. 17.

³ См.: Военно-исторический журнал, 1967, № 1, с. 97.

149 пулеметов, 1315 автомашин, много боеприпасов и различной техники¹.

Высокие доблесть, героизм и военное искусство проявили бойцы и командиры всех соединений и частей армии. Особенно отличились 29, 44, 50, 56 и 71-я стрелковые бригады, которые первыми вступили в сражение с врагом на канале Москва — Волга, вынесли всю тяжесть боев за Яхрому, Федоровку, Клин, на подступах к Ламе. За доблесть и мужество, умелые боевые действия 29-я стрелковая и 71-я морская стрелковая бригады приказом Народного комиссара обороны от 5 января 1942 г. были преобразованы в гвардейские и переименованы соответственно в 1-ю и 2-ю гвардейские стрелковые бригады. За бой под Яхромой был награжден орденом Красного Знамени бронепоезд войск НКВД № 73. Около 400 солдат, офицеров и генералов армии за героизм и воинскую доблесть были удостоены высоких правительственных наград. Позднее весь личный состав армии, участвовавший в декабрьских боях, был награжден медалью «За оборону Москвы». Великий подвиг защитников столицы нашей Родины и участников разгрома врага в ходе контрнаступления советских войск под Москвой золотыми буквами вписан в историю Великой Отечественной войны.

Глава 3.

В РЖЕВСКО-ВЯЗЕМСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

После завершения контрнаступления под Москвой Ставка Верховного Главнокомандования решила развернуть общее наступление, не делая большой оперативной паузы между завершением контрнаступления и началом общего наступления. По замыслу Ставки на западном направлении предстояло охватывающими ударами армий правого крыла Калининского фронта из района Ржева на Сычевку, Вязьму и войск левого крыла Западного фронта из района Юхнова на Вязьму с одновременным наступлением из района Волоколамска на Сычевку и Гжатск расчленив основные силы группы армий «Центр» по центру,

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 19, л. 18.

окрыжить и уничтожить их в районе Ржев, Вязьма, Юхнов, Гжатск¹. Поскольку к этому времени противник создал на основных направлениях прочные оборонительные рубежи и переход советских войск в наступление в первую очередь был связан с их прорывом, Ставка 10 января направила фронтам директивное письмо. В нем излагались основы артиллерийского наступления и содержалось требование отказаться от равномерного распределения дивизий по всему фронту и создавать на главных направлениях мощные ударные группы, действия которых поддерживать артиллерийским и авиационным наступлением².

Учитывая требования директивы и неудачные попытки прорыва обороны противника на Ламе в конце декабря — начале января, когда каждая из трех армий северной ударной группировки фронта имела самостоятельный участок прорыва, что обуславливало равномерное распределение сил и средств на широком фронте, командующий фронтом в своем замысле на Ржевско-Вяземскую операцию решил осуществить прорыв в полосе одной армии, создав необходимые плотности артиллерии за счет средств фронта и других армий. При этом впервые на практике было решено использовать некоторые элементы артиллерийского наступления. В полном объеме его принципы были применены позже, в контрнаступлении под Сталинградом.

Со своей стороны гитлеровское командование рассчитывало на то, что 3-й и 4-й танковым армиям³ удастся остановить наступление советских войск перед «зимней позицией». Для этого у него было достаточно оснований. С началом советского контрнаступления саперно-строительные батальоны, разного рода сводные, запасные и резервные подразделения противника на рубеже рек Лама и Руза начали интенсивные инженерные работы, в основном завершившиеся к моменту выхода сюда войск Западного фронта. Оборонительный рубеж состоял из трех полос: первой (главной) глубиной 4—5 км, второй — в 8—10 км и третьей — в 12—15 км западнее первой⁴.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 305—307.

² См. там же, с. 293.

³ С 1 января 1942 г. 3-я и 4-я танковые группы были переименованы соответственно в 3-ю и 4-ю танковые армии.

⁴ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 3, с. 19—20.

Кроме того, одновременно с «зимней позицией» в 35—45 км за ней подготавливался тыловой, так называемый кенигсбергский, рубеж обороны.

Наиболее сильная в инженерном отношении первая полоса обороны была построена по принципу опорных пунктов и узлов сопротивления, расположенных преимущественно в населенных пунктах. Впервые в ходе войны гитлеровцы применили систему траншей, окопов и ходов сообщения в сочетании с укрытиями от холода.

Отведенные из районов Клина и Солнечногорска тыловые части заблаговременно развернулись на западном берегу Ламы. Было подвезено значительное количество вооружения, боеприпасов, продовольствия и других материальных средств, что позволило командованию танковых армий укрыть своих промерзших и голодных солдат в теплых землянках и домах, обеспечить их регулярным горячим питанием. Соединения и части 3-й танковой армии получили до 4000 человек пополнения, а также вооружение взамен брошенного в ходе отступления. Было получено и давно обещанное «зимнее обмундирование» — отдельные рукава, штанины, жакеты, чулки, изготовленные из прочной бумаги, и матерчатые папушки, а также некоторое количество шинелей с утолщенной подкладкой. Для наблюдателей, пулеметчиков и патрулей каждая рота получала по две пары валенок, по два полшубка и огромные соломенные калоши, надеваемые на сапоги. Крутыми мерами восстанавливалась ослабевшая во время бегства из-под Москвы дисциплина. В результате командованию танковых армий удалось в определенной степени восстановить утраченную боеспособность своих частей и соединений.

В приказе от 3 января 1942 г. Гитлер потребовал от войск, обороняющих «зимнюю позицию», «целиться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона, до последней гранаты... Каждый занимаемый нами населенный пункт должен быть превращен в опорный пункт. Сдачи его противнику не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником...»¹.

В целом «зимняя позиция» являлась сильным, подготовленным в огневом и инженерном отношении и обороняемым боеспособными частями врага рубежом, и перед

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 225, л. 215; ф. 301, оп. 6782, д. 1, л. 20.

советскими войсками впервые встала сложная задача прорыва такой обороны.

6 января штаб 1-й ударной армии получил директиву на наступление. Военный совет фронта возлагал основную задачу по осуществлению прорыва обороны противника на 20-ю армию, занимавшую центральное положение на правом крыле фронта. 1-я ударная и 16-я армии должны были своим наступлением на флангах, примыкавших к 20-й армии, содействовать в развитии прорыва¹.

Для выполнения поставленной задачи армия имела по состоянию на 10 января шесть стрелковых (2-я гвардейская, 41, 44, 46, 50, 56-я) и две морские стрелковые бригады (62-я, 84-я), шесть лыжных батальонов (4, 7, 8, 17, 18, 20-й), 123-й танковый батальон, 701-й пушечный и 641-й легкий артиллерийские полки, четыре дивизиона гвардейских минометов (1, 3, 5, 38-й)² — всего 13 000 активных штыков, 75 орудий и минометов, 25 танков³. Противостоящий армии противник — часть 2-й танковой дивизии 41-го моторизованного корпуса, 56-й моторизованный корпус и часть 5-го армейского корпуса 3-й танковой армии — имел полторы танковых (2-я, 7-я), 14-ю моторизованную, 23-ю и 106-ю пехотные дивизии, 900-ю бригаду СС, два артиллерийских полка, насчитывавших 8500 человек, 80 орудий и минометов, 70 танков. В целом войска 1-й ударной армии превосходили врага по пехоте в 1,5 раза, имели примерно равное соотношение по артиллерии и в 2,8 раза уступали по количеству танков.

В соответствии с поставленной задачей и сложившейся обстановкой командующий армией решил в максимальной степени использовать действия 20-й армии и создать ударную группировку на левом фланге. Оборону противника предполагалось прорвать на участке Владычино, Михайловка (ширина 3 км) силами четырех бригад, имея две бригады (56-ю и 2-ю гвардейскую) с двумя лыжными батальонами (4-й, 7-й) в первом эшелоне и две бригады (44-я, 46-я) во втором. Второй удар планировалось нанести на правом фланге армии силами 62-й и 41-й бригад. Центр прикрывался растянутой по восточному берегу Ламы 84-й бригадой. В резерве оставалась 50-я бригада. Задачи ударной группы: ближайшая — овладеть Спас-

¹ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 3, с. 59—60.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 6742, д. 1, л. 109.

³ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 3, с. 15, 27, 29, 74.

Помазкино (глубина 3 км), последующая — наступать в направлении Львова и к исходу первого дня овладеть рубежом Гусево, Львова, Большое и Малое Исаково (глубина 5 км), в дальнейшем развивать успех в направлении на Шаховскую. Артиллерийское наступление осуществлялось силами 701-го артиллерийского полка РКК и четырех дивизионов гвардейских минометов. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 1,5 часа. Артиллерийскую поддержку атаки и сопровождение войск намечалось осуществить сосредоточенным огнем по вызову общевойсковых командиров, а 123-й танковый батальон использовать в качестве танков непосредственной поддержки пехоты для усиления бригад, наступающих на главном направлении. Командный пункт армии находился в Теряевой Слободе¹.

Штаб, отделы и управления полевого управления армии, партийно-политические органы приступили к подготовке наступления. Разведке в основном удалось вскрыть группировку противника, систему огня и заграждений. Перед Новым годом были проведены показательные учения: для командиров взводов, рот и батальонов — по организации управления подразделениями в бою, а для их личного состава — по порядку действий при атаке переднего края обороны противника. В некоторых подразделениях были организованы стрельбы из противотанковых ружей по трофейным танкам. Стрелковые части и саперы подготовили исходный район для наступления, оборудовав снежные окопы, укрытия и ходы сообщения, а также командные и наблюдательные пункты.

Более четкому управлению артиллерией способствовало прибытие в состав армии управления 3-й армейской оперативной группы гвардейских минометов (командир полковник Б. А. Юсупов)². Для обеспечения более надежного управления и четкого взаимодействия частей ударной группировки между собой и с остальными силами армии генерал Кузнецов объединил их в оперативную группу левого фланга армии под командованием генерала Захватаева. Был создан вспомогательный пункт управления, что явилось новым моментом в организации управления войсками армии. Большое внимание уделялось подготовке тыла. К началу наступления армия получила еще один гужтранспортный (36-й), два дорож-

¹ См.: Разгром немецких войск под Москвой, ч. 3, с. 65.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 26, л. 2.

по-строительных (121-й, 122-й) и 102-й дорожно-эксплуатационный батальоны¹. Это позволило улучшить работу имеющегося транспорта, в частности обеспечить содержание и обслуживание дорог с двухсторонним движением, наладить службу регулирования, снегозащиты и расчистки дорог от снежных запасов и, что особенно важно в суровых зимних условиях, более четко организовать эвакуацию раненых.

К 9 января подготовка наступления в основном завершилась. В 10 часов 30 минут 10 января после 1,5-часовой артиллерийской подготовки войска 16-й, 1-й ударной и 20-й армий перешли в наступление. Плохие метеоусловия не позволили применить авиацию, но не было и авиации противника. Передний край обороны был прорван сравнительно быстро, но далее из каждого населенного пункта приходилось выбивать гитлеровцев только неоднократными атаками. К исходу дня войска 20-й армии продвинулись на главном направлении всего на 2—3 км. На направлении наступления 1-й ударной и 16-й армий успех был еще более скромным. 56-я бригада овладела лишь первой траншеей, атаки 2-й гвардейской бригады были отражены сильным огнем противника. Захваченные пленные имели весьма жалкий вид: худые, небритые, поверх пилоток — платки, кофты, на сапогах — валяные опорки. Но дрались они с большим упорством. Как выяснилось, причина этой «стойкости» была весьма простой: солдат предупредили, что всякая попытка отхода будет рассматриваться как измена и что за их спиной стоят эсэсовские подразделения, которые имеют приказ без предупреждения стрелять в отходящих.

11 января части 20-й армии продолжали отражать многочисленные контратаки врага и имели незначительное продвижение. Введенная в бой по решению генерала Кузнецова 46-я бригада совместно с 2-й гвардейской бригадой овладела Сидельницами, 47-я бригада почной атакой освободила Алферьево². 12 января с вводом в сражение вторых эшелонов 20-я армия завершила прорыв главной полосы обороны противника и продвинулась за день до 5 км. В полосе наступления 1-й ударной армии 56-я, 2-я гвардейская и 44-я бригады после упорных атак выбили противника из Гусево и из сильно укрепленного опорного пункта Спас-Помазкино.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 746, л. 40, 41.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 26, л. 57.

С утра 13 января генерал Г. К. Жуков в целях развития прорыва ввел в сражение в полосу наступления 20-й армии 2-й гвардейский кавалерийский корпус с 22-й отдельной танковой бригадой и пятью лыжными батальонами. В свою очередь командование 3-й немецкой танковой армии предприняло частями 23-й пехотной дивизии и 900-й бригады СС ряд сильных контратак по левому флангу 1-й ударной армии в целях выхода на фланг и в тыл ударной группировки 20-й армии и восстановления утраченного положения.

Удар приняли на себя 56-я и 46-я бригады. Гитлеровцам удалось вновь овладеть Гусево, но дальнейшее их продвижение было остановлено. Действовавшие южнее части 2-й гвардейской и 50-й бригад, преодолевая сильный огонь и отражая контратаки противника силой до роты с отдельными танками, к исходу дня вышли на рубеж восточнее Новинки, Ильинское.

14 января до батальона гитлеровцев при поддержке пяти танков неоднократно контратаковали левофланговые бригады армии. Все атаки были успешно отражены, и после ожесточенных уличных боев 44-я и 56-я бригады вторично освободили Гусево. Лишь в районе Новинок противнику удалось несколько потеснить батальоны 2-й гвардейской и 50-й бригад.

В этот тяжелый для 2-й гвардейской бригады день в ней побывала делегация трудящихся Челябинска, передавшая бойцам новогодние подарки и письма сибиряков. Трудно выразить, какой наступательный порыв вызывали у моряков эти короткие письма. Каждый боец готов был отдать жизнь за незнакомых и в то же время таких родных, замечательных советских людей.

15 января было решающим днем боев на «зимней позиции». После кратковременной паузы 20-я и 1-я ударная армии атаковали противника всеми силами. С утра начались упорные бои. На правом фланге 62-я бригада атаковала Званово и Тербетово, которые обороняли части 2-й танковой дивизии. Сильным огнем с западного берега реки Добь противник остановил моряков и вынудил их залечь в снег. После огневого палета артиллерии атака повторилась. Моряки на бегу надевали бескозырки, спинали шинели, бросали их на проволочные заграждения и с криком «Полундра!» атаковали врага. Деревни были освобождены, хотя и ценой серьезных потерь. Атаки впервые введенной в бой 41-й бригады на Бренево и 84-й бригады на Ивановское, Узорово были отражены

сильным огнем частей 7-й танковой дивизии. На левом фланге армии лишь 50-я бригада продвинулась на 2 км. Атаки остальных частей ударной группировки успехом не увенчались. Зато южнее главные силы 20-й армии, сломив сопротивление врага, к исходу дня вышли к третьей полосе его обороны южнее Шаховской.

Прорыв «зимней позиции» выпудил Гитлера 15 января отдать первый за время второй мировой войны приказ об отступлении. Вновь назначенному командующим группой армий «Центр» фельдмаршалу Г. Клюге было дано разрешение на отвод 3-й и 4-й танковых армий на тыловой оборонительный рубеж, с тем чтобы на нем окончательно остановить наступление советских войск¹. При этом в приказе требовалось, чтобы войска выполнили отход «достойным образом», то есть уничтожили все населенные пункты, мосты, линии связи, разрушили железные и шоссейные дороги, превратив местность передовой «зимней позицией» в «зону пустыни»².

В ночь на 16 января части танковых армий, прикрываясь арьергардами, начали общий отход с «зимней позиции». Планы гитлеровского командования отсидеться на ней до весны были сорваны.

В 10 часов 16 января соединения первого эшелона армии перешли к преследованию противника по всему фронту. Сбивая его арьергарды, они в течение дня продвинулись на 12—15 км. Особенно успешно действовала 2-я гвардейская бригада. Это именно о ней сообщило Совинформбюро в передаче 18 января: «Гвардейская часть полковника Безверхова, ведя упорные бои с противником, нанесла немцам большой урон. Только убитыми гитлеровцы потеряли 500 солдат и офицеров. Наши бойцы захватили 3 немецких танка, 27 орудий, 30 пулеметов, зенитную установку и большое количество снарядов. Трофейные орудия гвардейцы установили на огневых позициях и громят врага его же снарядами»³.

17—18 января преследование противника осуществляли специальные отряды. К утру 19 января войска армий вышли на рубеж Дуленово, Якутино, Тарасово (до 30 км западнее реки Лама). На этом рубеже они были остановлены по приказу командующего фронтом⁴.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 309—310.

² См.: Рейнгардт К. Поворот под Москвой, с. 252.

³ Сводки Совинформбюро. М., 1955, т. 2, с. 49.

⁴ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 31, л. 22—25.

Маршал Г. К. Жуков вспоминал впоследствии: «19 января поступил приказ Верховного Главнокомандующего вывести из боя 1-ю ударную армию в резерв Ставки. Мы с В. Д. Соколовским обратились в Генштаб с просьбой оставить у нас 1-ю ударную армию. Ответ был один — таков приказ Верховного.

Звоню лично И. В. Сталину.

Объясняю, что вывод этой армии приведет к ослаблению ударной группировки.

В ответ слышу:

— Выводите без всяких разговоров! У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий.

Пробую возразить:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключая возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке **нажим на врага**.

Вместо ответа И. В. Сталин бросил трубку. Переговоры с Б. М. Шапошниковым по этому поводу также ни к чему не привели¹.

20 января командующий армией получил директиву Ставки, в которой приказывалось вывести объединение в резерв Верховного Главнокомандования и сосредоточить его в районе Завидово, Решетниково, Клип, Покровка, Высокоское. Штаб армии иметь в Клину. «К 25.1. 42 г. полностью доукомплектовать личным и конским составом и довооружить по штатам и табелям все выведенные в резерв соединения и части 1-й ударной армии, пополнение людским составом должно быть произведено из частей лучших, наиболее подготовленных контингентов»². Директиву подписали И. В. Сталин и А. М. Василевский.

В послевоенное время вопрос о целесообразности вывода 1-й ударной армии из состава Западного фронта неоднократно поднимался в печати. Маршал В. Д. Соколовский, анализируя развитие советского военного искусства в битве под Москвой, писал: «Нужно... признать, что Советское Верховное Главнокомандование несколько переоценило наши возможности и недооценило силы сопротивления противника... В ходе общего наступления, начавшегося в январе 1942 года, наши войска,

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 2, с. 52—53.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6802, д. 6, л. 178—179.

действовавшие на главном, западном направлении, не только не были усилены, но, наоборот, даже несколько ослаблены. Из состава Западного фронта в разгар наступления была выведена 1-я ударная армия и переброшена на северо-западное направление, что явилось одной из основных причин, не позволивших завершить окружение ржевско-вяземской группировки противника»¹.

Действительно, после вывода войск 1-й ударной армии темп наступления правого крыла фронта снизился. Оставшиеся на этом направлении 20-я и 5-я армии, продвигавшиеся до конца января еще на 20—40 км в западном направлении, были остановлены организованным сопротивлением противника на тыловом рубеже.

20—21 января 1-я ударная армия сосредоточивалась в указанном ей районе. Наступило время подвести некоторые итоги ее боевых действий под Москвой.

Успех в битве под Москвой, в который внесли свою лепту и воины 1-й ударной, имел огромное значение для нашей страны и всей Красной Армии. Историческая победа под Москвой вдохновила советских людей на новые подвиги, укрепила их уверенность в том, что враг будет неминуемо разбит. Под Москвой армия гитлеровской Германии потерпела первое крупное поражение со времени начала второй мировой войны. Миф о ее непобедимости был развеян. Советские войска вырвали из рук немецко-фашистского командования стратегическую инициативу, вынудив гитлеровские войска перейти к обороне. Окончательно потерпела крах стратегия «молниеносной войны»².

Итоги боевых действий 1-й ударной армии подвел на заседании Военного совета 24 января генерал Кузнецов. Он сказал, что с 6 декабря 1941 г. по 19 января 1942 г. 1-я ударная армия прошла с тяжелыми боями около 150 км, освободив свыше 800 населенных пунктов. В ходе боев войска армии нанесли поражение соединениям 3-й и 4-й танковых групп (армий), уничтожили свыше 25 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, захватили много пленных, 247 танков, бронемашин и бронетранспортеров, 300 артиллерийских орудий, 600 минометов, 254 пулемета, 545 мотоциклов и свыше 5 тыс. автомашин разных типов, не считая большого количества другой военной техники и имущества. Командующий армией указал, что более других в боях отличились 29, 44, 50, 55, 56 и

¹ Военно-исторический журнал, 1961, № 12, с. 18.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 301.

71-я бригады. За время боев награждены орденами и медалями 850 офицеров и солдат.

В заключение генерал Кузнецов отметил, что бой под Москвой для армии — лишь начало ее боевого пути. Впереди — новые бои, а времени на подготовку к ним отпущено очень мало, значит, готовиться к ним надо с максимальным напряжением сил.

Бои, в которых участвовала армия, явились хорошей школой для всего личного состава — от рядового солдата до командующего армией. Было много поучительного в организации и ведении преследования отходящего противника: обеспечение неотступности, применение смелых обходных маневров против его группировок, пытающихся закрепиться на промежуточных рубежах, прорывов в тыл и на пути отхода и др. При прорыве подготовленной обороны противника определилась необходимость отказа от равномерного распределения сил и средств по фронту, создания ударных группировок и поддержки их артиллерийским наступлением. Выявился и ряд существенных недостатков, обусловленных недостаточным опытом руководства войсками. Опыт боевых действий 1-й ударной и других армий в битве под Москвой был использован при разработке Боевого устава пехоты 1943 г., а также целого ряда других уставов, наставлений, директив, инструкций¹.

Как вечная память о героизме воинов 1-й ударной армии в битве под Москвой помимо величественного монумента на Перемилловской высоте в городах, которые войска армии освобождали от гитлеровских оккупантов, на пьедесталах установлены тридцатьчетверки, «катюши», артиллерийские орудия. В Языково, Яхроме, Клину и других местах остались братские могилы, в которых покоятся герои 1-й ударной. За могилами бережно ухаживают пионеры и школьники. В декабре 1981 г. в Олимпийской деревне открылся Государственный музей обороны Москвы. В нем есть стенды, посвященные героическим делам воинов 1-й ударной армии в битве под Москвой.

После вывода армии в резерв Ставки она начала пополняться личным составом, техникой и вооружением. Начиная с 24 января в соединения и части прибыло свыше 20 тыс. человек пополнения, в основном выписанных после излечения из госпиталей. До штатного было доведено количество вооружения и боевой техники. Все это

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1961, № 12, с. 20.

позволило восстановить организационную структуру частей и подразделений, создать полнокровные ротные и батальонные парторганизации. Интенсивно проводились боевое сколачивание подразделений и частей, напряженная боевая и политическая учеба, обмен боевым опытом. Во всех частях и подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, совещания военкомов частей, политруков подразделений, на которых были подведены итоги боевых действий, прошел обмен опытом партийно-политической работы. Ряды членов и кандидатов в члены партии пополнили 437 человек. Подготовка к новым сражениям и боям велась полным ходом.

23 января в селе Селинское под Клином генерал Кузнецов вручил гвардейское Знамя 2-й гвардейской стрелковой бригаде. Обращаясь к воинам-гвардейцам, он сказал: «Герои великой битвы за Москву, поздравляю вас с высокой наградой. Вы ее с честью заслужили. Берегите это ленинское знамя. Под этим знаменем вы пойдете в бой для окончательного разгрома врага. Помните: гвардейцы никогда не отступают, гвардия всегда идет только вперед...» Принимая знамя из рук командующего, командир бригады полковник Безверхов от имени всего личного состава заверил Военный совет армии, что знамя — символ победы над немецко-фашистскими захватчиками — будет находиться в надежных руках. В заключении церемонии части бригады прошли торжественным маршем. Гвардейское Знамя 29-й бригаде, преобразованной в 1-ю гвардейскую стрелковую бригаду, было вручено ей командующим 20-й армией.

24 января штаб армии получил директиву Ставки ВГК о передислокации 1-й ударной армии в составе 129-й и 201-й стрелковых дивизий, 2-й гвардейской, 50, 56, 41, 44, 46, 47, 62 и 84-й стрелковых бригад, 1, 4, 5, 7, 8, 17 и 18-го лыжных батальонов, 701-го пушечного и 641-го легкого артполков, 7, 35 и 38-го гвардейских минометных дивизионов, 123-го танкового батальона, специальных и тыловых частей и учреждений в распоряжение Военного совета Северо-Западного фронта¹. 26 января Ставка включила дополнительно в состав армии 83-ю танковую бригаду (123-й и 190-й танковые батальоны), 264-й гаубичный артиллерийский полк, 744-й истребительный авиаполк, боевой и транспортный аэросанный батальоны².

25 января командующий и член Военного совета ар-

мии были вызваны в Москву и приняты И. В. Сталиным. Верховный Главнокомандующий заслушал их доклад и сообщил о передислокации 1-й ударной армии под Старую Руссу для участия в деблокаде Ленинграда¹. Он попросил передать благодарность всему личному составу армии за героизм и самопожертвование. Это была первая благодарность, полученная войсками армии от Верховного Главнокомандующего, и вообще первая объявленная им войскам с начала войны. Войскам армии в приказе штаба Западного фронта от 20 января выразил благодарность генерал Г. К. Жуков².

На дальнейшие ратные дела воинов армии напутствовал Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин. 30 января он прибыл в Клин. Для встречи с ним во Дворец культуры прибыли командиры и политработники всех соединений и частей армии. Тепло приветствуемый собравшимися, М. И. Калинин выступил с речью, в которой осветил международное и внутреннее положение Советского Союза, особо остановившись на итогах битвы под Москвой и на том впечатлении, которое произвела победа Красной Армии на мировое общественное мнение. Отмечая успешные боевые действия войск армии, М. И. Калинин сказал: «Вы прошли с боями сто пятьдесят километров, освободили от врага около тысячи населенных пунктов. Это имеет важное значение. Это большая честь. Но главное, что вы совершили, — это приучили фашистов быть битыми...»³. В заключение М. И. Калинин поблагодарил командиров и политработников за их ратные дела, просил передать привет и благодарность всему личному составу соединений и частей, выразив при этом надежду, что и впредь красноармейцы, командиры и политработники с честью будут носить звание бойцов 1-й ударной армии.

В 1965 г. на здании Дворца культуры была установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь 30 января 1942 года перед воинами 1-й ударной армии выступал М. И. Калинин».

29 января первые эшелоны с частями 2-й гвардейской бригады отправились от станции Клин на северо-запад. Перед войсками 1-й ударной армии открывалась новая страница ее боевого пути — на Северо-Западном фронте.

¹ См.: Ковалевский В. А. Тетради из полевой сумки. М., 1968, с. 219.

² ЦАМО, ф. 1355, оп. 1, д. 2, л. 4.

³ Лисицип Ф. Я. В те грозные годы. М., 1978, с. 68.

Часть II

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Глава 4.

ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ АРМИИ ПОД СТАРУЮ РУССУ. ФЕВРАЛЬСКО-МАРТОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1942 г.

К середине февраля 1942 г. на Северо-Западном фронте (командующий генерал-лейтенант П. А. Курочкин) создалась крайне сложная обстановка. В соответствии с планом общего наступления Красной Армии войска фронта в начале января перешли в наступление. Так как фронт действовал на стыке ленинградского и московского стратегических направлений, ему пришлось вести наступление по двум расходящимся направлениям. Главный удар наносился левым крылом (3-я и 4-я ударные армии) из района Осташкова в направлении Торопец, Велиж, Рудня в целях содействия войскам Калининского и Западного фронтов в окружении и разгроме группы армий «Центр»¹. Второй удар наносился правым флангом (11-я армия) из района восточнее Старой Руссы в направлении Сольцы, Дно в целях содействия войскам Волховского фронта в операции по деблокированию Ленинграда. Таким образом, удары пришлись по обоим флангам противостоящей фронту 16-й гитлеровской армии. В центре ее основные силы (2-й и 10-й армейские корпуса), укрепившиеся на Валдайской возвышенности, сковывались соединениями 34-й армии. В результате наступления к 20 января войска главной группировки фронта нанесли поражение 2-му армейскому корпусу и, развивая успех,

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1366, д. 351, л. 1.

углубился на 150—200 км в оборону 16-й армии. В районе Холма они вышли на восточные границы Партизанского края — первого и самого крупного на оккупированной территории Советского Союза¹. Частью сил 3-я ударная армия охватывала главные силы 16-й армии с юга.

На втором направлении успехи были более скромными. 11-я армия генерал-лейтенанта В. И. Морозова, выйдя на ближние подступы к Старой Руссе, встретила упорное сопротивление ее сильного гарнизона — 18-й моторизованной и части сил 81-й пехотной дивизии противника. Боевые действия по расходящимся направлениям привели к увеличению полосы наступления фронта до 300 км, снижению силы удара, темпа наступления и большим трудностям в управлении войсками. Поэтому 21 января Ставка переподчинила 3-ю и 4-ю ударные армии Калининскому фронту. Одновременно было принято решение о сосредоточении усилий Северо-Западного фронта только на старорусском направлении. Здесь сложилась такая обстановка, что оттого, кто сумеет быстрее ввести в бой свежие силы — или советская сторона для развития наступления, или противник для его локализации, — зависело дальнейшее развитие событий. В этих целях Ставка приняла решение передать Северо-Западному фронту из своих резервов 1-ю ударную армию, 1-й гвардейский стрелковый корпус и несколько артиллерийских и минометных частей².

При этом Ставка принимала все меры к тому, чтобы в самые сжатые сроки передислоцировать их из-под Москвы на северо-запад и незамедлительно ввести в бой. Стремление упредить противника в наращивании сил и удержать в своих руках инициативу наложило отпечаток на порядок передислокации войск, сроки подготовки и в целом на характер последующего наступления.

Соединения армии перебазировались в новый район боевых действий комбинированным способом: сначала по железной дороге в районы северо-западнее и западнее Бологого; далее до района сосредоточения они соверша-

¹ Партизанский край возник к ноябрю 1941 г. в четырехугольнике между Старой Руссой, Дном, Бежаницами и Холмом на площади протяженностью 120 км с севера на юг и 90 км с востока на запад и включал более 400 населенных пунктов Калининской области. Здесь активно действовали партизанские бригады и была восстановлена Советская власть.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 308.

ли 160—250-километровый пеший марш. График перемещения был следующим: по железной дороге — 29 января — 7 февраля; маршем — 31 января — 9 февраля. Фактически он был нарушен на десять суток.

Погрузка производилась на станциях Октябрьской железной дороги на участке от Химок до Завидово. Было выделено ограниченное количество вагонов, и поэтому пришлось применить максимально уплотненную погрузку: в двухосный вагон — не менее 65 человек, в четырехосный — 130. Всего для армии было подано 130 эшелонов¹. Первой ушла в новый район 29—30 января 2-я гвардейская бригада. За ней с некоторыми перерывами из-за нехватки паровозов были отправлены и другие соединения и части армии. Выгрузка производилась на станциях Боровенка, Окуловка, Лыкошино (северо-западнее Болого), Любница, Дворец (западнее Валдая).

Авиация противника почти непрерывно наносила сильные удары по эшелонам. Сразу почувствовался выход из Московской зоны обороны, где войска надежно прикрывались зенитными средствами и авиацией. И первые братские могилы воинов армии на новом направлении появились далеко от линии фронта — на станции Боровенка, по которой самолеты врага нанесли удар в момент, когда там выгружались части 2-й гвардейской бригады. Зачастую очередной эшелон прибывал на станцию выгрузки сразу же после удара авиации врага по ранее прибывшему эшелону. Станцию застилал дым, на путях горели вагоны, кругом зияли воронки от взрывов бомб, санитары не успевали уносить раненых. В такой обстановке прибывающие выгружались из вагонов с максимальной возможной быстротой и стремились до последующего падежа авиации врага укрыться в ближайшем лесу.

После выгрузки войска совершали марш в трудных условиях бездорожья, метелей и сильных (до -30°C) морозов. Для выдвигания армии было выделено фронтом всего два маршрута, представлявших собой дороги, проложенные в глубоком снегу со стенками высотой до 1,5 м. Их постоянно приходилось расчищать от снежных заносов силами войск и местных жителей. Из-за глубокого снежного покрова движение вне дорог практически исключалось. Чтобы достичь скрытности выдвигания и избежать ударов авиации врага, соединения обычно совершали марши в ночное время; днем двигались только

при пелетной погоде. Во время привалов было строго запрещено разводить костры, так нужные заочевшим бойцам. Пехота двигалась длинными колоннами по одному, пешком или на лыжах, вплотную к снежным стенкам. Лыжники, горбатые от торчащих под маскхалатами вещмешков и автоматов, впрягшись по двое, тянули вологуши с минометами и пулеметами, коробками с минами и патронами. Середина дороги предоставлялась автомобильному и гужевому транспорту, артиллерии. Скорость их движения не превышала 10—12 км в час. Часто это происходило из-за какого-нибудь трактора с орудием, обогнать который не было возможности. Задержки в движении приводили к тому, что войска не успевали к рассвету выйти в намеченные районы и укрыться. И тогда, если погода была летной, самолеты врага, обнаружив колонну, с небольших высот бомбили и обстреливали ее. Несмотря на то что из-за глубокого снега ни люди, ни тем более техника не могли рассредоточиться, потери от таких ударов были на удивление небольшими, но их моральное воздействие — значительным.

Авиационные полки армии передислоцировались самостоятельно по воздуху. При этом отличился летчик 744-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Б. И. Ковзан. 21 февраля, замыкая колонну полка, он увидел в районе Торжка вражеский бомбардировщик и решил его атаковать. Остальные экипажи не заметили маневра Ковзана, и по прибытии на аэродром никто не мог сказать, где и почему он отстал. А Ковзан, расстреляв в атаках снаряды, решил уничтожить «юнкерс» тараном. Устремившись на вражеский самолет, он винтом рубанул его по хвосту. Бомбардировщик камнем упал вниз, а Ковзану удалось посадить свой поврежденный «як». Это был его второй таран. Первый он совершил в октябре 1941 г. под Москвой. В последующем отважный истребитель еще дважды — в июле и августе 1942 г. — таранил самолеты врага в воздушных боях под Старой Руссой. В августе 1943 г. старшему лейтенанту Б. И. Ковзану, единственному четырежды совершившему воздушный таран, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Штаб армии, прибывший в одном из первых эшелонов и расположившийся в Ермошкино (27 км юго-восточнее Крестцов), руководил приемом войск и организацией их марша. Офицеры штаба и политработники круглосуточно находились в колоннах, принимая все меры для ускоре-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 19, л. 115, 206.

ния движения и своевременного выхода их в назначенный командованием фронта район в междуречье Редьи и Ловати. Здесь, южнее шоссе Старая Русса — Рамушево, в результате наступления частей 2-го и 1-го гвардейских стрелковых корпусов генерал-майоров А. И. Лизюкова и А. С. Грязнова образовался небольшой выступ, простреливавшийся с востока и запада артиллерией противника, с которого в дальнейшем и предстояло действовать войскам армии.

Первой 6 февраля в район сосредоточения вышла 2-я гвардейская бригада. Ей была поставлена задача в целях улучшения исходного положения для наступления главных сил армии форсировать Редью на участке Овчинниково, Шапкино и отбросить противника за шоссе Старая Русса — Холм, которую она успешно выполнила.

Плохое состояние дорог, нечетко организованная служба регулирования и удары вражеской авиации замедлили темпы движения по сравнению с запланированными, привели к растяжке колонн, в результате чего соединения вышли в назначенные им районы сосредоточения с запозданием. 7—12 февраля подошли обе стрелковые дивизии, три стрелковые бригады и часть танков и артиллерии. 56, 62 и 41-я бригады по указанию командующего фронтом были временно подчинены 11-й армии. 47-я бригада находилась на марше¹. Подошедшие в район сосредоточения соединения не были вполне боеготовыми. Так, командир 201-й латышской дивизии полковник Я. Я. Вейкин доносил в штаб армии 7 февраля: часть личного состава дивизии не имеет вооружения (осталось на станции выгрузки), из полученного 6-тысячного пополнения пятая часть не прошла начального военного обучения, части имеют 0,5—0,75 боекомплекта боеприпасов, 1—2 сутодачи продовольствия, автотранспортом дивизия укомплектована на 55 процентов, конским составом — на 70 процентов, и тот сильно истощен². В 129-й дивизии к началу наступления имелось: артиллерийских снарядов — 0,5 боекомплекта, мин и патронов — 1 боекомплект, продовольствия — всего 1 сутодача. Тылы дивизии отстали на 150 км. Аналогичное положение было и в других соединениях. Оказалась растянутой по маршрутам большая часть артиллерии и танков, а прибывшая в назначенные районы имела минимум горючего и бое-

припасов. Восемь лыжных батальонов вышли в район сосредоточения только 18 февраля и не могли быть немедленно введены в бой ввиду отсутствия боеприпасов, продовольствия, а также измотанности личного состава после длительного марша¹.

Однако обстановка требовала быстрее наращивания усилий, и командующий фронтом принял решение ввести в сражение 1-ю ударную армию, несмотря на ее неполную готовность к наступлению. В своем замысле он исходил из того, что если окружить группировку в районе Демянска и отрезать ее от путей снабжения, то она более или менее быстро капитулирует. С выходом же наших войск в район Шимск, Волот и прочного перехвата ими коммуникаций, связывающих гарнизон Старой Руссы с тылом, гитлеровцы оставят город и их можно будет разбить в открытом бою². Это позволит в дальнейшем 1-й ударной армии и 1-му гвардейскому корпусу ударом в северо-западном направлении перерезать коммуникации ленинградско-волховской и новгородской группировок противника, а 34-й и 11-й армиям нанести вспомогательный удар в направлении Дно, Псков³.

10 февраля штаб армии получил директиву фронта: продолжая сосредоточение армии, всеми наличными силами с утра 13 февраля перейти в наступление на фронте Пенна, Чернышево (6—10 км южнее Старой Руссы), главную группировку иметь на левом фланге и нанести удар в направлении платформа Взглядь, Городцы, Учно с ближайшей задачей разбить противостоящего противника и к исходу 14 февраля овладеть рубежом Климово, Замошье (10—20 км западнее и юго-западнее Старой Руссы), перерезав шоссе Старая Русса — Дно. В дальнейшем во взаимодействии с соседом справа — 11-й армией, наносящей удар в обход Старой Руссы с севера, — окружить и уничтожить старорусскую группировку противника⁴.

1-й ударной армии предстояло действовать на направлении главного удара фронта, имея открытым левый фланг. Вместе с тем, поскольку подготовку наступления приходилось осуществлять в весьма сжатые сроки в ходе выдвижения и сосредоточения войск, командованию армии в полной мере осуществить все необходимые мероприя-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 36, л. 75.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 19, л. 117.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 36, л. 61.

² См.: На Северо-Западном фронте 1941—1943. М., 1969, с. 34.

³ ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 71, л. 195—196.

⁴ ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 74, л. 197.

тия для успешного проведения операции не удалось. Соединения армии после боев под Москвой почти наполовину обновились. Они были пополнены хорошим, но недостаточно подготовленным контингентом, однако времени для обучения личного состава и сколачивания подразделений и частей их командиры практически не имели. Необходимо было ускорить подход танков и артиллерии, завершить формирование создаваемых по решению Военного совета фронта на базе расформированной 57-й смешанной авиационной дивизии ВВС армии (командующий полковник В. Е. Нестерцев)¹. Кроме того, штабы и войска не имели достоверных данных о положении и группировке противостоящего противника. Отсутствовало надежное зенитное и воздушное прикрытие, запас материальных средств в соединениях и частях был весьма ограниченным.

Однако, как ни спешили Ставка и командование фронта и армий с переброской войск на старорусское направление и началом наступления, предупредить противника в развертывании не удалось. Уже 3 февраля в район Старой Руссы начали прибывать части 5-й легкопехотной дивизии, которые сразу же приступали к созданию обороны по реке Полисть южнее Старой Руссы, как раз на направлении предстоящего наступления 1-й ударной армии.

Это был серьезный противник. Разгромленная в ноябре 1941 г. под Москвой, дивизия была отведена во Францию, переформирована в легкую дивизию и прошла специальную усиленную подготовку для ведения боевых действий в лесных массивах в зимних условиях. Ее части были оснащены лыжами, санями и легкими автомашинами. Оборона строилась по принципу опорных пунктов по обоим берегам Полисти, созданных в деревнях, отстоящих на 2—3 км одна от другой. Каждая деревня была обнесена снежным валом с открытыми пулеметными площадками и ячейками для стрелков. Подступы к переднему краю прикрывались системой многослойного ружейно-пулеметного, минометного и артиллерийского огня. Промежутки между опорными пунктами контролировались пешими и санными патрулями. И хотя на первый взгляд оборона эта не была столь уж прочной, преодолеть ее было далеко не просто, поскольку наступление по снежной целине и обход опорных пунктов были весьма за-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6843, д. 14, л. 67.

труднейшими, а их подавление требовало значительной плотности огня артиллерии и расхода боеприпасов, нежели те, которыми располагала армия. К тому же противник имел большое превосходство в воздухе и мог серьезно повлиять на наземную обстановку.

В соответствии с полученной задачей генерал В. И. Кузнецов принял решение прорывать оборону противника на участке Пенна, Соколово (ширина 13 км). Согласно плану главный удар напосили 2-я гвардейская бригада полковника Я. П. Безверхова, 201-я и 129-я дивизии генерал-майоров Я. Я. Вейкина и В. А. Смирнова в направлении Ново-Свинухово, Ивановское, Лотовино, второй — 50-я и 84-я бригады в направлении Нагаткино, Утошкино (все пункты 10—15 км южнее и юго-западнее Старой Руссы). В качестве ближайшей задачи определялся выход на рубеж Утошкино, Взгляды (глубина 5—6 км) к исходу первого дня наступления. С утра второго дня планировалось наступать в общем направлении на станцию Тулебля и выйти на рубеж Климово, Замошье (глубина 25—30 км). Оперативное построение в один эшелон, в резерве находился полк 129-й дивизии и рота 123-го батальона 83-й танковой бригады. Левый, открытый фланг прикрывался 1-м и 5-м лыжными батальонами. Исходное положение войскам надлежало занять 12 февраля в 4 часа, готовность артиллерии — 8 часов. Командный пункт армии находился в Борисово¹. Управление частями ударной группировки возлагалось на заместителя командующего армией генерал-майора К. Н. Галицкого с всеномательного пункта управления. Планом операции предусматривалось для развития успеха на второй и третий день операции вводить в бой по одной бригаде.

Армейскую артиллерию и танки командующий армией решил использовать так же, как и под Москвой: танки — децентрализованно, а артиллерию подивизионно придавать соединениям, наступающим на главном направлении. Подобное применение их было ошибочным, и на это указывал командующий фронтом в своем приказе от 7 марта 1942 г. В нем констатировалось, что, раздробив 83-ю танковую бригаду на группы по одной-две роты, которые затем использовались еще более мелкими группами и даже отдельными машинами, командование армии практически сделало бригаду небоеспособной.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 42, л. 82.

Ввиду запоздания с выходом войск в район сосредоточения начало наступления было перенесено на 13 февраля. Однако и при этом командиры соединений и частей не успели провести рекогносцировку и организовать взаимодействие¹. К исходу 12 февраля соединения первого эшелона армий заняли исходное положение для наступления вдоль шоссе Старая Русса — Холм от Марфино до Соколово (8—15 км южнее Старой Руссы). В этот же день Военный совет обратился к войскам армии с призывом приложить все силы и использовать все свое умение для разгрома врага. Во всех частях состоялись митинги, на которых солдаты и офицеры давали клятву не пожелать сил и даже жизни во имя Родины. Накануне войны бригады, сформированных на Урале, встретились со своими земляками — делегацией трудящихся с Урала, вручившей им подарки и передавшей наказ беспощадно громить врага.

Наступило утро 13 февраля. Шел густой снег. Видимости никакой. В 10 часов части 50, 84, 2-й гвардейской стрелковых бригад, 201-й латышской и 129-й стрелковых дивизий после непродолжительной артиллерийской подготовки без поддержки танков перешли в наступление². Они сбили боевое охранение противника западнее шоссе и начали продвигаться через дремучий лес к переднему краю его обороны по колено в рыхлом снегу. К исходу дня, продвинувшись на 8—10 км, наступающие вышли на рубеж Аринино, Ивановское, Подцепочье, восточнее Бородино, где встретили сильное огневое сопротивление.

Командующий фронтом, определяя задачу армии на 14 февраля, потребовал увеличить темп наступления, продвинуться вперед на 10—15 км и к исходу дня выйти на рубеж совхоз «Сталь», Заболотье, Выдерка, Речные Котцы, Калиново (10—25 км юго-западнее Старой Руссы). Однако эта задача оказалась непосильной. 14 февраля части армии на большинстве участков не смогли преодолеть сопротивление врага. Захваченные пленные показали, что офицеры довели до личного состава подразделений приказ Гитлера, в котором он требовал «стоять по колено в крови, но Старой Руссы не сдавать»³.

Наибольшего успеха 14—15 февраля добились 2-я гвардейская и 84-я бригады. Преодолевая упорное сопро-

тивление егерей 5-й легкопехотной дивизии, моряки вклинились в их оборону, форсировали реки Полисть и Хольню и освободили около 40 деревень. К исходу 15 февраля передовые подразделения бригад вышли на рубеж восточнее Утошкино, Полуково, Григорово, южнее Дедовой Луки (9—14 км южнее и юго-западнее Старой Руссы)¹. 2-й батальон 2-й гвардейской бригады под командованием капитана А. К. Маслова, уничтожив вражеский гарнизон, овладел станцией Тулебля (17 км западнее Старой Руссы) и перерезал железную и шоссе-ную дороги Старая Русса — Дно. Это был крупный, по, как оказалось, последний успех наступления. Части 201-й и 129-й дивизий, не сумев с ходу преодолеть оборону противника, втянулись в затяжные бои за его опорные пункты на Полисти.

Противнику удалось отразить атаки соседа справа — соединений 11-й армии и удержать свои позиции, а затем перебросить часть сил 18-й моторизованной дивизии в полосу 1-й ударной армии. Во второй половине дня 15 февраля гитлеровцы из района Утошкино предприняли контратаки во фланг ударной группировки армии — 50-й и 84-й бригад. В результате продвижение обеих бригад было сначала остановлено, а затем под натиском врага они отошли на 1—2 км².

Военный совет и штаб армии принимали все меры к тому, чтобы ускорить подход артиллерии и танков и особенно — выправить положение с тылом. Сложность заключалась в том, что станция снабжения — Крестцы — была удалена от войск на 140 км, от нее к фронту до Ловати проезжими были две дороги, а далее до Давыдково — одна. По ним шло снабжение 11-й, 1-й ударной армий, 1-го и 2-го гвардейских корпусов³. Перегруженность станции и коммуникаций не позволила армии создать к началу наступления головные склады боеприпасов, горючего и продовольствия. Разыгравшиеся 13—14 февраля метели еще более осложнили подвоз материальных средств. Все это грозило срывом операции.

16—17 февраля оказались переломными днями операции. Именно в эти дни гитлеровское командование бросило против войск 1-й ударной и 11-й армий почти весь 1-й воздушный флот, взаимодействующий с группой

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 36, 42, 43, л. 59.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 473.

³ Паргархив ЦК КПЛ, ф. 301, оп. 1, д. 20, л. 71.

¹ ЦАМО, ф. 2131, оп. 484535, д. 1, л. 2—6.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 26, л. 65.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 36, 42, 43, л. 66.

армий «Север». Эффективности действий вражеской авиации в значительной мере способствовала установившаяся ясная, солнечная погода. С утра 16 февраля начались массированные воздушные удары по войскам армии. Группами от 10 до 30 самолетов противник бомбил и обстреливал боевые порядки частей, нанося им существенные потери. В течение двух недель каждый день начинался и заканчивался налетами вражеской авиации. Самолеты врага ожесточенно бомбили и обстреливали леса, где укрывались части армии, и подвергали ударам все, что пыталось двигаться. Несколько раз удары наносились и по штабу армии. 13 февраля во время бомбежки погиб весь штаб артиллерии армии. 18 февраля был тяжело ранен генерал-майор К. Н. Галицкий. Вместо него ударную группировку армии возглавил генерал Н. Д. Захватаев. Авиация Северо-Западного фронта, имевшая всего 110 исправных самолетов, и ВВС армии, несмотря на самоотверженные действия летчиков, не могли надежно прикрыть наступающие войска с воздуха и оказать им действенную поддержку¹. Из-за организационных неурядиц, разбросанности полков по многим аэродромам и отсутствия надлежащего аэродромного обслуживания формирование ВВС армии затягивалось. Только к 22 февраля был сформирован штаб ВВС (начальник штаба полковник Хрусталеv). Помимо 707-го и 710-го легких бомбардировочных и 744-го истребительного полков приказом командующего ВВС фронта в состав армии вошел 416-й истребительный авиационный полк (12 ЛаГГ-3) майора П. А. Груздева.

Выполняя задачи, поставленные командующим армией, легкобомбардировочные полки до конца февраля сделали 325 самолето-вылетов (40—80 вылетов в течение ночи), нанося бомбовые удары по гарнизонам противника в деревнях прифронтовой полосы. Кроме того, они сбросили 200 тыс. листовок. Истребительные полки за это время сделали 188 боевых самолето-вылетов, провели 42 воздушных боя, сбив 12 самолетов врага². Свои потери составили: 9 У-2, 8 ЛаГГ-3, 4 Як-1.

На боевой деятельности армейских ВВС сказывались молодость и неопытность летного и технического состава. И боевой опыт, и мастерство технического обслуживания еще только приобретались. К чести наших авиато-

ров, они уже начинали проявляться. Летчики — командиры и штурманы звеньев и эскадрилий 707-го полка лейтенанты Д. В. Супонин, Ю. И. Сорокин, А. Д. Зайцев, А. Ф. Рубан, старший сержант Н. А. Шмелев в последующем стали Героями Советского Союза.

Положение усугублялось слабостью противовоздушной обороны армии. Поэтому 13 февраля командующий армией приказал командирам соединений и частей организовать надежную ПВО своими силами. Наличие в армии только одной батареи МЗА, зенитно-пулеметной роты и взвода зенитных пулеметов в одной бригаде делали войска, по сути дела, беззащитными перед воздушным противником. Расположенный в полосе армии 19-й отдельный зенитный дивизион часто не мог вести огонь из-за отсутствия снарядов. По свидетельству генерала Д. А. Журавлева, зенитные подразделения в соединениях в лучшем случае «могли прикрыть от ударов с воздуха штабы дивизий и полков... но для обеспечения противовоздушной обороны боевых порядков средств у них не хватало»¹.

Военный совет армии 17 февраля доносил начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову, что противник бросил против войск армии большое количество авиации, делая до 300 самолето-вылетов в день, и буквально прижал части к земле, они несут большие потери и это грозит срывом операции. Военный совет просил усилить действия авиации резерва Ставки в интересах армии². Однако Ставка ВГК в тот момент еще не располагала резервами авиации и средств ПВО, и армия должна была рассчитывать только на свои силы. В этих условиях Военный совет обязал командиров соединений, частей и подразделений, а также партийно-политических работников максимально усилить борьбу с самолетобоязнью и мобилизовать личный состав на уничтожение низколетящих самолетов врага всеми видами оружия.

А положение армии все более осложнялось. Используя превосходство в воздухе, командование 16-й немецкой армии активизировало действия своих наземных войск. Во второй половине дня 16 февраля 5-я легкопехотная и часть сил 18-й моторизованной дивизии врага при поддержке около 30 танков и 2 полков артиллерии контратаковали с фронта из района Дедовой Луки 2-ю гвардейскую бригаду и во фланг ударной группировки армии из

¹ ЦАМО, ф. 224, оп. 1351, д. 356, л. 70.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 162, л. 8.

¹ Журавлев Д. А. Огневой щит Москвы. М., 1972, с. 97.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 19, л. 138.

района Утошкино части 84-й бригады. Измотанные много-часовой бомбежкой и огнем артиллерии, моряки не смогли сдержать натиска врага и отошли на 2—3 км. Принятыми командованием фронта и армии мерами продвижение гитлеровцев удалось остановить на рубеже Утошкино, Ивановское. Стремясь развить успех, противник с утра 17 февраля после сильного артиллерийского палета и удара авиации вновь атаковал в прежних направлениях. Части 50, 84 и 2-й гвардейской бригад и переподчиненной из 11-й армии 254-й стрелковой дивизии полковника П. Ф. Батицкого¹, имевшей всего 600 активных штыков, поддержанные огнем подошедших 701-го и 264-го артиллерийских полков и танками 83-й танковой бригады, отразили атаку, нанеся врагу большой урон².

На этот раз части действовали значительно организованнее, чем накануне. Особенно отличились артиллеристы 84-й бригады. Командир дивизиона капитан С. С. Перепелица, выдвигнув две батареи на прямую наводку, уничтожил 8 танков и до 180 солдат и офицеров. Но и сами артиллеристы понесли потери, в батареях осталось по 1 орудию и по 2—3 человека расчета. Перепелица был ранен в обе ноги.

Энергично начали свои боевые действия и танкисты. Механик-водитель 123-го танкового батальона старшина Ф. С. Берсенов огнем и гусеницами громил врага. В ходе боя его машина была подожжена. Но экипаж не покинул горящий танк. На большой скорости отважный воин сбил пламя и спас танк. За мужество и героизм ему было присвоено звание младшего техника-лейтенанта и вручен орден Красной Звезды³.

После прибытия армии под Старую Руссу по указанию командующего фронтом генерала П. А. Курочкина из ее состава была временно выведена 56-я стрелковая бригада, которая вступила в бой на южном берегу озера Ильмень в полосе наступления 11-й армии. В бою 19 февраля совершил подвиг пулеметчик 3-го батальона Л. С. Суружин. Во время сильного удара вражеской авиации он был ранен, не смог следовать за своими товарищами, которые укрылись в лесу, и остался один в окопчике на открытом заснеженном поле. Цепляясь руками за снег, он пополз, как ему показалось, в нужном направлении.

¹ Впоследствии Маршал Советского Союза.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 136, л. 114.

³ ЦАМО, ф. 3184, оп. 1, д. 5, л. 15.

Наступила ночь. 30-градусный мороз сковывал тело. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног, но полз, полз... Только на четвертые сутки его, едва живого и совершенно закоченевшего, подобрали и отвезли в медсанбат. Перчатки и валенки с черных, рук и ног пришлось срезать. Началась гангрена. На вторые сутки ему ампутировали левую ногу, потом кисти рук, а затем и правую ногу. Всего ему пришлось перенести 12 операций.

В «Неделе» № 7 за 1980 г. о Л. С. Суружине была помещена заметка под заголовком «Живой среди живых. Еще одна повесть о настоящем человеке». За свой подвиг он награжден орденом Красного Знамени. В марте 1942 г., совсем недалеко от мест, где проявил высокую жизнестойкость боец Суружин, совершил свой подвиг летчик старший лейтенант А. П. Маресьев.

В последующие дни атаки врага продолжались. Только 84-я бригада за 17—20 февраля отразила 19 вражеских атак¹. Восстановить утраченное положение, не говоря уже о продолжении наступления, армия не имела ни сил, ни средств. В связи с неблагоприятным развитием операции Военный совет фронта потребовал от генерала Кузнецова максимально усилить левый фланг армии, обеспечить быстрые темпы его продвижения. С этой целью из резерва фронта 1-й ударной армии переподчинялась 364-я сибирская стрелковая дивизия генерал-майора Ф. Я. Соловьева².

В ночь на 19 февраля по решению генерала В. И. Кузнецова 84-я бригада, сильно ослабленная в прошедших боях, была сменена подошедшей 46-й бригадой, левее 129-й дивизии в первый эшелон вышла 47-я бригада с 1-м и 5-м лыжными батальонами, 44-я бригада составила второй эшелон армии³. Перешедшие с утра 19 февраля в наступление части первого эшелона встретили сильное огневое сопротивление, а в районах Утошкино, Большое и Малое Толочно — контратаки противника. Под ударами вражеской авиации атакующие залегли. Лишь на левом фланге 47-я бригада несколько продвинулась вперед и вышла к реке Холынья.

Наступательная операция, по существу, превратилась в многодневное встречное сражение, поскольку каждая из сторон ставила активные цели. При этом противник со-

¹ См.: Камалов Х. Х. Морская пехота в боях за Родину, с. 115.

² ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 73/1, л. 142.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 36, 42, 43, л. 75.

средоточивал свои усилия против правого фланга 1-й ударной армии, а армия пыталась развить успех на своем левом фланге. Атаки наших войск сменялись контратаками противника. Пепелища деревень по нескольку раз переходили из рук в руки. Обе стороны несли тяжелые потери.

Свыше 80 процентов потерь составляли потери от ударов вражеской авиации. Боевой состав частей армии все более уменьшался, и они теряли свою ударную силу. Так, на 28 февраля полки 254-й дивизии насчитывали: 929-й полк — 163, 933-й — 105, 936-й — 85 активных птывков¹. В 201-й дивизии с 13 февраля по 4 марта было из строя 6458 человек, в том числе убитыми — 1153. Большие потери были в конском составе и вооружении². Существенный урон был нанесен и армейской артиллерии. На 25 февраля она имела в своем составе 4 неполных дивизиона (701-й и 264-й артиллерийские полки РКК), 19 противотанковых и зенитных орудий (641-й легкий артиллерийский полк) и 23 установки гвардейских минометов (7, 33, 38-й дивизионы)³.

Серьезные потери нес и противник. Вот что показал на допросе пленный ефрейтор 56-го егерского полка 5-й легкопехотной дивизии: «11 февраля наш батальон был высажен в Старой Руссе. В первые же дни потери в батальоне были очень велики. Из 600 человек, прибывших на фронт в середине февраля, осталось в строю только 105»⁴.

В этих условиях с крайним напряжением работала медицинская служба армии, возглавляемая полковником медслужбы Н. П. Прокофьевым. Медработники соединений и частей делали все возможное, и даже сверх того, для спасения раненых. В сильные морозы даже легкое ранение при несвоевременно оказанной помощи часто приводило к смертельному исходу. Всем бойцам были розданы химические грелки. Положив внутрь грелки кусочек снега, раненый клал ее за пазуху и тем самым в течение некоторого времени сохранял тепло в слабеющем организме. Для выноса раненых с поля боя не хватало санитаров. Их героический труд нельзя переоценить: под огнем противника на себе или с помощью плащ-накидки, лыжной волокуши они выносили раненых из-под огня

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 20, л. 100.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6790, д. 143, л. 205.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 20, л. 89.

⁴ На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 86.

врага и доставляли их на батальонные медицинские пункты, при этом часто с риском для собственной жизни. Врачи и медсестры не отходили от операционных столов даже во время палетов вражеской авиации. Как и солдаты на поле боя, они падали от осколков вражеских бомб и снарядов, валялись с ног от усталости. На полковых и дивизионных медпунктах не хватало мест для размещения раненых, ватных одеял-конвертов, чехлов-утеплителей для раненных в конечности, а также транспорта для их эвакуации в армейские госпитали. И здесь на помощь приходило население прифронтовых деревень. Женщины добровольно дежурили у постелей раненых и больных, чинили и стирали белье. Местные власти предоставляли для транспортировки раненых санные упряжки.

В довершение всего вражеская авиация обнаружила и разбомбила армейские склады, что еще более обострило проблему снабжения войск боеприпасами и продовольствием. Командующему армией пришлось установить лимит: один снаряд на орудие и две — четыре мины на миномет в сутки. Таким образом, не имея достаточной авиационной поддержки, войска практически лишались также артиллерийской. Инициатива постепенно переходила к противнику. Не помогли и ночные действия, которые по указанию Военного совета армии начали шире применять войска, чтобы избегать ударов вражеской авиации.

Несмотря на упорство и мужество бойцов 254-й дивизии, 41, 84, 50 и 2-й гвардейской бригад, войска армии вынуждены были отходить на правом фланге. Стремясь удержать свои позиции до последней возможности, соединения часто попадали в окружение. Так, 20 февраля в районе Волыново, прорвавшись на флангах, противник окружил 84-ю бригаду. В течение трех дней моряки вели тяжелый бой и сумели вырваться из вражеского кольца. Успеху боя во многом способствовали энергичные действия начальника штаба бригады майора Н. К. Закуреникова, впоследствии генерала, командира 32-й гвардейской дивизии, героя штурма Сапун-горы. Отход моряков прикрывала батарея 76-мм полковых орудий под командованием лейтенанта С. И. Белова. Противник отрезал ей пути отхода, и артиллеристы дрались до последнего снаряда, до последнего человека. К концу боя в батарее осталось трое: раненый командир взвода лейтенант Л. П. Качарский, командир расчета старшина 1-й статьи Большаков и наводчик А. П. Панов. Подбив 2 танка и уничто-

жив до 100 вражеских солдат, батарея героически погибла, дав возможность частям бригады выйти из окружения и занять новый рубеж¹.

Но если на правом фланге армии к 23 февраля противнику удалось отеснить части 254-й дивизии, 84, 50 и 2-й гвардейской бригад к шоссе Старая Русса — Холм, то есть на рубеж, с которого они начинали наступление, то в центре 201-я и 129-я дивизии продолжали удерживать захваченный в ходе наступления рубеж по Полисти. В оборонительных боях особенно отличились части 201-й латышской дивизии генерал-майора Я. Я. Вейкина. Ее действия высоко оценивались командованием армии и фронта. О дивизии многократно писала армейская и фронтовая печать. Газета «Красная звезда» поместила статью И. Эренбурга, в которой говорилось: «Латышская дивизия показала, как бьют латыши немцев, — хорошо бьют. Латышская дивизия храбро дралась осенью, когда далеко было от фронта до Латвии. Теперь близ латвийской границы, чуя дым родных очагов, еще ожесточенней, еще яростней сражаются латышские стрелки»². В утреннем сообщении Совинформбюро 4 марта говорилось о двух героях-латышах: «На одном из участков Северо-Западного фронта в последние дни отличились пулеметчики Энской латвийской части тт. Лацис и Бронис. Первый из них уничтожил 50, а второй — 32 немецких солдат и офицеров»³.

Несмотря на относительный неуспех войск 1-й ударной и 11-й армий в февральских боях, в результате их наступления был создан внешний фронт окружения основных сил 16-й немецкой армии в районе Демянска и обеспечены благоприятные условия для создания внутреннего. 20 февраля 15-я стрелковая бригада 1-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшая с севера, и 42-я стрелковая бригада северной группы 3-й ударной армии, продвигавшаяся с юго-востока, соединились в районе Залучья и замкнули кольцо окружения⁴, в которое попали 2-й и основные силы 10-го армейских корпусов 16-й армии (пять пехотных дивизий, дивизия СС «Мертвая голова», три полка разных дивизий, до десяти отдельных батальонов) общей численностью около 95 тыс. человек.

¹ См.: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 424.

² Красная звезда, 1942, 20 марта.

³ Сообщения Советского информбюро, т. 2, с. 139.

⁴ См.: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 29.

Протяженность линии фронта Демянского котла составляла около 200 км, а площадь достигала 2300 кв. км. Между окруженными соединениями 16-й армии и ее основным фронтом в районе Старой Руссы был создан промежуток шириной до 30 км.

Это был первый случай окружения оперативной группировки немецко-фашистских войск в ходе Великой Отечественной войны, и расценивался он не только как военный, но и как крупный политический успех. Красная Армия доказала, что она не просто бьет немецко-фашистские войска, но и проводит против них решительные операции на окружение. Однако для полного уничтожения вражеской группировки, как того требовала директива Ставки, фронт не имел в своем составе подвижных соединений, которые могли бы наносить глубокие рассекающие удары. Превосходство в воздухе вражеской авиации, острая нехватка боеприпасов, продовольствия, горючего, фуража еще больше осложняли задачу. В итоге боевые действия по уничтожению демянской группировки растянулись до февраля 1943 г. и не привели к решительному успеху.

В создавшихся условиях Военный совет фронта еще раз приказал генералу В. И. Кузнецову активизировать действия войск левого фланга армии и к 2 марта создать здесь лыжную группу из двух лыжных бригад силою не менее 10 батальонов, поставить во главе ее энергичного командира с небольшим штабом, обеспечить его необходимыми средствами связи. Группе предстояло, глубоко обойдя левый, южный, фланг противника, выйти в район Волот, перерезать железную и шоссеиную дороги Старая Русса — Дно, уничтожить тылы и глубокие резервы и содействовать разгрому старорусской группировки противника¹.

Совместно с лыжной группой должна была действовать подошедшая 364-я стрелковая дивизия. Командование считало, что сибирякам будет привычнее и легче, чем кому-либо другому, действовать в условиях снежной целины. Из-за организационных трудностей формирование лыжной группы затянулось. Как показали дальнейшие события, ее создание мало что изменило в использовании лыжных частей и не повлияло на оперативную обстановку. Поскольку у бригад не было станковых пулеметов и артиллерийской поддержки, их наступательные и обо-

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 73/1, л. 180—183.

ронительные возможности были невысокими. Попытки их применения в тылу врага себя не оправдали.

Решение об использовании лыжных бригад в тылу врага было к тому же запоздалым. Открытого южного фланга, который могла бы обойти лыжная группа, к этому времени уже не существовало. 15—29 февраля южнее 5-й легкопехотной дивизии развернулись переброшенные из Германии вновь сформированные 329-я пехотная дивизия и авиаполевые полки группы «Майер». Для руководства ими из Демянска было переброшено управление 10-го армейского корпуса. В глубине, вдоль дороги Дно — Локня, развернулись части 281-й охранной дивизии. Прибывшие соединения сразу же начали активно улучшать свое положение и потеснили подразделения лыжных бригад на рубеж Быстрый Берег, Белебёлка. Командованию армии пришлось изменить лыжной группе наступательную задачу на оборонительную.

На правом фланге и в центре армии с 1 марта встречное сражение разгорелось с новой силой. Части 5-й и 329-й пехотных, 18-й моторизованной дивизий, поддерживаемые сильным артиллерийским огнем и ударами авиации, неоднократно атаковали части армии, пытаясь сбить их с занимаемых позиций. В свою очередь войска правого фланга 1-й ударной армии упорно контратаковали противника. Бои шли с переменным успехом. Однако к 6 марта врагу удалось не только отразить атаки советских частей, но и потеснить их, выйдя на участке Горюшка, Вошково (10—15 км юго-западнее Старой Руссы) на западный берег реки Полисть.

В первых числах марта во время отражения вражеской атаки был тяжело ранен командир 3-й армейской оперативной группы гвардейских минометов полковник Б. А. Юсупов. За мужество и героизм, проявленные в февральских боях, он был награжден орденом Ленина¹. Командование группой принял полковник А. Ф. Тверецкий.

5 марта Военный совет фронта принял решение временно прекратить наступление 11-й и 1-й ударной армий и перейти к обороне в тех же полосах, в которых они наступали: 11-я армия — от озера Ильмень до Чирикова (ширина полосы 45 км), 1-я ударная — от Чирикова (5 км южнее Старой Руссы) до Белебёлка (ширина по-

¹ Его бюст, изваянный В. Мухиной, экспонируется в Государственной Третьяковской галерее.

лосы 55 км)¹. Одновременно было приказано к 25 марта подготовить новую наступательную операцию².

Убедившись, что имеющимися силами не пробиться к окруженным войскам, командование 16-й армии также решило прекратить наступление и ограничиться частными боями. К середине марта обе стороны перешли к обороне. Февральско-мартовская операция армии завершилась. Можно было подвести некоторые итоги.

Несмотря на героизм и самоотверженность солдат и офицеров армии, противнику удалось отразить ее удар и предотвратить прорыв стратегического фронта южнее Старой Руссы, однако он не избежал окружения основных сил 16-й армии в районе Демянска. В докладе Верховному Главнокомандующему Военный совет армии к числу причин, повлиявших на неудачу операции, отнес сильные удары авиации противника, выгодные для обороны вражеские рубежи по рекам Полисть и Холынья, разновременный ввод соединений армии в бой, большие потери, вступление армии в сражение до завершения ее сосредоточения, без надлежащего тылового обеспечения, серьезные недостатки в управлении частями командиров дивизий³. Все эти недочеты обсуждались и анализировались на совещаниях Военного совета армии, в штабах соединений и частей, на партийных и комсомольских собраниях и в ходе бесед в частях и подразделениях. Армия продолжала сражаться и учиться воевать.

Глава 5.

МАРТОВСКО-АПРЕЛЬСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ АРМИИ

После перехода 11-й и 1-й ударной армий в наступление, когда обозначилась угроза полного окружения главных сил 16-й немецкой армии, в ставке Гитлера состоялось совещание, на котором в числе других обсуждался вопрос о характере дальнейших действий на старорусском направлении. Командующие группой армий «Север» и 16-й

¹ См.: Кузнецов П. Г. Дни боевые. М., 1959, с. 108.

² ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 542, л. 131—137.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 36, 42, 43, л. 83—85.

армией просили срочно выделить им силы из резерва ставки для стабилизации фронта и разрешить отвод соединений 16-й армии из района Демянска на линию Старая Русса, Холм. Гитлер отказал им в выделении резервов и категорически запретил отвод, видимо полагая, что в условиях сильных морозов и метелей это будет чревато большими потерями в личном составе и особенно в боевой технике, как это уже случилось под Москвой. Он указал, что положение 16-й армии надо изменить «только ударом из района Старой Руссы в восточном направлении и что для этого необходимо свести в один кулак все... наземные и воздушные силы»¹. Командованию 16-й армии было приказано разработать план операции в целях деблокады 2-го армейского корпуса.

Такой план в начале марта был разработан и предусматривал два этапа: первый — организация воздушного моста к окруженным войскам, с тем чтобы помочь им продержаться до начала действий деблокирующей группировки; второй — собственно наступление. Намечалось нанести два встречных удара: из района Старой Руссы в восточном направлении силами специально сформированной группы войск и из района севернее Залучья в западном направлении силами окруженных войск. Рубеж встречи — река Ловать. Для поддержки наступления привлекались основные силы 1-го воздушного флота в количестве 350 самолетов.

Во исполнение первого этапа плана деблокады к 17 февраля гитлеровское командование высвободило с других участков восточного фронта 337 транспортных самолетов Ю-52 и создало на старорусском направлении воздушный мост. Только постами ВНОС армии был отмечен пролет в последнюю декаду февраля 1300 самолетов, в первую декаду марта — 1088, во вторую — 778, в третью — 1204².

Авиация, зенитные средства фронта и армии оказались не в состоянии нарушить действие организованного противником воздушного моста. Зенитчики армии сбивали не более одного самолета в день.

Таким образом, перед войсками фронта вновь встали две задачи: главная — нанесение удара в направлении Старая Русса, Дно, Псков и новая — уничтожение демянской группировки. Без решения последней нельзя

было рассчитывать на успех первой, поскольку новая задача отвлекала большое количество сил и средств фронта. К тому же весьма опасно было наступать на запад, имея в тылу крупную вражескую группировку. Это особенно относилось к 1-й ударной армии, войска которой находились в промежутке между основным фронтом 16-й гитлеровской армии и ее окруженной группировкой.

Как указывалось выше, Военный совет фронта приказал 11-й и 1-й ударной армиям временно перейти к обороне и к 25 марта подготовить новую наступательную операцию. В соответствии с приказом от 5 марта войска армии перешли к обороне на рубеже Деревково, Ивановское, Язвы, Фелистово, Заречье, Корчевка, Красный Луг, Зюлема, Дубовая, Самбатово, Головеньки (5—25 км южнее Старой Руссы)¹.

Принимая решение на оборону, генерал Кузнецов в интересах наступления в основном сохранил наступательную группировку. Основные усилия по-прежнему сосредоточивались на правом фланге. Оперативное построение оставалось однопозелонным (254-я дивизия, 50, 44, 84 и 2-я гвардейская бригады, 201-я и 129-я дивизии, 47-я стрелковая, 1-я и 2-я лыжные бригады) с выделением в резерв 41-й бригады, одного лыжного батальона и 190-го танкового батальона (девять Т-34)². Командный пункт армии находился в Борисово (Язвы).

Крайне сложная обстановка, в которой войска переходили к обороне, не позволила командованию армии качественно подготовить их к возобновлению наступления, организовать прочную оборону. Они по-прежнему были почти равномерно вытянуты в линию. Из-за малочисленности соединений нарушилась их организационная структура. Так, на середину марта 201-я дивизия имела в своем составе: 92-й стрелковый полк, в 1-м батальоне которого насчитывалось 50 активных штыков, во 2-м — 64, в 3-м — 39; 122-й полк, состоявший всего из одного батальона численностью 208 человек; 199-й полк, в 1-м батальоне которого было 67, во 2-м — 83 активных штыка³. Не лучше обстояли дела и в остальных соединениях армии.

Очень медленно шло накопление материальных средств. Директивой Народного комиссара обороны на

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 31, л. 63—64.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 128, л. 432; ф. 3184, оп. 1, д. 5, л. 34.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6790, д. 30, л. 45.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 2, с. 193.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 165, л. 43.

март был установлен крайне жесткий лимит расхода боеприпасов на единицу оружия. Штаб армии строго следил за этим и в случае перерасхода «по неуважительным причинам» на виновных накладывались взыскания. Боеприпасы для стрелкового оружия также разрешалось тратить только при крайней необходимости. Но даже при такой экономии к началу наступления противника удалось создать в соединениях весьма небольшие запасы боеприпасов: 82-мм мин — 0,2—0,4 боекомплекта; 120-мм мин — 0,06—0,4; 76-мм снарядов для орудий ПА — 0,05—0,4; для орудий ДА — 0,08—0,7; 122-мм снарядов — 0,2—0,4 боекомплекта¹.

Огромные трудности встали перед войсками при инженерном оборудовании обороны. Личный состав подразделений не имел достаточного опыта строительства оборонительных сооружений. К тому же попытки «зарыться в землю» ни к чему не приводили: промерзший грунт не поддавался саперным лопатам, несмотря на все усилия солдат, а инженерной техники не было никакой. Остро чувствовалась нехватка взрывчатки, колючей проволоки, мин. На многих участках сразу же из-под снега выступала вода. Под руководством саперов в каждом полку было сооружено всего по 3—4 укрепленные огневые точки. Вследствие этого войска армии не смогли создать единой системы огня и заграждений даже перед передним краем, не говоря уже о глубине обороны.

Личный состав был измотан ударами авиации, артиллерийскими и минометными налетами, постоянным недосыпанием — солдатам и офицерам приходилось почти месяц урывками спать в снежных окопах или в подвалах разрушенных деревенских домов. От длительного пребывания па морозе распухали ноги и руки. Многие едва держались на ногах от простудных заболеваний и недоедания.

В таких условиях командирам и политработникам надо было не просто поднять моральный и боевой дух бойцов, но и построить их на наступление. Эта нелегкая задача решалась прежде всего личным примером офицеров, индивидуальными и групповыми беседами командиров и политработников с бойцами, в которых разъяснялись причины, обусловившие трудности, и говорилось о мерах, принимаемых командованием по их устранению или хотя бы облегчению.

Между тем с начала марта разведка армии постоянно докладывала командованию о подходе в район Старой Руссы новых сил противника и подготовке его к наступлению. Действительно, командование 16-й немецкой армии спешно формировало в районе Старой Руссы «ударную» группу Зейдлица. Генерал В. Зейдлиц ранее командовал 12-й пехотной дивизией, наряду с другими соединениями 16-й армии попавшей в Демянский котел. Он считался в немецко-фашистской армии энергичным и решительным командиром с большим практическим опытом, воплощающим в себе «лучшие традиции прусского и германского офицерства»¹.

В состав группы Зейдлица помимо ранее прибывших под Старую Руссу 5-й легкой пехотной и 329-й пехотной дивизии вошли 8-я легкопехотная и 122-я пехотная дивизии, 206-й горногерманский полк 7-й горнопехотной дивизии, 3 артиллерийских полка РКК и 203-й танковый полк. Всего в составе группы насчитывалось 52 пехотных батальона, 24 артиллерийских дивизиона, 1400 пулеметов². Общая численность ее составляла 34 тыс. человек. В ходе операции она была усилена частями 18-й моторизованной и 81-й пехотной дивизий. Как стало потом известно, группа Зейдлица получила задачу, развернувшись на западном берегу реки Полисть на участке Утошкино, Дретино, прорвать оборону советских войск на стыке 11-й и 1-й ударной армий и выйти на Ловать в районе Рамушево. С востока в тыл 1-й ударной армии нанесла удар группа Эйке силой до дивизии, состоявшая из частей 30-й, 290-й пехотных и моторизованной дивизии СС «Мертвая голова». Группу возглавлял командир дивизии СС обергруппенфюрер СС Эйке. Начало операции планировалось на 21 марта.

1-я ударная армия могла противопоставить противнику 30 стрелковых батальонов, 12 артиллерийских дивизионов, 58 минометных батарей, 14 танков. Общая численность соединений армии, противостоящих группе Зейдлица (254, 201, 129-я стрелковые дивизии, 50, 84 и 2-я гвардейская стрелковые бригады), составляла 24 219 человек³.

Сосредоточение войск противника, естественно, тревожило командование армии. Будучи не в состоянии его сорвать, генерал Кузнецов пыскивал возможности хотя

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 132, л. 330.

¹ Вгдер Н. Катастрофа на Волге. М., 1965, с. 278.

² ЦАМО, ф. 1348, оп. 204414, д. 3, л. 6.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 132, л. 327—328; д. 128, л. 426.

бы ослабить его. С этой целью было решено использовать армейскую авиацию. 17 марта командарм поставил командующему ВВС армии боевую задачу нанести бомбовые удары по скоплению пехоты, артиллерии и танков в районах западнее и юго-западнее Иваповского (12 км юго-западнее Старой Руссы).

Каждый вечер, начиная с 18 марта, 707-й и 710-й полки перелетали с полевого аэродрома Сельцо (100 км от линии фронта) на аэродром подскока Ожедово (5 км от переднего края). Здесь самолеты загружались бомбами и вылетали на бомбардировку, а к рассвету возвращались в Сельцо, с тем чтобы не попасть под удар вражеской артиллерии. Боевая работа была исключительно напряженной: одни самолеты вылетали с бомбами, другие возвращались за ними. Чтобы не терять времени, летчики и штурманы помогали техникам. В течение ночи каждый экипаж делал до 16 вылетов.

С утра 20 марта авиация противника начала интенсивные бомбардировки боевых порядков правофланговых соединений армии, сделав за день до 400 самолето-вылетов. Одновременно вражеская артиллерия нанесла по ним два мощных огневых палета. В 9 часов 21 марта на левофланговую 46-ю бригаду 11-й армии и правофланговые соединения 1-й ударной армии — 254-ю дивизию, 50, 84 и 2-ю гвардейскую бригады, занимавшие оборону на участке восточнее Утошкино и южнее, — вповь обрушился удар до 100 самолетов и свыше 300 орудий и минометов. «Ударная» группа Зейдлица перешла в наступление. Для 1-й ударной армии началась почти полуторамесячная тяжелая оборонительная операция.

В результате авиационной и артиллерийской подготовки противника правофланговые части армии понесли тяжелые потери в личном составе и вооружении, их система обороны была подавлена, связь и управление нарушены. Вслед за огневым налетом противник перешел в атаку силой до 3—4 пехотных полков 8-й легкопехотной и 329-й пехотной дивизий с 20—25 танками. На остальном фронте он сковал действия войск армии интенсивным огнем и ударами авиации. Правофланговые соединения не смогли сдержать натиск врага. К исходу дня он потеснил их на 4—6 км, выйдя на участке Аришино, Подцепочье к реке Порусья. 201-я латышская дивизия отразила все атаки частей 329-й дивизии врага и удержала свои позиции. Командование армии приняло срочные меры по отражению вражеских атак.

Генерал Кузнецов решил с утра 22 марта ввести в бой 62-ю и 44-ю бригады и два полка 364-й дивизии, ликвидировать прорвавшуюся группировку и восстановить утраченное положение. Однако фашисты упредили действия наших частей. С раннего утра части группы Зейдлица после сильных ударов авиации и артиллерии возобновили наступление. Повторялась картина боев конца февраля. Каждый день оборонительных сражений армии начинался с того, что на ее правый фланг обрушивался сильный удар авиации и артиллерии, вслед за которым шли в атаку пехота с танками. В течение дня над полем боя и коммуникациями армии на всю глубину ее обороны непрерывно висели группы по 40—50 бомбардировщиков. Ежедневно авиация противника совершала до 1000—1500 самолето-пролетов, а истребительная авиация фронта не могла им эффективно противодействовать, так как на один наш самолет приходилось 4—5 вражеских. В воздухе завязывались затяжные и трудные бои.

А на земле стоял непрерывный грохот от разрывов бомб, снарядов, мин. Атаки врага, палеты авиации, артиллерийско-минометные удары следовали один за другим. Отражая атаки врага, бойцы целыми днями выпущены были лежать в снегу. Многие легкораненые умирали в своих окопчиках не столько от ранений, сколько от охлаждения. Пулеметный огонь врага был настолько плотным, что, как говорится, пельзя было поднять головы. Действительно, медки отмечали большое количество ранений именно в голову. Санитары подразделений самоотверженно выполняли свои нелегкие обязанности. Особенно отличался бесстрашием санитар 254-й дивизии Шухрай. Он вынес с поля боя более 50 раненых с их оружием, за что был награжден орденом Ленина. Санитар 122-го полка 201-й латышской дивизии В. А. Кукайс, оказывая помощь раненым, подползла к нашей подбитой тридцатьчетверке. В ней оказался раненый танкист. В это время гитлеровцы начали очередную атаку, и танкист открыл огонь из пушки, а девушка подавала ему снаряды, затем сама стала расстреливать паседавших фашистов из пулемета. Так вдвоем они отразили атаку врага и продержались до подхода стрелков. О ее подвиге писала «Правда».

К вечеру, когда противник обычно закапывал свои атаки, бойцы с большим трудом могли подняться: настолько они заоченевали, лежа в снегу. Трудно было

узнать и оборонительные позиции: кругом черпели воронки, кустарник перемешался с землей, многие деревья были вырваны с корнем. И так день за днем. Ряды бойцов в подразделениях таяли. Командиры батальонов и полков тщательно просили старших командиров дать хотя бы немного людей. Из тылов и госпиталей всех, кого было можно, направляли в роты. К командующему и в штаб армии постоянно поступали просьбы выделить хотя бы немного пулеметов, минометов, гранат. Командарм вынужден был лично заниматься распределением каждого пулемета и миномета, поскольку на складах армии их оставалось буквально единицы. Фронт также не имел никаких запасов оружия.

Не все выдерживали этот многодневный кошмар боев. Реакция была различной: у одних вместе с чувством безграничной усталости появлялась апатия, вялость, у других, наоборот, — повышенная нервность. Но в подавляющем большинстве личный состав частей армии показывал образцы стойкости и беззаветного мужества.

22 марта, потеснив подразделения 84-й бригады генерал-майора М. Е. Козыря, в которой осталась всего пятая часть личного состава и были уничтожены все орудия и станковые пулеметы, части 8-й легкопехотной дивизии форсировали Порусью и захватили плацдарм в районе Ново-Свиногово. Введенная в бой 62-я бригада полковника В. М. Рогова приостановила дальнейшее продвижение противника. Особо отличился при этом батальон под командованием майора К. Р. Ермошкевича, атаковавший тремя батальонами противника с танками. Четверо суток бригада удерживала рубеж по реке Порусья, отражая ежедневно по 5—7 сильных атак врага.

24 марта части 5-й легкопехотной дивизии также форсировали Порусью, потеснили на 1,5—2 км 254-ю дивизию и 50-ю бригаду, овладев Пенной, Марфино и Нагаткино¹. Одновременно с плацдарма у Ново-Свиногово 8-я легкопехотная дивизия нанесла удар в направлении Шапкино (5 км юго-восточнее Ново-Свиногово). Сильно ослабленные подразделения 2-й гвардейской бригады, проявляя исключительный героизм и самопожертвование, отражали атаки врага. У деревни Маврица враг прижал к берегу Порусьи батарею противотанковых орудий под командованием лейтенанта А. Е. Кириллова. В течение

двух дней батарея вела неравный бой. Людей оставалось совсем немного, были на исходе снаряды. Однако батарея держалась, хотя выстрелы становились все реже и реже, а затем сменились ружейной стрельбой. Только на четвертый день все стихло. Гвардейцы не отошли со своей позиции, предпочитая смерть отступлению¹. И таких подвигов было много.

24 марта на командный пункт армии для непосредственного руководства боевыми действиями прибыл генерал Курочкин, потребовавший от командиров и комиссаров дивизий и бригад стойко удерживать занимаемые рубежи, железной рукой навести порядок, подготовить части к наступлению и полному восстановлению положения. По его указанию 1-й ударной армии переподчинялись: из 11-й армии — 180-я стрелковая дивизия полковника И. И. Миссана, из 34-й армии — 26-я стрелковая дивизия молодого энергичного полковника К. Г. Черепанова, из резерва фронта спешно перебрасывалась 204-я воздушно-десантная бригада. Для прикрытия армии от ударов с воздуха привлекалось более половины авиации фронта и 111-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Командующий войсками фронта приказал командующим 11-й и 1-й ударной армиями подготовить контрудары с целью срезать клин, вбитый противником в стык армий.

Однако, несмотря на все меры, принятые командующими фронтом и армией, рубеж по реке Порусья удержать не удалось.

Генерал Кузнецов вынужден был дать приказ на отход войск на рубеж реки Редья, чтобы там остановить продвижение врага. При этом противнику удалось окружить в лесу восточнее Ново-Свиногово части 44-й бригады, до которой приказ об отходе не дошел. 25—27 марта они продолжали вести бой, испытывая острый недостаток в боеприпасах и продовольствии. В ночь на 28 марта остатки бригады вышли из окружения на восточный берег Редьи, сохранив оружие и вынеся раненых. При переходе через реку погибли командир бригады полковник Г. П. Шишмарев и начальник штаба майор Р. Г. Писарев².

Прикрывая отход пехоты, до последнего дрались танкисты 190-го батальона майора Татура. К исходу 25 марта в 190-м батальоне оставалось всего две боевые маши-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 162, л. 70.

¹ См.: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 421—422.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 20—22.

ны. В этих боях особенно отличился командир танка старший сержант А. Г. Михайлов. Ведя огонь из засад, он уничтожил в районе Ново-Свиногово три танка и до роты пехоты противника, за что был награжден орденом Красной Звезды¹.

Локализуя прорывы противника, маневрировал с одного участка на другой резерв армии — 641-й легкий артиллерийский полк майора В. С. Попова. В течение 20—25 марта он уничтожил 4 самолета, 5 танков, бронетранспортер, 3 орудия, 2 миномета, 9 пулеметов и до 400 человек пехоты².

Преодолевая упорное сопротивление советских войск, группа Зейдлица продолжала развивать наступление. Она методично теснила наши ослабленные части, захватывая одну позицию за другой. 25 марта части 5-й и 8-й легкопехотных дивизий вышли на западный берег Редьи на участке от Дмитрово до Шапкино и с ходу форсировали ее в районе Больших Горбов. Спешно выдвигаемая сюда 180-я дивизия полковника И. И. Миссана не успела своевременно занять назначенный ей рубеж. Только 26 марта, совершив трудный 100-километровый марш, дивизия вышла в район Больших Горбов и с ходу попыталась отбросить противника на западный берег реки. Но все ее атаки были отражены.

В этот исключительно тяжелый момент командующий армией приказал из всех разрозненных групп, оборонявшихся здесь, создать один отряд, командиром которого назначил генерал-майора Захватаева. Он лично собрал 100 человек из 62-й стрелковой бригады, 50 — из 2-й, 70 — из 180-й стрелковой дивизии, 7 орудий, 2 танкетки, 3 броневика³.

Трудно даже представить, каких усилий стоило это Н. Д. Захватаеву. На первый взгляд несколько флегматичный, генерал буквально преображался во время боя. Он оставался спокойным в самые критические моменты, не проявлял нервозности, даже когда противник прорывался к его командному пункту. Четко, энергично, деловым тоном он отдавал необходимые распоряжения, и это благотворно влияло на подчиненных.

Встретив организованное сопротивление выдвинутых по распоряжению командующего фронтом в район Бори-

сово частей 26-й дивизии и 204-й воздушно-десантной бригады, а южнее — частей группы генерала Захватаева, противник закрепился на достигнутом рубеже и 26 марта нанес удар вдоль западного берега Редьи в стык между 180-й и 364-й дивизиями. Для локализации прорыва генерал В. И. Кузнецов бросил свой последний резерв — курсы младших лейтенантов, но это не спасло положения. Части 8-й легкопехотной дивизии противника овладели Великим Селом и Онуфриево, перерезав основной армейский путь подвоза и эвакуации. Все попытки отбросить противника, предпринятые 26 марта — 9 апреля силами 26-й и 180-й дивизий и переданных в состав армии 15, 27, 116 и 121-й стрелковых бригад, включенных в группу Захватаева, усиленных 149-м танковым батальоном (пять Т-34) 69-й танковой бригады, двумя дивизионами гвардейских минометов, 264-м артиллерийским полком, успехом не увенчались¹. Не дали результатов и совместные атаки 11-й и 1-й ударной армий по флангам группы Зейдлица с целью срезать клин, вбитый ею в стыке армий (глубина 12—14 км, ширина — 5—8 км).

Однако и противнику не удалась попытка расширить прорыв в южном направлении, вдоль шоссе Старая Русса — Холм. 201-я латышская и 364-я сибирская дивизии стойко удерживали свои позиции и предпринимали неоднократные контратаки. И латышам, и сибирякам было не занимать характера. Сколько упорства, смелости и самопожертвования проявляли те и другие! 24 марта, увлекая бойцов в контратаку, героически погиб комиссар 1214-го полка С. В. Абрамов. Когда вышел из строя командир роты, командование принял политрук П. Бигаев. Он поддерживал боевой дух бойцов, даже когда враг окружил роту. Под его руководством бойцы отразили три вражеские атаки. Последнюю, четвертую, гитлеровцы предприняли после сильного артиллерийского налета и удара пикирующих бомбардировщиков. Только после гибели всех 16 воинов роты враг смог захватить высоту.

Особенно упорные бои разгорелись в районе Чернышево. 29 марта противнику удалось ворваться на позицию 3-го батальона 1216-го стрелкового полка 364-й дивизии. Командир полка подполковник П. И. Ковалев бросил в контратаку свой последний резерв — взвод пехоты разведки под командованием лейтенанта А. А. Граховского. Решительной контратакой взвод отбросил противни-

¹ ЦАМО, ф. 3184, оп. 1, д. 5, л. 15.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 219, л. 41.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 162, л. 77.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 31, л. 84—85; д. 128, л. 605.

ка, захватив двух пленных. Граховский был ранен, но отказался идти в медсанбат: противник начинал новую атаку — шестую за день. Вражеская цепь была уже близко, когда вдруг замолчал станковый пулемет — основное огневое средство роты. Граховский бросился к нему и, замешив погнбший расчет, в упор стал расстреливать наседающих гитлеровцев. И эта атака была отбита. Граховский снова был ранен, но назревала новая атака врага, и он не ушел с переднего края. Когда гитлеровцы подошли на 50 м к траншее, бойцы по команде лейтенанта открыли залповый огонь. Оставляя убитых, противник откатился назад. Вражеская атака была отражена. Граховский был снова ранен, на этот раз смертельно...

Мастерски действовала батарея 766-го отдельного минометного дивизиона этой же дивизии под командованием старшего лейтенанта И. Ф. Малосельского. Умело управляя огнем батареи, он срывал попытки врага накапливаться для атаки и эффективно поддерживал контратаки своей пехоты¹. 28 марта старший лейтенант погиб.

Совинформбюро в вечернем сообщении 11 апреля рассказало еще об одном герое этих боев — старшем политруке В. Сирике. В течение дня он трижды водил роту в контратаку. В результате на поле боя осталось около 400 убитых гитлеровцев, 30 из которых В. Сирик уничтожил лично. Укрывшись в подбитом немецком танке, он в упор расстреливал врагов из автомата и забрасывал их гранатами².

Согласно директиве штаба фронта от 30 марта в целях удобства управления войсками из 1-й ударной армии в подчинение 11-й армии передавались 26-я и 180-я дивизии, 2-я гвардейская, 50, 62 и 84-я бригады с их участками³. Из состава армии уходили бригады, которые составляли ее первоначальную основу и сыграли важную роль в ходе боевых действий под Москвой.

Встретив организованное сопротивление группы Миссана (180-я дивизия, 2-я гвардейская, 50, 62 и 84-я бригады) и группы Захватаева, части группы Зейдлица нанесли удары в обход их флангов. 1 апреля в полосе 11-й армии части 5-й немецкой легкопехотной дивизии неожиданным ударом прорвались на шоссе Старая Русса — Рамушево в районе Борисово (Язвы). В бою за Борисово

шагнул в бессмертие рядовой 349-го полка 26-й дивизии М. В. Межов, своим телом закрывший амбразуру вражеского дзота. Он был посмертно награжден орденом Ленина и навечно зачислен в списки полка.

В полосе 1-й ударной армии части 8-й легкопехотной дивизии прорвали оборону на стыке между 364-й и 201-й дивизиями и вышли на рубеж Соколово, Воскресенское. Для локализации нового прорыва генерал В. И. Кузнецов выдвинул на рубеж Черпышево, Сущево, Соколово 129-ю стрелковую дивизию, сняв ее с неатакованного центра армии.

Прорыв противника на правом фланге армии уже со второго дня оборонительной операции поставил 201-ю латышскую дивизию, продолжавшую удерживать свои позиции на Полисти и Холынье, в тяжелое положение. Для прикрытия фланга и тыла командиру дивизии полковнику А. С. Фролову, замешившему раненого генерала Я. Я. Вейкина, пришлось ввести в бой все специальные подразделения — саперный батальон, роту химзащиты, разведроту, связистов. Задачи подвижного резерва выполняла комендантская рота. Эти подразделения в течение почти десяти суток ежедневно отражали по нескольку атак противника. Им удалось подбить несколько танков¹.

Особенно тяжело пришлось правофланговому 92-му стрелковому полку дивизии, который атаквали части 329-й немецкой пехотной дивизии. После гибели командира полка полковника Л. П. Кириллова командование принял на себя комиссар полка Я. Писис. Благодаря его умелым действиям противнику удалось лишь незначительно потеснить подразделения полка. В этих боях особенно отличился командир 2-й роты младший лейтенант Я. В. Вилхелмс. Будучи хорошим снайпером, он метко разил врага, доведя к концу марта счет, начатый под Москвой, до 116 гитлеровцев². По представлению Военного совета ему первому в 1-й ударной армии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 г. было присвоено звание Героя Советского Союза³. После вручения награды он был принят Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным. Отличным снайпером была

¹ См.: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 92.

² См.: Сообщения Советского информбюро, т. 2, с. 222.

³ ЦАМО, ф. 224, оп. 8758, д. 2, л. 148—151.

¹ См.: Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945. Рига, 1966, кн. 1, с. 212.

² См.: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 94.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 8, л. 309.

боец 191-го полка М. Мекшанс, член полкового бюро комсомола, награжденная орденом Красной Звезды. Под Москвой она работала сапоструктором, с прибытием дивизии под Старую Руссу одной из первых девушек-латышек стала снайпером.

Успеху оборонительных боев дивизии во многом способствовали артиллеристы, несмотря на нехватку боеприпасов, наносившие врагу чувствительный урон. За отличные действия командир одного из дивизионов майор К. А. Даудиныш во время посещения армии делегацией Монгольской Народной Республики был награжден монгольским орденом Боевого Красного Знамени. Умело действовали также командиры батарей 92-го стрелкового полка старший лейтенант П. Я. Зариньш и лейтенант А. В. Берзиньш, командир минометной батареи 191-го полка комсомолец лейтенант А. Смирнов. Им были свойственны храбрость и умение принимать целесообразные решения в самой сложной обстановке.

Вспоминая об этих боях, бывший начальник штаба дивизии полковник А. А. Киндис пишет: «По сути дела, пельзя сказать, что подразделения 92-го стрелкового полка «отошли под исключительно сильным давлением превосходящих сил противника». Это было бы исторической неправдой, так как с переднего края отошло всего несколько минометчиков, которые остались без мин... Пехотинцы не отходили, они оставались на своих позициях, погибая смертью героев»¹. Латышские стрелки с честью хранили и приумножали традиции стойких и мужественных бойцов Латышской дивизии, о которой в годы гражданской войны складывались легенды. Это о них писал Д. Бедный в своем известном стихотворении «Латышские красные бойцы»:

...Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, лиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах латыши...

Прорыв противника в район Соколово еще более осложнил положение дивизии. В этой обстановке 2 апреля командующий армией принял решение отвести 201-ю дивизию на одну линию с оборонявшейся правее 364-й дивизией, поскольку дальнейшая оборона по Холынье и Полисти теряла смысл и грозила ей окружением². Отвод

¹ Партархив ЦК КПЛ, ф. 301, оп. 1, д. 25, л. 31.

² Партархив ЦК КПЛ, ф. 301, оп. 1, д. 23, л. 7.

дивизии позволял также значительно сократить протяженность фронта обороны и уплотнить боевые порядки, а также иметь обеспеченные фланги. Отрыв от противника и отход (4—6 апреля) дивизия осуществила настолько умело, что противник обнаружил это только через два дня.

5 апреля группа Зейдлица нанесла очередной удар. Части 8-й легкопехотной дивизии, усиленные горнострелковым полком 7-й горнострелковой дивизии, попытались прорваться к Ловати по кратчайшему пути, вдоль дороги Онуфриево — Черенчицы (4 км южнее Рамушево). Умелое руководство генерала Н. Д. Захватаева боевыми действиями, стойкость и мужество частей его группы сорвали вражеский удар. В ожесточенном трехдневном лесном бою гитлеровские егеря потерпели сокрушительное поражение, и их остатки были отброшены за Редью. По свидетельству генерала Зейдлица, потери егерей достигали 2500 человек. Понесла тяжелую утрату и 1-я ударная армия. 5 апреля при отражении атаки противника был убит командир 62-й бригады полковник В. М. Рогов и смертельно ранен командир 2-й гвардейской бригады полковник Я. П. Безверхов.

Неудача прорыва к Ловати вынудила противника приостановить наступление на всем фронте. Этому же способствовали наступившая оттепель, пасмурная погода и туманы, исключившие применение авиации. В боевых действиях наступила 10-дневная пауза. Командования фронта и армии намеревались максимально использовать завоеванную передышку для приведения в порядок войск, укрепления обороны на занимаемом рубеже по реке Редья и пополнения материальных средств.

Для укрепления правого фланга армии на острие вражеского вклинения по указанию Ставки 13—16 апреля была переброшена 397-я стрелковая дивизия полковника К. Т. Ильина¹. По решению генерала В. И. Кузнецова с левого фланга туда же были рокированы 41-я и 47-я бригады. Однако пополнить личным составом и вооружением части первого эшелона и предоставить им хотя бы кратковременный отдых не представлялось возможным. По-прежнему оставалась слабой артиллерийская поддержка пехоты из-за нехватки боеприпасов, по-прежнему было мало танков (в 149-м батальоне осталось всего 5 машин), авиации, слабым было прикрытие боевых порядков войск

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 134, л. 820.

средствами ПВО (6 неполных батарей 25—37-мм орудий МЗА)¹.

Не смогли войска надежно укрепить занимаемые позиции и в инженерном отношении. Раньше, не имея возможности «зарыться в землю», бойцы сооружали в качестве укрытия снежные валы. Весной исчезла и эта возможность. К тому же на многих участках передний край обороны проходил по низким местам. Талая вода заливала стрелковые ячейки, окопы, блиндажи. Бойцы по многу часов находились в окопчиках с водой в насквозь промокших шинелях и валенках. Ночной морозец превращал шинели в панцири, а валенки в колодки, сковывающие тело и ноги. Эти «ледяные ванны» не проходили бесследно: появилось много заболевших, таял состав и без того ослабленных в боях подразделений. Медицинские роты бригад, медико-санитарные батальоны дивизий и армейские госпитали были переполнены бойцами с опухшими от охлаждения ногами и руками, с воспалением легких, гриппом и другими простудными заболеваниями.

Не менее серьезным было и то, что армия так и не смогла пополнить запасы материальных средств. Коммуникации армии с 26 марта оказались в зоне боевых действий, и нормальное движение по ним стало почти невозможным не только из-за ударов с воздуха, но и из-за корректируемого огня артиллерии.

Директивой фронта с 4 апреля армии вместо станции снабжения Любница, на железной дороге Бологое — Старая Русса, была назначена полая — Осташков, на железной дороге Бологое — Великие Луки². Частям и учреждениям армейского тыла пришлось перебазироваться на новое направление, оглядая с востока демянскую группировку, на что ушло не менее месяца. К тому же новый тыловой район армии был еще совершенно не оборудован для нормального функционирования органов тыла. Здесь, среди лесов, болот, рек и речушек, не было ни одной шоссейной или хотя бы улучшенной фронтальной и рюкандной дороги. Начавшееся в начале апреля быстрое таяние снега разрушило зимники, а разлившиеся реки и болота превратились в огромные озера. Весь район северозападнее Осташкова с низкими абсолютными высотами, мягкими торфянистыми почвами стал, по сути дела, недоступным для любого вида транспорта.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 132, л. 874.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6730, д. 2, л. 40.

По всему 152-километровому зимнику от Осташкова через Мареву до Громкова (20 км юго-западнее Залучья), где находились армейские склады, в глубоких колеях застряли сотни автомашин вместе с тракторами, которые пытались их вытянуть из непролазной грязи. Армия фактически оказалась без тыла. Соединения перестали получать боеприпасы, продовольствие, фураж. Вряд ли кто мог предположить, что бойцам и командирам армии, в задачу которой входило освобождение Ленинграда от блокады, самим придется испытать те же лишения. Военный совет армии обязал командиров и политработников разъяснить личному составу подразделений и частей причины временных трудностей со снабжением и проинформировать их о мерах, принимаемых командованием армии.

Все немногочисленные инженерные части армии — 2, 244, 381-й инженерные и 128-й мостостроительный батальоны — и местное население под руководством начальника инженерных войск полковника Я. Я. Леймана и начальника дорожного отделения майора С. Н. Стребева в предельно сжатые сроки прокладывали взамен раскисших зимников лежневки. Езда по таким дорогам, не говоря о перевозке раненых, даже у здоровых вытрясала, как говорится, всю душу. Скорость движения автомашин была немногим больше скорости пешехода.

Суточная норма расхода боеприпасов на апрель, установленная приказом по армии, составляла 5 патронов на винтовку, 50 патронов на пулемет, 5 снарядов на орудие полковой артиллерии. Как вспоминает начальник штаба 129-й дивизии, вся ее артиллерия могла расходовать только 18 снарядов в сутки, и то лишь в случае крайней необходимости. Из-за отсутствия горючего автомашины пришлось поставить на прикол и все перевозки осуществлять гужевым транспортом. В дивизии было введено три «клюквенных дня» в неделю¹.

Не выдерживали напряжения отоцавшие за зиму лошади. И тогда тяжесть доставки необходимых переднему краю материальных средств взяли на себя люди. Ежедневно от каждого батальона снималась одна из рот или создавалась сборная команда, а на огневых позициях батарей оставлялся один дежурный, он же и охранял орудия. Люди направлялись за 30—40 км на дивизионные склады. Вдоль дорог можно было видеть цепочки

¹ См.: Курсов П. И. От Москвы до Эльбы. Йошкар-Ола, 1975, с. 68.

солдат, которые, увязая в грязи, шли с тяжелой ношей. У одного на спине был вещмешок, набитый хлебом, сухарями или банками с консервами. Другой сделал себе вьюк, перевязав коробки с патронами или мины за хвостовики. Артиллеристов можно было отличить по ящикам со снарядами на спине.

Весьма показателен такой случай. Генерал Н. Д. Завхатаев наградил медалью «За боевые заслуги» бойца за то, что тот принес на себе суточный паек сухарей на взвод. Боец прошел со своим грузом 36 км, мокрый до нитки, четыре раза переходил вброд ручьи, каждый раз погружаясь до шеи в ледяную воду.

Люди слабели. Продовольственный паек с каждым днем сокращался. Хлеб в части доставлялся нерегулярно и выдавался по 300—200 и даже по 100 г на день¹. В 103-м полку связи нередки были случаи, когда девушки-связистки во время дежурства падали в голодный обморок. Нередко можно было видеть, как группы по 5—6 солдат копошатся на пепелищах деревень, разбирают кириичи, разгребают угли и золу, просеивая ее сквозь пальцы, — не попадет ли картофелина. Лица у всех серые, землистые, губы синеватые, глаза тусклые, безжизненные. Так описывает состояние бойцов сотрудник армейской газеты В. Ковалевский². В некоторых частях по решению командиров в котел пошпи ослабленные строевые лошади. 201-я латышская дивизия, установив связи с советскими органами в Партизанском крае, получала некоторую часть продовольствия отсюда. Иногда подразделения дивизии делали рейды в тыл противника специально для захвата продовольствия.

Невероятно трудные условия, в которых находилась армия, усугублялись известной неопределенностью оперативной обстановки. Почти непрерывные удары авиации и особенно огонь артиллерии по боевым порядкам соединений с запада и востока создавали видимость окружения. Гитлеровская пропаганда стремилась использовать создавшуюся обстановку для подрыва моральных и боевых сил воинов армии. Фашистские самолеты засыпали расположение войск армии тысячами листовок на русском, латышском, украинском языках, призывая пе-

¹ См.: Савченко В. И. Гвардейская Латышская. Рига, 1961, с. 66.

² См.: Ковалевский В. А. Тетради из полевой сумки, с. 71.

реходить на сторону вермахта и обещая добровольно сдавшимся «булку хлеба и бутылку водки».

Какие же падо было иметь духовные и физические силы солдатам и командирам, ослабевшим от холода и голода, болезней и многодневного нервного напряжения, находящимся, кажется, на грани того, что может выдержать человек, чтобы устоять на ногах, вести бой — отражать атаки врага или самому его коптратаковать, чтобы, напрягая последние силы, долбить мерзлую землю для сооружения огневой точки или укрытия! Какие пужны были усилия со стороны командиров подразделений и частей, офицеров штабов и политработников всех степеней, чтобы в этих тяжелейших условиях поддерживать боевой и моральный дух людей! Это был показательный и внушительный пример массового героизма и стойкости советских людей, их преданности Родине и делу партии. Ни до, ни после весны 1942 г. воинам армии не приходилось переносить более тяжелых испытаний.

20 апреля группа Зейдлица возобновила наступление, нанося главный удар по войскам 11-й армии в направлении Борисово, Рамушево. 24 апреля порешла в наступление с востока, также в направлении на Рамушево, и группа Эйке. Противник стремился преодолеть оставшиеся 15 км между старорусской и демьянской группировками. Теперь по войскам 11-й и 1-й ударной армий напосились фактически два удара: с фронта — частями группы Зейдлица, с тыла — группы Эйке. Ожесточенность боев достигла максимума, обе стороны несли большие потери.

Ставку Верховного Главнокомандования весьма беспокоило положение, складывающееся на Северо-Западном фронте. В связи с этим сюда прибыл представитель Ставки генерал-полковник А. М. Василевский и сразу же посетил войска 1-й ударной и 11-й армий, па месте решая вопросы использования сил и средств армий и фронта в целом. Военный совет армии обратился к генералу Василевскому с просьбой о выделении резервов, а также оказании помощи в подвозе материальных средств. По его указанию в состав армии вновь была передана из резерва фронта 180-я дивизия, а с 23 апреля включался также 1-й гвардейский стрелковый корпус (7-я гвардейская стрелковая дивизия, 14, 42, 154-я стрелковые бригады) со всеми средствами усиления и полосой обороны. Кроме того, из Калининского фронта в состав армии передавались 391-я стрелковая дивизия и 37-я и 45-я

стрелковые бригады¹. Правда, эта помощь оказалась относительной, поскольку передаваемые соединения были сильно ослаблены в предшествовавших боях. Для снабжения боеприпасами, продовольствием, горючим и фуражом из резерва Ставки привлекались части транспортной и бомбардировочной авиации. Однако в полосе армии не было не только аэродромов, но даже пригодных для посадки транспортных самолетов площадок. Несколько полянок, расчищенных от кустарника, с полуболотным грунтом, раскисли, и самолеты, приземляясь на них, уподоблялись мухам, садящимся на лист клейкой бумаги. Оказалась не подготовленной к переброске грузов и сама авиация. Из-за отсутствия грузовых парашютов первое время ящики с боеприпасами и мешки с консервами и сухарями сбрасывались с малых высот. При этом часто ящики разбивались, мешки рвались и их содержимое приходило в негодность. Боец 103-го полка связи А. К. Бобкова вспоминала впоследствии: «...несколько дней не было совершенно еды, и когда нам с самолета сбросили сухари прямо на поле, то мы ничего не могли собрать: все смешалось с землей. Но мы собирали крошки сухарей вместе с землей, делили по горсточке и ели». Только после расчистки в районе Поддоря площадки для полевого аэродрома положение несколько улучшилось. Самолеты, в том числе «дугласы» и четырехмоторные ТБ, стали прилетать большими группами, иногда до 60 машин за ночь. Они привозили боеприпасы, продовольствие, консервированную кровь и увозили раненых. И хотя в целом авиация доставила немного грузов, она помогла армии продержаться до конца мая, когда стало возможным использование для снабжения войск наземных коммуникаций.

После напряженных месячных боев 21—22 апреля передовые части группы Зейдлица, преодолев сопротивление войск 11-й армии, вышли к Ловати в районе Рамушево и форсировали ее, захватив два плацдарма. 25—27 апреля, потеснив 1-й гвардейский корпус, на восточный берег Ловати в район Новое Рамушево вышли части группы Эйке².

Прорыв противника на Рамушево, в результате которого войска 11-й армии были оттеснены к северу, и его стремление развить успех в южном направлении

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 163, л. 25, 28.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 202, л. 1.

В. И. Кузнецов

В. З. Романовский

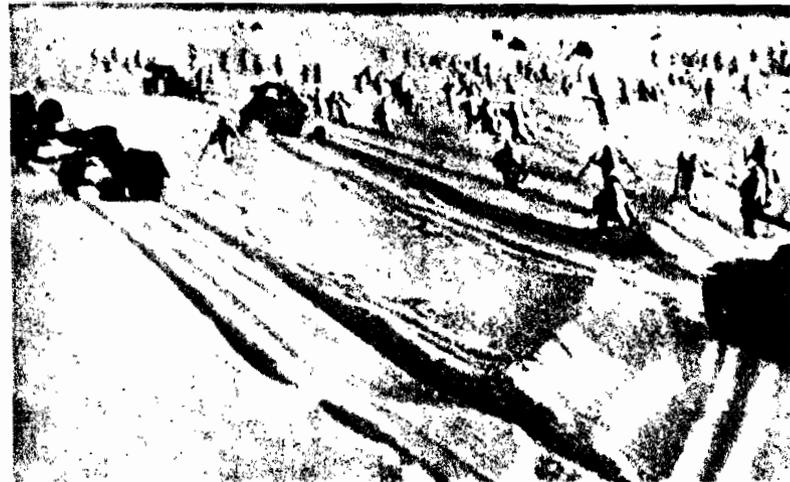
В. И. Морозов

Г. П. Коротков

Н. Е. Чибисов

Наступление войск 1-й ударной армии под Москвой

Н. Д. Захватаев

И. Я. Фурсин

Д. Е. Колесников

Части 1-й ударной армии проходят через освобожденный Клин

В. В. Корциц

Г. С. Лукьянченко

Вручение гвардейского Знамени 2-й гвардейской стрелковой бригаде

Л. Ф. Минюк

В. Н. Ничушкин

В. Н. Разуваев

А. К. Кондратьев

Посещение М. И. Калининым 1-й ударной армии

Монумент на Перемиловской высоте

А. П. Серегин

М. М. Вавилов

Группа офицеров полевого управления армии

Я. П. Безверхов

Бюст Б. А. Юсупова
работы В. И. Мухиной.
Третьяковская галерея

Н. В. Ковшова

М. С. Поливанова

Я. В. Вилхелмс

И. И. Козлов

Памятник на братской могиле,
где похоронены Н. Ковшова и
М. Поливанова

И. П. Аппетов

Командование 1186-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка

П. А. Анцеборенко (фото довоенное)

Н. И. Луговцев

Командование 137-й армейской пушечной артиллерийской бригады

П. Д. Селиванов

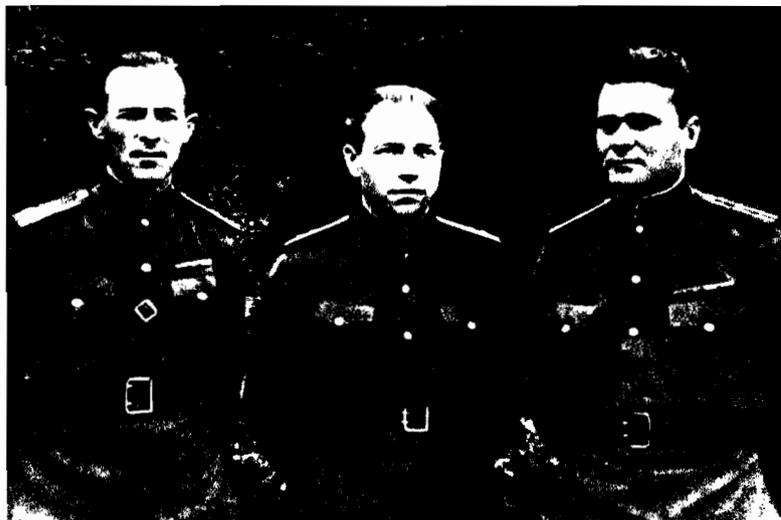

Н. М. Павлов (фото довоенное)

Минометный расчет сержанта В. Ромашина

Командование 103-го отдельного полка связи

В. А. Молев

Я. М. Кундер

С. А. Шалыгин

Н. Н. Щорс

ставили 1-ю ударную армию в крайне тяжелое положение. Ее правый фланг все более развертывался к северу и вытягивался на восток. Протяженность фронта с учетом полосы 1-го гвардейского корпуса достигла почти 170 км. Группа генерала Н. Д. Захватаева, отражая ожесточенные атаки противника на западном берегу Ловати в районах Рамушево и Коровитчино, буквально истекала кровью. Ее части дрались, что называется, до последнего. К концу апреля в 44-й бригаде осталось всего 52 человека, все бойцы тыла бригады использовались как стрелки. 41, 116 и 27-я бригады состояли всего из одного батальона каждая, численностью соответственно 50, 115 и 150 человек. В 47-й бригаде числились два батальона: в 1-м было 12, во 2-м — 32 человека¹. Боевые действия велись отдельными сводными отрядами с ограниченными задачами. Генерал В. И. Кузнецов вынужден был перебросить в этот район 397-ю дивизию и два полка 129-й дивизии.

21 апреля по указанию командующего фронтом была создана оперативная группа во главе с генерал-лейтенантом В. З. Романовским, в которую вошли 1-й гвардейский корпус, 391-я дивизия, 37-я и 45-я бригады, усиленные 589-м и 573-м легкими, 37-м гвардейским артиллерийскими полками и четырьмя дивизионами гвардейских минометов. Перед ней была поставлена задача совместно с 11-й армией встречным ударом разбить части группы Эйке и вновь замкнуть окружение демянской группировки². Однако все попытки выполнить эту задачу были безуспешными.

В первых числах мая полуторамесячная оборонительная операция армии завершилась. Несмотря на массовый героизм и самоотверженность солдат, сержантов и офицеров, противник потеснил правый фланг армии на 25—30 км, развернув его на северо-запад и север. Теперь он проходил по рубежу южнее Кобылкино на Ловати, Козлово на Редье, далее на Чернышево, Сущево, южнее Соколово до Взгляды на реке Полисть. Противнику удалось разобщить войска 11-й и 1-й ударной армий и деблокировать свою окруженную группировку. Образовался коридор длиной до 40 км и шириной до 16 км, впоследствии получивший название рамушевского.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 439; д. 132, л. 624; д. 163, л. 3; ф. 1937, оп. 1, д. 1, л. 4; ф. 1838, оп. 1, д. 9, л. 34.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 163, л. 20, 35.

Несмотря на неуспех оборонительной операции, она имела и определенное положительное значение для общей оперативно-стратегической обстановки на Северо-Западном фронте. Своими активными оборонительными действиями войска 1-й ударной и 11-й армий сковали до 10 дивизий противника. 25 км коридора группе Зейдлица пришлось пробивать целый месяц с темпом менее одного километра в сутки, неся при этом тяжелые потери. Об этом свидетельствовали показания пленных и трофейные документы. Так, в неотправленном письме один из гитлеровских вояк писал: «Лучше десять походов во Францию, чем один в Россию. Мы имеем большие потери. Русские атакуют нас непрерывно и дерутся до последнего»¹. Только войсками 1-й ударной армии за время оборонительной операции было уничтожено более 17 тыс. вражеских солдат и офицеров, 47 танков, 74 орудия, 74 миномета, 172 пулемета, 137 автомашин².

За мужество и отвагу, проявленные личным составом в февральско-апрельских боях, 2-я гвардейская бригада Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1942 г. была награждена орденом Красного Знамени³. Такой же награды удостоился (посмертно) и ее командир полковник Я. П. Безверхов. За образцовое выполнение боевых задач и проявленные личным составом мужество и отвагу в битве под Москвой и в мартовско-апрельских боях под Старой Руссой 201-я латышская стрелковая дивизия была в октябре 1942 г. преобразована в 43-ю гвардейскую латышскую стрелковую дивизию⁴. Удостоилась звания гвардейской и 180-я дивизия, ранее представленная к этому званию Военным советом Северо-Западного фронта. Приказом Народного комиссара обороны от 3 мая 1942 г. она стала 28-й гвардейской стрелковой дивизией⁵. Ее командир полковник И. И. Миссан получил звание генерал-майора и был награжден орденом Красного Знамени.

В докладе Верховному Главнокомандующему об итогах оборонительной операции Военный совет армии указывал, что противник добился успеха в первую очередь за счет массированного применения авиации, совершив-

шей за время операции свыше 15 тыс. самолето-пролетов, а также артиллерии. Большую роль при этом сыграли также трудности в обеспечении войск боеприпасами и продовольствием.

Глава 6

РАМУШЕВСКИЙ КОРИДОР

С образованием рамушевского коридора отпадала основная задача, поставленная войскам Северо-Западного фронта в январе, — наступление в направлении Старая Русса, Псков и в качестве главной выдвигалась другая — уничтожение демянской группировки врага. Ставка, основное внимание которой весной и летом 1942 г. было приковано к южному крылу советско-германского фронта, полагала, что Северо-Западный фронт, занимая выгодное охватывающее положение по отношению к демянской группировке, способен окружить и уничтожить ее наличными силами и средствами. Действительно, войска 1-й ударной армии, находившиеся на южной стороне рамушевского коридора, и 11-й армии, действовавшей на его северной стороне, образно говоря, держали 16-ю гитлеровскую армию за горло: недаром рамушевский коридор часто называли рамушевской горловиной. Линия фронта, по меткому выражению генерала П. А. Курочкина, напоминала кувшин, придавленный с боков, с горлышком — рамушевским коридором.

Гитлеровское командование, развернувшее летом 1942 г. наступление в направлении Сталинграда и Кавказа, стремилось жесткой обороной демянского плацдарма и рамушевского коридора частями 16-й армии сковать войска Северо-Западного фронта и не допустить переброски его соединений на юг. Более того, верное своей авантюристической стратегии, оно планировало на июль наступательную операцию с демянского плацдарма и из района Ржева, чтобы встречными ударами 16-й и 9-й армий окружить основные силы Калининского фронта и вновь создать угрозу Москве. На сентябрь — октябрь планировался решительный штурм Ленинграда войсками группы армий «Север», усиленной соединениями 11-й армии, переброшенными из Крыма.

Известная переоценка возможностей войск Северо-Западного фронта и недооценка сил противника прив-

¹ Цит. по: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 86.

² См. там же, с. 93.

³ ЦАМО, ф. 1766, оп. 1, д. 1, л. 15.

⁴ Партархив ЦК КПЛ, ф. 301, оп. 1, д. 133, л. 4.

⁵ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 164, л. 11.

Несмотря на неуспех оборонительной операции, она имела и определенное положительное значение для общей оперативно-стратегической обстановки на Северо-Западном фронте. Своими активными оборонительными действиями войска 1-й ударной и 11-й армий сковали до 10 дивизий противника. 25 км коридора группе Зейдлица пришлось пробивать целый месяц с темпом менее одного километра в сутки, неся при этом тяжелые потери. Об этом свидетельствовали показания пленных и трофейные документы. Так, в неотправленном письме один из гитлеровских вояк писал: «Лучше десять походов во Францию, чем один в Россию. Мы имеем большие потери. Русские атакуют нас непрерывно и дерутся до последнего»¹. Только войсками 1-й ударной армии за время оборонительной операции было уничтожено более 17 тыс. вражеских солдат и офицеров, 47 танков, 74 орудия, 74 миномета, 172 пулемета, 137 автомашин².

За мужество и отвагу, проявленные личным составом в февральско-апрельских боях, 2-я гвардейская бригада Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1942 г. была награждена орденом Красного Знамени³. Такой же награды удостоился (посмертно) и ее командир полковник Я. П. Безверхов. За образцовое выполнение боевых задач и проявленные личным составом мужество и отвагу в битве под Москвой и в мартовско-апрельских боях под Старой Руссой 201-я латышская стрелковая дивизия была в октябре 1942 г. преобразована в 43-ю гвардейскую латышскую стрелковую дивизию⁴. Удостоилась звания гвардейской и 180-я дивизия, ранее представленная к этому званию Военным советом Северо-Западного фронта. Приказом Народного комиссара обороны от 3 мая 1942 г. она стала 28-й гвардейской стрелковой дивизией⁵. Ее командир полковник И. И. Миссан получил звание генерал-майора и был награжден орденом Красного Знамени.

В докладе Верховному Главнокомандующему об итогах оборонительной операции Военный совет армии указывал, что противник добился успеха в первую очередь за счет массированного применения авиации, совершив-

шей за время операции свыше 15 тыс. самолето-пролетов, а также артиллерии. Большую роль при этом сыграли также трудности в обеспечении войск боеприпасами и продовольствием.

Глава 6

РАМУШЕВСКИЙ КОРИДОР

С образованием рамушевского коридора отпадала основная задача, поставленная войскам Северо-Западного фронта в январе, — наступление в направлении Старая Русса, Псков и в качестве главной выдвигалась другая — уничтожение демянской группировки врага. Ставка, основное внимание которой весной и летом 1942 г. было приковано к южному крылу советско-германского фронта, полагала, что Северо-Западный фронт, занимая выгодное охватывающее положение по отношению к демянской группировке, способен окружить и уничтожить ее наличными силами и средствами. Действительно, войска 1-й ударной армии, находившиеся на южной стороне рамушевского коридора, и 11-й армии, действовавшей на его северной стороне, образно говоря, держали 16-ю гитлеровскую армию за горло: недаром рамушевский коридор часто называли рамушевской горловиной. Линия фронта, по меткому выражению генерала П. А. Курочкина, напоминала кувшин, придавленный с боков, с горлышком — рамушевским коридором.

Гитлеровское командование, развернувшее летом 1942 г. наступление в направлении Сталинграда и Кавказа, стремилось жесткой обороной демянского плацдарма и рамушевского коридора частями 16-й армии сковать войска Северо-Западного фронта и не допустить переброски его соединений на юг. Более того, верное своей авантюристической стратегии, оно планировало на июль наступательную операцию с демянского плацдарма и из района Ржева, чтобы встречными ударами 16-й и 9-й армий окружить основные силы Калининского фронта и вновь создать угрозу Москве. На сентябрь — октябрь планировался решительный штурм Ленинграда войсками группы армий «Север», усиленной соединениями 11-й армии, переброшенными из Крыма.

Известная переоценка возможностей войск Северо-Западного фронта и недооценка сил противника прив-

¹ Цит. по: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 86.

² См. там же, с. 93.

³ ЦАМО, ф. 1766, оп. 1, д. 1, л. 15.

⁴ Партархив ЦК КПЛ, ф. 301, оп. 1, д. 133, л. 4.

⁵ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 164, л. 11.

ли к тому, что рамушевский коридор на целый год определил задачи и характер действий не только 1-й ударной армии, но и всего фронта. Именно здесь во второй половине 1942 г. и начале 1943 г. разгорелись наиболее ожесточенные бои.

С мая 1942 г. по март 1943 г. 1-я ударная и 11-я армии предприняли в целях уничтожения демянской группировки шесть частных наступательных операций. Поскольку цель всех операций была одна — закрытие рамушевского коридора с последующим уничтожением демянской группировки, то и замыслы их в принципе были одинаковы: нанесение встречных ударов с севера войсками 11-й и с юга 1-й ударной армий. Менялись, да и то незначительно, участки, на которых наносились удары, а также привлекаемые для наступления силы и средства. Схожесть замыслов, а также другие факторы, особенно погодные (на смену затяжной холодной весне пришло, по мнению старожил, самое дождливое за много лет лето), обусловили примерно одинаковый для всех операций ход боевых действий и их конечный результат. И хотя, по свидетельству начальника штаба 16-й немецкой армии, положение войск, оборонявших рамушевский коридор, неоднократно было «тяжелым до предела» и даже «критическим», гитлеровским войскам все же удалось избежать катастрофы. Как же развивались события?

Первая наступательная операция была предпринята практически сразу же после образования рамушевского коридора — с 6 по 25 мая. По замыслу командующего фронтом встречные удары наносили 11-я армия с севера из района Пола, Веретейка, Беглово (15—20 км северо-восточнее Рамушево) и 1-я ударная армия с юга из района Залучья¹. По решению генерала В. И. Кузнецова главный удар наносила группа генерала В. З. Романовского (7-я гвардейская и 391-я стрелковые дивизии, 14, 37, 42, 45-я стрелковые бригады, 37-й гвардейский, 589-й и 593-й легкие артиллерийские полки, 42-й полк и 16-й отдельный дивизион гвардейских минометов, роты 149-го танкового батальона 69-й танковой бригады) из района юго-восточнее и северо-западнее Залучья в общем направлении на Годилово, Большое Засово, Новые Горки (10—15 км северо-восточнее Залучья), а вспомогательный удар — группа генерала

Н. Д. Захватаева (28-я гвардейская, 397-я стрелковая дивизии, 15, 47 и 121-я стрелковые бригады, 264-й артиллерийский полк, два дивизиона гвардейских минометов, рота 149-го танкового батальона — шесть Т-34) на участке Рамушево, Большие Горбы. Правый фланг прикрывали части 154-й морской стрелковой бригады, левый — 1-я лыжная бригада и четыре отдельных лыжных батальона. В резерве армии находилась 41-я бригада¹.

Наступление готовилось в обстановке непрекращающихся атак противника, стремившегося расширить пробитый им коридор. К началу наступления соединения армии еще не успели получить пополнение. Личный состав частей был крайне утомлен многодневными оборонительными боями. Затянувшееся перебазирование армейского тыла не позволило создать необходимые запасы материальных средств.

В 6 часов 6 мая соединения группы Романовского после 30-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Преодолевая сильное огневое сопротивление и отражая контратаки частей группы Эйке, наступающие в первые два дня вклинились на отдельных участках в оборону противника на глубину 1—1,5 км. Группа Захватаева продвижения не имела. Кроме того, на ход и исход наступления в значительной мере повлияли массированные удары вражеской авиации. В журнале боевых действий армии отмечалось: «...ввиду отсутствия путей подвоза в армию боеприпасов, продовольствия, горючего и фуража армия вынуждена по всему фронту прекратить дальнейшее наступление и перейти к обороне»². Не добились успеха и войска 11-й армии.

Первая наступательная операция показала, что противник успел закрепить «стенки» коридора и организовать прочную оборону, а ударной мощи войск фронта явно недостаточно для ее преодоления. Борьба с демянской группировкой противника предстояла длительная и тяжелая. А для этого необходимо было укрепиться на занимаемых рубежах, перегруппировать войска, организовать прочную оборону и создать условия для нанесения новых ударов по врагу. Приказом Ставки ВГК от 22 мая генерала В. И. Кузнецова сменил генерал-лей-

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 77, л. 442—447.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 34—35, л. 66—68.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 164, л. 22.

тенант В. З. Романовский¹, командовавший до прибытия в армию Архангельским военным округом. Этим же приказом генерал Захватаев был освобожден от должности начальника штаба армии и назначен командиром 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Новым начальником штаба армии стал полковник И. Я. Фурсин, бывший до этого начальником оперативного отдела.

5 июня Военный совет фронта представил Верховному Главнокомандующему план перегруппировки сил и средств для ликвидации демянской группировки противника, согласно которому 1-я ударная армия, обороняясь в полосе от северного берега болота Большой Мох (20 км восточнее Залучья) до Лопари (25 км севернее Холма), отводила левый фланг на восточный берег Ловати. Это было вызвано тем, что в связи со стабилизацией линии фронта в районе рамушевского коридора становилось целесообразным удерживать район юго-западнее Старой Руссы. Сильно заболоченный и бездорожный, он весьма затруднял действия войск и обрекал их на пассивность. Отвод позволял сократить протяженность линии фронта со 170 до 122 км, вывести часть сил армии из первой линии в резерв для использования их на других, активных участках фронта, на 40 км сокращалось расстояние от армейских складов до войск. Согласно решению генерала Романовского на восточный берег Ловати отводились части 28-й гвардейской, 397, 364, 129 и 201-й дивизий, 15-й и 27-й бригад. На западном берегу в качестве прикрытия оставались 47, 121 и 44-я бригады.

Именно в это время и произошел бой, о котором несколько дней спустя армейская газета дала большую статью под заголовком «Военное искусство и воинская доблесть». 6 июня противник решил провести разведку боем в районе Астрилово (25 км юго-западнее Старой Руссы). Батальон гитлеровцев при поддержке артиллерии и авиации атаковал оборонявшую деревню роту 2-го батальона 44-й бригады. В завязавшемся бою беспримерную воинскую доблесть и мужество проявил старший сержант Ф. Ф. Чистяков. Заменяв выбывший из строя расчет станкового пулемета и умело меняя позиции, он, будучи дважды раненым, 6 часов поддерживал огнем свою роту, в которой к концу боя осталось всего шесть бойцов. На подступах к деревне враг оставил до 200 своих солдат, по ни одна его атака успеха не

¹ ЦАМО, ф. 301, от. 6782, д. 164, л. 32.

имела. Ф. Ф. Чистяков был награжден орденом Ленина, ему присвоено звание младшего лейтенанта, и он назначен командиром пулеметного взвода¹.

Войска с плацдарма отводились поэтапно в течение 7—12 июня. Отряды прикрытия, выделенные от каждого полка, почти двое суток удерживали занимаемые позиции и не дали противнику возможности начать преследование отходящих войск. Большинство воинов погибло, свято выполнив свой долг перед Родиной. Вот один пример. Отряд прикрытия, состоящий из комсомольцев-добровольцев 191-го полка 201-й латышской дивизии, под командованием командира пулеметной роты лейтенанта Жирнова двое суток удерживал позиции, ранее занимаемые полком. В живых остался лишь один раненый боец. Лейтенант Жирнов посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

После завершения отвода состав армии сократился с семи дивизий и двенадцати бригад до пяти дивизий и восьми бригад. В резерв фронта были выведены 28-я гвардейская и 201-я латышская дивизии, 154, 27 и 41-я бригады; 1-я лыжная бригада и четыре лыжных батальона расформированы².

Новая полоса обороны армии должна была состоять из главной полосы обороны с передним краем по восточному берегу Ловати³ и тылового оборонительного рубежа в 15—20 км восточнее ее. Перед главной полосой обороны планировалось создать предполье на рубеже рек Редья и Порусья. Но обстановка внесла свои коррективы в план генерала В. З. Романовского. Противник 27 июля выбил из Поддорья 3-й батальон 44-й бригады, вышел на шоссе Старая Русса — Холм и закрепился здесь. Поэтому вскоре предполье стало главной полосой обороны.

В течение месяца войска армии оборудовали оборонительные рубежи с учетом требований предстоящего наступления. По указанию командующего штабы соединений и частей разработали планы боевой и политической подготовки войск с учетом задач предстоящего наступления. В этих же целях Военный совет армии организовал слеты лучших стрелков, пулеметчиков, артиллеристов. Однако осуществление многих мероприятий по-прежнему крайне затруднялось неблагоприятной по-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 164, л. 88; д. 28, л. 272.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 164, л. 32.

³ Там же.

годой. Из-за частых и обильных дождей уровень грунтовых вод, а также воды в реках, озерах и болотах был необычно высоким. Это увеличивало объем оборонительных и дорожных работ. В связи с этим армия была дополнительно усилена тремя инженерными и одним понтонно-мостовым батальоном. Кроме того, им на помощь выделялись части второго эшелона и резервов. Солдаты с юмором пазывали армию не иначе как «1-я болотная», а свою дивизию или бригаду «№ непросыхаемая», «№ непромокаемая» или «№ дорожно-строительная».

Чтобы облегчить снабжение армии необходимыми материальными средствами, по указанию командующего фронтом 30-я железнодорожная бригада к 15 июля построила узкоколейную дорогу от Свапуци до Моисеево (50 км). От Осташкова, где находилась армейская полевая база, до Свапуци грузы доставлялись по озеру Селигер. К концу августа была построена и вторая очередь дороги от разъезда 122-го километра железной дороги Бологое — Великие Луки до станции Ямипец (70 км). Войны-железнодорожники работали в тяжелых условиях, по колено в болотной грязи, часто под ударами вражеской авиации. Но их тяжелый труд не был напрасным: с вводом в эксплуатацию узкоколеек значительно облегчилось положение армии.

В связи с предстоящими наступательными действиями по указанию Ставки ВГК с июня началось совершенствование организационно-штатной структуры войск. Оперативные группы генералов Ф. П. Озерова и А. С. Ксенофонтова были преобразованы соответственно в 27-ю и 53-ю армии. Авиация изымалась из подчинения армий и объединялась в 6-ю воздушную армию (командующий генерал-лейтенант авиации Д. Ф. Кондратюк). В связи с этим управление ВВС армий было реорганизовано в авиаотдел (начальник подполковник Н. И. Маковоз). В состав армии помимо введенного в апреле в ее штат 800-го отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона вошли 110-й армейский минометный полк (36 120-мм минометов), которым командовал подполковник А. И. Фомин, и 674-й армейский смешанный авиационный полк (2 эскадрильи — 10 истребителей ЛаГГ-3, 23 самолета У-2) под командованием подполковника В. Н. Сонина¹. В связи с реорганизацией от-

дельных дивизионов в гвардейские минометные полки РВГК из состава армии убывло управление 3-й армейской оперативной группы ГМЧ.

Проведенные в июне — июле 1942 г. мероприятия по повышению боеспособности войск позволяли в определенной степени надеяться на успех готовящегося наступления. Но и противник усиленно готовился к его отражению. В рамушевский коридор были введены переброшенные из-под Ленинграда 126-я и остальные части 81-й пехотных дивизий, из Демянского котла — дивизия СС «Мертвая голова». В наиболее заболоченные районы перед левым флангом армии помимо авиаегерских полков были выдвинуты в первую линию три батальона штрафников военно-воздушных сил. Все это позволило командованию 16-й армии значительно уплотнить боевые порядки войск и создать сильную оборону.

Вторая наступательная операция длилась с 17 по 24 июля. По замыслу командующего фронтом главный удар наносили с севера 11-я и 27-я армии в междуречье Ловати и Полы, вспомогательный с юга — 1-я ударная армия вдоль восточного берега Ловати с целью перерезать шоссе Старая Русса — Демянск восточнее Рамушево и вновь замкнуть кольцо вокруг демянской группировки¹.

По решению командующего армией удар наносили левофланговые части 1-го гвардейского стрелкового корпуса (391-я дивизия, 14-я и 37-я бригады, по одному стрелковому полку от 7-й гвардейской и 364-й дивизий), усиленного 37-м гвардейским, 589-м, 701-м артиллерийскими полками, 110-м минометным полком, 16-м и 33-м дивизионами гвардейских минометов и 103-м танковым батальоном, из района восточнее Новоселья в северном направлении с задачей овладеть дорогой Бяково — Омычкино. На остальном фронте войска армии вели активную оборону².

В 14 часов 17 июля после полуторачасовой артиллерийской подготовки и залпа РС части ударной группировки перешли в наступление. Преодолевая обширные минные поля, лесные завалы и сильное огневое сопротивление врага, наступающие в первые два дня вклинились в его оборону на узком участке на глубину 1,5—2 км. В последующем, отражая контратаки против-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 172494, д. 1, л. 1—3; оп. 6782, д. 17, с. 203.

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 84, л. 146—147.

² Там же, л. 268.

ника, поддержанные массированным огнем артиллерии и ударами авиации, они смогли продвигаться всего лишь на сотни, иногда даже на десятки метров в день¹. После недели боев наступление окончательно выдохлось, и командующий армией принял решение перейти к обороне.

Причины неудачи второй наступательной операции были в основном те же, что и первой. Для прорыва обороны противника требовалась значительно большая плотность артиллерии, нежели та, что была создана (62 орудия и миномета на 1 км участка прорыва), и большее количество боеприпасов. Однако операцию нельзя оценивать только по ее тактическим результатам. Она позволила сорвать запланированное наступление 16-й немецкой армии в направлении Осташково², нанести ее частям урон, а также вынудила гитлеровское командование привлечь к обеспечению оборонительных действий большое количество транспортной авиации в ущерб интересам главной группировки немецко-фашистских войск, наступавшей на сталинградском направлении и на Кавказе³. Сложившаяся там тяжелая для советских войск обстановка требовала от войск Северо-Западного фронта продолжать наступательные действия. Поэтому войска фронта сразу же после завершения второй наступательной операции приступили к подготовке новой. Уже 31 июля армия получила директиву Военного совета фронта на наступление с готовностью войск к 5 августа.

Третья операция (10—21 августа) по замыслу не отличалась от второй: 11-я армия, наносившая главный удар, и 1-я ударная — вспомогательный, должны были разорвать рамушевскую горловину на восточном берегу Ловати в самом узком месте, где ее ширина не превышала 3—4 км⁴.

К отражению нового наступления советских войск готовился и противник. Войска, оборонявшие рамушевский коридор, были объединены в корпусную группу генерала Кнобельсдорфа. Оборона еще более усиливалась в огневом и инженерном отношении. Вся территория рамушевского коридора была настолько насыщена войсками, огневыми средствами, минными полями, проволо-

ными заграждениями, лесными завалами, многочисленными траншеями, окопами, ходами сообщения, дорогами, специально построенными для обеспечения широкого маневра силами и средствами, что уже мало чем отличалась от полевого укрепленного района.

3 августа Военный совет армии в соответствии с полученной задачей представил командующему фронтом план частной операции по разгрому противника севернее реки Рось. В новой операции участвовали в основном те же силы, что и в предыдущей. Главный удар наносился с рубежа Сутоки, восточнее Новоселья в направлении Бяково. В первом эшелоне наступали 364-я, 391-я дивизии и 37-я стрелковая бригада, во втором — переданная из 53-й армии 130-я стрелковая (бывшая 3-я Московская Коммунистическая) дивизия полковника Н. П. Анисимова. Ближайшая задача — к исходу второго дня операции выйти на шоссе Старая Русса — Демьянск и наступать в восточном направлении на соединение с частями 11-й армии; дальнейшая — совместно с частями 11-й армии очистить от противника восточный берег Ловати. На остальном фронте армии прочно оборонять занимаемые рубежи¹.

И тут опять вмешалась погода. Обильные дожди, прошедшие в первую неделю августа, размыли дороги, и пастилы на них всплыли. В результате затонула перегруппировка войск, застряли артиллерия, автомашины, повозки. Утопая по колено в болотной жиже, люди пытались сдвинуть технику с места — и безрезультатно. Для артиллерии пришлось оборудовать огневые позиции там, где она застряла, автомашины и повозки разгрузить и переложить боеприпасы на спины пехотинцев. Снова в соединениях и частях были скудные запасы боеприпасов и продовольствия.

Наступление началось утром 10 августа. Невысокая плотность артиллерии и короткая (10 минут) артиллерийская подготовка не обеспечили надежного подавления обороны противника. Поэтому части 391-й и 364-й дивизий, 37-й бригады сразу же патолкнулись на стену вражеского огня. По указанию генерала П. А. Курочкина с утра 11 августа была введена в бой 130-я дивизия. В результате войска армии овладели рядом участков обороны 1-го полка дивизии СС «Мертвая голова». Стремясь не допустить развития наступления, эсэсовцы не-

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1354, д. 656, л. 172—173, 213—214.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1963, т. 2, с. 474.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 5, с. 236.

⁴ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 581, л. 2—5.

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 581, л. 33—36.

однократно переходили в контратаки. Только 14 августа войскам ударной группировки пришлось отразить 16 контратак силой рота — батальон с мелкими группами танков.

В этот день при отражении одной из контратак выдающийся подвиг совершили девушки-бойцы 528-го стрелкового полка 130-й дивизии Наталья Ковшова и Мария Поливанова. Они входили в снайперскую группу, выдвинутую командиром батальона на направление вражеской контратаки в районе деревни Сутоки. В ходе боя из строя выбыл командир группы. Командование группой приняла на себя Н. Ковшова. Контратака врага была отражена. Потерпев неудачу, враг сосредоточил по позиции снайперов пулеметный и минометный огонь. Из группы в живых остались всего несколько бойцов, да и те были ранены. Эсэсовцы предприняли новую контратаку и окружили истекавших кровью Ковшову и Поливанову. Подпустив врага вплотную, подруги бросили в них две гранаты, а последней подорвали себя, предпочитая смерть фашистскому плену. О подвиге девушек рассказал тяжелораненый боец А. Новиков, которого гитлеровцы сочли мертвым. Н. В. Ковшова и М. С. Поливанова Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 г. посмертно удостоены звания Героя Советского Союза¹. Они навечно занесены в список подразделения, в котором служили. На их могиле в деревне Коровитчино установлен обелиск.

Храбро сражались с врагом бойцы и другой московской дивизии — 129-й. Пулеметчик 438-го полка старший сержант Ф. И. Козин, будучи сам ранен, заменил в бою погибшего командира пулеметного взвода, умело организовал огонь и отразил контратаку врага. Перед позицией взвода остались десятки трупов эсэсовцев. За проявленный героизм Ф. И. Козин был награжден орденом Красного Знамени². Поэт М. Светлов написал «Балладу о старшем сержанте Козине».

Неутихающие, напряженные бои, часто переходившие в рукопашные схватки, продолжались день за днем. Каждый метр родной земли отвоевывался большой кровью. 19 августа осколками мины в обе ноги был ранен генерал Захватаев. Поскольку приходилось преодолевать сплошную полосу оборонительных сооружений и

заграждений, 15 августа по указанию генерала Романовского в наступающих подразделениях были созданы блокировочные группы (1—2 отделения саперов, отделение ампулометчиков, отделение автоматчиков), за которыми следовали стрелковые подразделения для закрепления захваченных объектов. Это была вынужденная тактика «прогрызания» обороны врага, при которой продвижение за день составляло не более 100 м.

И на этот раз армия не смогла выполнить поставленную задачу, несмотря на огромные усилия и жертвы личного состава. Не добилась успеха и 11-я армия. Совместными усилиями им удалось лишь на одном из участков сузить рамушевский коридор до 2,5—3 км. Войска армии получили возможность не только визуально наблюдать за движением противника по шоссе и полевой узкоколейной железной дороге, связывающими делянскую группировку с основными силами 16-й армии, но и обстреливать их артиллерийским и даже пулеметным огнем. Одним из важнейших результатов операции было содействие войскам Ленинградского и Волховского фронтов в срыве подготавливаемого группой армий «Север» штурма Ленинграда³.

В докладе Верховному Главнокомандующему об итогах операции командующий фронтом писал: «1-я ударная армия отбросила противника с южной опушки леса на северном берегу р. Росья и продвинулась на 500 м — 1 км к северу... Причины медленного продвижения наступающих частей: яростное сопротивление противника; сильно развитая система заграждений и оборонительных сооружений; отсутствие у многих частей опыта наступательных боев...»²

По итогам операции Военный совет армии представил 130-ю стрелковую дивизию за мужество и отвагу, проявленные ее личным составом, к присвоению звания гвардейской. Приказом Народного комиссара обороны от 8 декабря 1942 г. 130-я стрелковая дивизия была преобразована в 53-ю гвардейскую стрелковую дивизию³. 4 января 1943 г. ей было вручено гвардейское Знамя.

Наступательные операции, проведенные в мае — августе, не могли достичь поставленных целей, так как фронт не имел для этого достаточных сил и средств. Од-

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 140243, д. 21, л. 388; д. 38, л. 11.

² ЦАМО, ф. 310, оп. 6824, д. 3, л. 42.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 242.

² ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 87, л. 183—187.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 661, л. 58.

нако своими активными действиями фронт сковал войска 16-й армии и не дал возможности гитлеровскому командованию перебросить хотя бы часть ее соединений на другие участки советско-германского фронта. В этих условиях по указанию Ставки Военный совет фронта 10 сентября дал армии следующую директиву: к 14 сентября подготовить и провести новую наступательную операцию с прежней задачей, последовательно уничтожая узлы сопротивления противника, перерезать шоссе Старая Русса — Демянск в районе Бяково (3 км северо-восточнее деревни Сутоки) и соединиться с частями 11-й армии; на остальном фронте активной обороной сковать противника. Этой же директивой из состава армии выводились в резерв фронта 364-я дивизия и 14-я бригада. Военный совет издал приказ, в котором объявлялась благодарность командиру дивизии генерал-майору Ф. Я. Соловьеву, военному комиссару полковому комиссару А. С. Ходакову, всем бойцам, командирам и политработникам за умелые боевые действия и храбрость и выражалась уверенность, что дивизия и впредь будет так же отважно и мужественно бороться с врагом. Такой приказ был издан в армии впервые, и сибиряки заслужили его.

На новую операцию выделялось несколько больше боеприпасов для артиллерии по сравнению с предыдущими. За счет подчинения армии 714-го зенитного полка (три батареи МЗА и две зенитно-пулеметные роты) усиливалась противовоздушная оборона армии. Во исполнение директивы командующий армией принял решение прорвать оборону противника на том же участке и теми же силами, что и в предыдущей операции.

Утром 15 сентября после полуторачасовой артиллерийской подготовки полки 129-й и 130-й дивизий перешли в наступление. Но, как и прежде, они натолкнулись на стену мощного заградительного огня. Снова боевые действия вели блокирующие группы, которым к 12 часам удалось продвинуться всего на 150—200 м. Затем, укрывшись в воронках, они до конца дня вели с противником огневой бой. В последующие дни их продвижение составляло 100—50 м и даже 15 м¹. Естественно, что при таких методах наступления оно и не могло быть большим.

На подготовке и ходе наступления в первую очередь

сказалась усталость личного состава 129-й и 130-й дивизий от многодневных боев. Неудачи предыдущих наступательных операций, потери серьезно влияли на боевой и моральный дух бойцов и командиров.

Между тем обстановка в рамушевском коридоре осложнялась. Командование 16-й немецкой армии было весьма озабочено узостью коридора и постоянной угрозой его разрыва. В связи с этим были запланированы две частные наступательные операции в целях его расширения в северном и южном направлениях. Первая операция была проведена в июле 1942 г. Войска 11-й армии в тяжелых оборонительных боях отразили наступление противника и удержали занимаемые рубежи. И здесь едва ли не основную роль сыграла 43-я гвардейская латышская дивизия, вошедшая после отдыха и доукомплектования в состав армии. Латыши вновь, как и в мартовских боях, показали высокие образцы стойкости и мужества.

Вслед за первой противник начал готовить вторую операцию, с тем чтобы, отбросив на 8—10 км ударную группировку 1-й ударной армии и нанеся ей поражение, окончательно деблокировать свои войска. Планировалось нанести два концентрических удара: главный — с востока, с рубежа Дубки, Великое Село (3—10 км севернее Залучья), в западном направлении силами корпусной группы генерала Кнобельсдорфа и вспомогательный — с запада, из района Борок, в восточном направлении силами до полка из группы генерала Майндля. На 7-километровом участке фронта, избранном противником для нанесения главного удара, соотношение сил составляло: по пехоте — 1:1,1, по артиллерии — 1:2, по танкам — 1:5,7 в его пользу¹. Действия наземных войск поддерживала 3-я бомбардировочная авиаэскадра «Гинденбург» из состава 1-го воздушного флота, насчитывавшая 140 самолетов, в то время как 6-я воздушная армия могла противопоставить им всего 35 истребителей.

Командование 1-й ударной армии недооценило сообщения разведки о подготовке противником удара и своевременно не приняло надлежащих мер к его отражению². В силу этого ее оборона оказалась менее прочной и устойчивой, нежели у 11-й армии.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 363; д. 141, л. 174.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 158, л. 116; д. 165, л. 63.

Утром 27 сентября гитлеровцы нанесли первый бомбовый удар по обороне сильно ослабленной в предшествовавших боях 7-й гвардейской дивизии генерал-майора И. В. Бедина и огневым позициям артиллерии. Затем после 50-минутной артподготовки части группы Кнобельсдорфа перешли в атаку. Первый удар пришелся по 26-му гвардейскому стрелковому полку 7-й гвардейской дивизии, имевшему всего 344 активных штыка на 6-километровом участке обороны. Несмотря на малочисленность, гвардейцы бесстрашно встретили атаку врага, стойко удерживали занимаемые позиции. Бой был упорным, нередко доходившим до рукопашных схваток. Однако силы были неравные. К 12 часам 5-й легкопехотной дивизии удалось овладеть основным опорным пунктом 26-го полка — Великим Селом, гарнизон которого почти полностью погиб.

По указанию генерала Романовского к участку прорыва были брошены армейские резервы — два полка 397-й дивизии и 641-й истребительно-противотанковый полк с задачей во взаимодействии с частями 7-й гвардейской дивизии остановить продвижение врага. Прибывший в 14 часов на командный пункт армии начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. Н. Шарохин утвердил решение генерала Романовского. От имени командующего фронтом он потребовал во что бы то ни стало остановить дальнейшее продвижение противника, ударами с севера и юга разгромить его прорвавшуюся группировку и восстановить утраченное положение. По его указанию к участку прорыва из резерва фронта срочно перебрасывалась 86-я стрелковая бригада полковника Н. М. Ласкина, из 53-й армии — 709-й полк ПВО подполковника В. И. Кульчицкого; вся авиация фронта переключалась на поддержку войск армии, принимались меры к подвозу боеприпасов, средств заграждения, а также для постройки мостов через Ловать для частей 391-й и 130-й дивизий.

Во исполнение приказа командующего фронтом генерал Романовский решил прекратить наступление ударной группировки, отвести 129-ю и 130-ю дивизии на южный берег реки Рось и, оставив здесь прикрытие, их главными силами вместе с 397-й дивизией контратаковать прорвавшегося противника с флангов и восстановить утраченное положение¹.

Однако организовать контрудар в сложившейся обстановке не удалось. Продолжая развивать наступление, противник к концу дня 28 сентября вклинился в нашу оборону на глубину до 3 км, а к исходу следующих суток продвинулся еще на 4 км. Выйдя в район Кулаково, он создал угрозу последней коммуникации, связывающей части ударной группировки с тылом¹. В ходе боя был тяжело ранен командир 129-й дивизии генерал В. А. Смирнов, командование дивизией принял полковник И. В. Панчук. Вклинение противника нарушило связь и взаимодействие, привело к частичной потере управления войсками командующим и штабом армии, перемещению частей и отходу на ряде участков². В силу этого контратаки 129, 130, 397 и 391-й дивизий 29 — 30 сентября и 1 октября были разновременными, без должной поддержки авиации и артиллерии, а также зенитного прикрытия и успеха не имели. Немалую роль в этом сыграла авиация противника, непрерывно бомбившая и обстреливавшая наши части группами по 6—18 самолетов.

В целях подрыва боевого духа и создания паники гитлеровские самолеты разбрасывали над боевыми порядками 130, 129 и 391-й дивизий листовки, в которых они, обращаясь к бойцам и командирам, писали, что те окружены, и предлагали сдаваться в плен. Это был не первый случай, когда гитлеровская пропаганда распространяла ложные данные для подрыва боеспособности войск армии. И хотя обстановка для этих дивизий действительно сложилась тяжелой, вражеская диверсия не достигла цели. Более того, в этот момент особенно рельефно были видны смелые и самоотверженные действия отдельных частей и подразделений, руководимых умелыми и мужественными командирами и комиссарами, а также героизм и самопожертвование командиров и бойцов.

Пример стойкости показали воины 664-го стрелкового полка 130-й дивизии под командованием подполковника Н. Г. Ефанова, прикрывавшие на реке Рось главные силы дивизии. 28—30 сентября, несмотря на большие потери, они прочно удерживали свои позиции, отражая многочисленные атаки врага. Однако 1 октября гитлеровцам удалось прорваться на флангах. Полк за-

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 28, л. 147—167.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 406.

² ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 92, л. 7—9.

нял круговую оборону. Связь с дивизией отсутствовала. В этой сложной обстановке командир принял решение на прорыв. В ночь на 2 октября полк пробился к Ловати, переправился на ее западный берег, сохранив оружие, и вынес раненых¹.

Воины 518-го стрелкового полка 129-й дивизии под командованием майора Я. И. Романенко, брошенные навстречу прорвавшемуся противнику с задачей не допустить его продвижения вдоль шоссе Залучье — Рамушево, 28—30 сентября отразили 9 вражеских атак, уничтожив до 1300 гитлеровцев, 9 танков, 3 бронемашин, 3 орудия. Когда врагу все же удалось обойти позиции полка с флангов, воины внезапной атакой в ночь на 2 октября вышли из окружения².

Большую помощь пехоте в этих боях оказала истребительно-противотанковая батарея капитана Г. П. Сологуба. Стойко удерживая свои позиции, артиллеристы в упор расстреливали врага. Капитан Г. П. Сологуб и командир орудия сержант Ф. Н. Соловьев одними из первых были награждены орденом Отечественной войны I степени.

В ходе боя командир полковой артиллерийской батареи старший лейтенант А. С. Алексеев лично подбил два вражеских танка. Близким разрывом снаряда он был контужен, потерял сознание и очнулся только в медпункте. Несмотря на слабость и головокружение, он вернулся на огневую позицию, снова встал к орудию и вел огонь до тех пор, пока вражеская атака не была отбита. За проявленное мужество А. С. Алексеев был удостоен ордена Красного Знамени³.

Самоотверженно сражались воины 397-й дивизии. 1 октября во время одной из контратак западнее Великого Села, когда гитлеровцы ворвались в траншею 448-го стрелкового полка, комиссар полка старший батальонный комиссар И. И. Куликов с призывом «За Родину! За партию! Ура-а!» первым устремился на врага. В завязавшемся штыковом бою он был убит. По инициативе его однополчан были собраны средства на постройку танка «Иван Куликов». Память об отважном комиссаре живет и на его родине: в городе Калязине есть улица Ивана Куликова⁴.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 332.

² Там же, л. 159.

³ ЦАМО, ф. 518 сп, оп. 226081, д. 1, л. 13.

⁴ См.: Известия, 1975, 18 февр.

3-й батальон 447-го полка этой же дивизии под командованием капитана Агафилова упорной обороной и смелыми контратаками срывал все попытки врага развить успех в южном направлении. В этих боях воины уничтожили восемь вражеских танков. 30 сентября при отражении очередной атаки отважный комбат погиб¹. Погибли у орудий, не отойдя с занимаемых огневых позиций, многие из артиллеристов 1015-го полка этой же дивизии. Их интенсивный огонь долгое время задерживал продвижение врага. Когда же гитлеровцы прорвались к огневым позициям, бойцы взводов управления и часть орудийных расчетов неоднократно переходили в контратаки. Около орудий происходили ожесточенные рукопашные схватки.

Самоотверженно и умело сражались танкисты 103-го танкового батальона майора Д. С. Наруцкого (в начале боя он имел двенадцать Т-34). Действуя повзводно и одиочными машинами из засад, зачастую без поддержки пехоты, танкисты наносили врагу ощутимый урон. Вот только два примера. 29 сентября танковый взвод под командованием лейтенанта Левашова, прикрывая отход частей 130-й дивизии, уничтожил в районе Кулаково два танка, три противотанковых орудия и минометную батарею врага². 1 октября машина младшего лейтенанта Д. Г. Паршикова была атакована пятью вражескими танками. Экипаж Паршикова подбил из засады два танка, а когда остальные повернули назад, вывел свой танк из укрытия и огнем и гусеницами уничтожил два орудия и до 150 гитлеровцев³. В этих боях отличились также командиры взводов старший лейтенант Филонин, лейтенант А. П. Петров и механик-водитель сержант Н. А. Плеханов, впоследствии удостоенный звания Героя Советского Союза. Всего в боях с 27 сентября по 5 октября 103-й танковый батальон уничтожил 10 танков и 17 орудий врага.

Стойко и мужественно сражались с врагом артиллеристы. Особенно тяжело пришлось 37-му гвардейскому артиллерийскому полку. Занимая огневые позиции в районе западнее Великого Села, он сразу же оказался на острие атак главной группировки врага. При отражении одной из них героически погиб командир полка подпол-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 309.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 165, л. 69.

³ Там же, л. 73.

ковник И. В. Руденко. Но гвардейцы не дрогнули. 27 сентября расчет старшего сержанта Юдина подбил три вражеских танка и, ведя бой до последнего снаряда, погиб¹. Командиры батарей старшие лейтенанты Гречухин и Попов, младший лейтенант Андреев, будучи окруженными врагом, вызвали огонь на себя. Точно так же поступили лейтенант Андроничев из 130-й дивизии, капитан А. И. Акиншин из 701-го армейского пушечного полка².

Окружение войск армии, о котором громогласно объявили гитлеровцы, не удалось.

В сложившейся обстановке продолжать бой в междуречье Ловати и Сутокской Средней Ровьи было нецелесообразно. Поэтому генерал Романовский принял решение на отвод войск. К утру 3 октября 130-я и 391-я дивизии переправились на западный берег Ловати и вышли на соединение с главными силами армии. Преследуя отходящие дивизии, гитлеровцы форсировали Ловать и овладели на ее западном берегу деревней Черенчицы. В этой обстановке командарм вынужден был принять решение на отвод на новый рубеж обороны в ночь на 4 октября также 47-й и 121-й бригады³.

4 октября войска армии получили приказ о переходе к обороне на рубеже высота с отметкой 43,4 (1,5 км северо-западнее Великого Села), урочище Андриюши Угол, Маклаково, Липно, лес 3 км юго-восточнее Жуково, восточнее Иван Березка⁴. Отдельные бои с противником, пытавшимся отеснить войска еще дальше на юг, продолжались до 9 октября. Однако армии удалось в основном сохранить занимаемый рубеж.

В результате проведенной операции немецкому командованию удалось расширить рамушевский коридор до 12—14 км. Однако этот успех достался противнику дорогой ценой: он потерял убитыми и ранеными 6800 человек, а также много вооружения и боевой техники (51 танк, 3 бронемашин, 58 пулеметов, 6 орудий, 6 минометов, 12 автомашин)⁵. В дивизии СС «Мертвая голова» насчитывалось всего 170 активных штыков, и она была отравлена во Францию на переформирование. А ведь эта дивизия, сформированная в 1939 г. в Мюнхене из

добровольцев СС, насчитывала в начале войны 20 тыс. человек и до лета 1942 г. получила свыше 10 тыс. человек пополнения. Большие потери были и в других дивизиях, действовавших в рамушевском коридоре.

Военный совет армии наградил орденами и медалями большую группу воинов, отличившихся в сентябрьских боях. Интересно отметить, что из 15 награжденных учрежденным незадолго до этого орденом Отечественной войны 12 были из 129-й дивизии. В 397-й дивизии орденами и медалями было награждено около 400 бойцов, командиров и политработников. 1 декабря командующий армией за героизм и мужество, проявленные в боях под Москвой, вручил 518-му полку — единственному из частей армии, участвовавшему в параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади, орден Красного Знамени.

К 25-й годовщине Великой Октябрьской революции по решению Военного совета лучшие воины армии были занесены на Доску почета. В их числе: младшие лейтенанты снайпер Н. М. Вознов — один из инициаторов снайперского движения в армии, уничтоживший 126 гитлеровцев, пулеметчик Ф. И. Козин, минометчик И. Квашнин, разведчик П. А. Некрасов, захвативший 8 «языков», танкист лейтенант А. П. Петров, уничтоживший 9 танков, 2 орудия, 2 пулемета, зенитчики старшие сержанты Н. Привалов, сбивший со своим расчетом 10 самолетов, и М. Гром, сбивший 6 самолетов, сапер сержант Н. Устинов, расставивший сотни мин в тылу врага, красноармейцы наводчик орудия И. Морозов, уничтоживший 7 танков, пехотинец Б. Сегимбаев, забросавший дзот гранатами и уничтоживший 2 пулемета, снайпер Г. Копшибаев, огнем и в рукопашных схватках уничтоживший 64 гитлеровца, пехотинец Э. Трубчу, один из лучших агитаторов армии, уничтоживший 31 гитлеровца, хирург военврач 2 ранга П. П. Орешкин¹.

После сентябрьских боев наступило некоторое затишье, которое командования фронта и армии использовали для необходимых организационных мероприятий. Как известно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. в Красной Армии упразднены институт военных комиссаров и устанавливалось полное единоначалие. Во исполнение этого Указа был издан приказ Народного комиссара обороны, в котором определялись практические задачи, стоящие перед политоргана-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 219, л. 44.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 587; оп. 6792, д. 216, л. 231.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 156, 455.

⁴ ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 9, л. 27—28.

⁵ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 28, л. 352.

¹ См.: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 108—109.

ми Советских Вооруженных Сил. К выполнению задач, в части их касающихся, приступили и в 1-й ударной армии.

2 октября из состава армии было выведено управление 1-го гвардейского стрелкового корпуса с корпусными частями. Ранее подчиненные ему 7-я гвардейская и 397-я стрелковые дивизии, 45-я стрелковая бригада и 37-й гвардейский артиллерийский полк перешли в непосредственное подчинение командующего армией. В соответствии с приказом фронта от 18 декабря на армию было возложено формирование управления и корпусных частей 14-го гвардейского стрелкового корпуса¹. 12 января 1943 г. оно было закончено. В состав корпуса вошли все гвардейские части армии — 7, 23 и 53-я гвардейские дивизии, 37-й гвардейский артиллерийский полк. Командиром корпуса был назначен генерал-майор П. А. Степаненко, до этого командовавший 250-й стрелковой дивизией. В октябре в состав армии были введены в качестве армейских 709-й артиллерийский полк ПВО подполковника В. Д. Кульчицкого и 143-й запасный стрелковый полк подполковника М. В. Бабалова². 641-й легкий артиллерийский полк, действовавший и как зенитный, и как противотанковый, передал свои 85-мм зенитные пушки в зенитные полки, а сам получил 76-мм противотанковые пушки ЗИС-3. В декабре были сформированы 30-я отдельная армейская рота ВНОС (командир капитан Г. В. Лучинец) и отдельная рота ратцевых огнеметов. Продолжалось совершенствование вооружения стрелковых частей. В соответствии с приказом командующего фронтом от 11 октября каждая стрелковая рота получала взвод 50-мм минометов (3 миномета, 11 человек), стрелковый батальон — роту 82-мм минометов (9 минометов, 61 человек) и взвод 45-мм пушек (2 пушки, 17 человек), стрелковый полк — батарею 120-мм минометов (6 минометов, 56 человек)³.

Были произведены некоторые организационные изменения и в структуре полевого управления армии.

В ноябре 1942 г. в командование Северо-Западным фронтом вступил Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, перед которым Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу в кратчайший срок разгромить демянскую группировку противника.

Командующим 1-й ударной армией был назначен генерал-лейтенант В. И. Морозов, до этого командовавший 11-й армией.

Основной замысел новой наступательной операции в принципе оставался прежним: «Ударом войск левого фланга 11 А в южном и юго-восточном направлении и войск правого фланга 1 УА в северо-восточном и северном направлении полностью окружить демянскую группировку и тем самым создать благоприятные условия для ее окончательного разгрома»¹. Но в отличие от ранее проведенных операций, учитывая замечания Ставки о шаблонности действий войск фронта, командующий избрал новое направление наступления — у восточного входа в рамушевский коридор. Согласно директиве армия должна была, продолжая основными силами прочно удерживать занимаемые позиции в центре и на левом фланге в полосе около 100 м, частью сил «внезапными действиями штурмовых батальонов на широком фронте уничтожить гарнизоны противника в коридоре между реками Корповка, Пола, Старовская Ровья; прикрываясь с востока и организовывая оборону по реке Апутка фронтом на запад, выйти на реку Пола на участке Цемена, Лозницы, где перейти к прочной обороне»². Для координации действий войск фронта в операции в 1-ю ударную армию прибыл представитель Ставки генерал-майор Г. И. Кулик.

Армия со 2 ноября была усилена 23-й гвардейской дивизией под командованием полковника С. Н. Александрова. Она прибыла с Карельского фронта, имела большой опыт ведения лесных боев³ и была хорошо укомплектована (9651 человек). Кроме того, в состав армии поступил 167-й танковый полк (командир подполковник П. П. Сухондяевский), имевший на вооружении 24 танка Т-34⁴.

Со своей стороны командование немецкой группы армий «Север» усилило группировку, оборонявшую рамушевский коридор, 58-й и 225-й пехотными дивизиями, переброшенными из 18-й армии. Непосредственно на участке предстоящего наступления оборонялись боевые группы из состава 123, 126, 225 и 290-й пехотных дивизи-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6790, д. 143, л. 152—154.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 7, л. 243.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6790, д. 143, л. 134.

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 93, л. 4—13.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 36, 42, 43, л. 4—5.

³ ЦАМО, ф. 1097, оп. 1, д. 2, л. 34.

⁴ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 332, л. 3.

зий общей численностью до трех полков, усиленные 15—20 танками и 4—5 дивизионами артиллерии.

Генерал Морозов решил нанести удар 23-й гвардейской и 129-й дивизиями и 86-й бригадой при поддержке большей части армейской артиллерии, 70-го гвардейского минометного и 167-го танкового полков. Оборону противника предполагалось прорвать на участке Речки, Сараи (3 км западнее Цемены). На остальном фронте продолжать активную оборону¹. Постановку боевых задач и организацию взаимодействия командующий провел на картах, без выезда на местность, что впоследствии привело к неувязкам во взаимодействии между пехотой, танками и артиллерией. Резкая и продолжительная оттепель в середине ноября вконец испортила подготовленные зимники, и снова вдоль дорог, ведущих к исходному району для наступления, застряли сотни автомашин с боеприпасами, тягачи с орудиями и даже танки. Материальная обеспеченность армии к началу операции опять была невысокой и составляла: артвыстрелов — 1—2, мин — 2, винтовочных патронов — 0,9 боекомплекта; продовольствия — 2—4, фуража — 1,9 сутодачи. Армия запаздывала с сосредоточением.

Несмотря на это, командующий фронтом все же решил начать операцию. 23—24 ноября 86-я бригада вошла в боевое соприкосновение с противником. В ночь на 27 ноября, пройдя через ее боевые порядки, вышли в исходное положение для наступления 129-я и 23-я гвардейская дивизии. 674-й авиационный полк в ночь на 28 ноября сделал 36 самолето-вылетов, сбросив на позиции противника 111 бомб разного калибра.

28 ноября в 11 часов 15 минут после 45-минутной артиллерийской подготовки полки первого эшелона 129-й и 23-й гвардейской дивизий, усиленные 167-м танковым полком, 410-м и 103-м танковыми батальонами, перешли в наступление. В течение дня они сбили боевое охранение противника, преодолели лесные завалы и минные поля и, продвинувшись на 2—2,5 км, к 20 часам вышли к его переднему краю². Здесь они натолкнулись на плотный заградительный огонь (4—5 дивизионов артиллерии и минометов с расходом свыше 4,5 тыс. снарядов и мин). С большим трудом им удалось захватить отдельные участки первой траншеи, по переднему краю в контр-

атаку гитлеровцы отбросили их в исходное положение. Следует отметить, что наступающие части несли большие потери и от губительного огня пулеметов и многочисленных «кукушек» противника. Особенно трудно приходилось саперам. Две роты 381-го армейского инженерного батальона капитана Н. А. Стасюка, рота 2-го армейского инженерного батальона под командованием старшего лейтенанта Тырановца и дивизионные саперы обезвреживали минные поля противника, действовали в составе блокировочных групп, прокладывали дороги и колодные пути, возводили мосты через ручьи и реки. Старший лейтенант Тырановец, проделавший основную работу по разведке реки Корповка и определению мест плавания переправ, был награжден посмертно орденом Красного Знамени.

При блокировании трехамбразурного дзота противника отличился красноармеец 2-го армейского инженерного батальона И. И. Замыслов. Он скрытно подполз к нему, заложил заряд и взорвал огневую точку врага вместе с ее гарнизоном, за что был награжден орденом Красного Знамени. 23 декабря командир отделения этого же батальона старший сержант А. И. Дунаев участвовал в постройке моста через реку Корповка. Находясь в 100 м от противника, он показывал пример отваги и хладнокровия. После ранения командира взвода принял командование на себя и обеспечил продолжение работ и переправу танков. Он был награжден орденом Красной Звезды¹. Всего по окончании операции было представлено к наградам 146 саперов.

Писатель В. Соловьев, бывший корреспондентом фронтовой газеты «За Родину», посвятил саперам 2-го и 381-го армейских инженерных батальонов большую поэму «Переправа».

Командующий фронтом 11 декабря приказал приостановить наступление, чтобы привести в порядок соединения армии, нарастить силы и средства и наиболее эффективно организовать взаимодействие. Командование и партийно-политический аппарат армии приняли все меры к тому, чтобы переломить ход операции в свою пользу, опираясь в первую очередь на коммунистов и комсомольцев, которые составляли более четверти личного состава армии. В ее соединениях насчитывалось около 500 первичных партийных организаций. Это была огромная

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 36, 42, л. 51.

² ЦАМО, ф. 1097, оп. 1, д. 1, л. 32.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6830, д. 66, л. 272, 275.

сила. Политработники проводили общие и индивидуальные беседы с бойцами, на партийных собраниях с повесткой дня «Об итогах проведенных боев и задачах коммунистов» с докладами выступали командиры или замполиты подразделений, части.

Командующий армией усилил ударную группировку 177-й танковой бригадой подполковника М. Я. Головачевского, 1-й гвардейской минометной дивизией полковника В. И. Гражданкина, переданными из резерва фронта 397-й дивизией полковника Б. А. Кеневича и из резерва армии 43-й отдельной лыжной бригадой подполковника Т. П. Горобца. Для обеспечения маневра войск ударной группировки, а также подвоза материальных средств армии придавалась 55-я инженерно-саперная бригада полковника Я. И. Арцышевского¹.

23 декабря наступление возобновилось. Однако противник встретил атаку войск столь мощным заградительным огнем артиллерии и минометов, что и эта и последующие атаки успеха не имели. Упреждая их атаку, утром 27 декабря противник провел сильную артиллерийскую контрподготовку силами 9—10 дивизионов с расходом свыше 14 тыс. снарядов и мин. Армейская артиллерия оказалась не в состоянии вести надлежащую контрбатареиную борьбу. В результате ударная группировка армии понесла существенные потери, была нарушена связь, управление, разбиты переправы через реку Корповка.

В итоге второго этапа операции части 129-й и 397-й дивизий 177-й танковой бригады на узком участке вклинились в оборону противника на глубину до 2—3 км. 3—6 января ночными контратаками по флангам вклинившейся в его оборону группировки противнику удалось часть ее отсечь. В первой половине января усилия армии были направлены на то, чтобы деблокировать окруженных в рощах 1,5 км юго-западнее Цемены 2-й батальон 518-го полка 129-й дивизии с приданным батальоном 43-й лыжной бригады, 447-й и 448-й полки 397-й дивизии и часть 177-й танковой бригады². 18 суток окруженная группировка, которую возглавил командир 448-го полка подполковник П. Г. Саенко, испытывая острую нехватку боеприпасов и продовольствия, вела самоотверженную борьбу. Одним из героев этой эпопеи стал за-

меститель командира батальона 447-го стрелкового полка 397-й дивизии старший лейтенант Головин, после гибели командира батальона принявший командование на себя. Только 2—3 января батальон под его командованием отразил 16 атак противника. Сам Головин уничтожил 37 гитлеровцев. За умелые и мужественные действия он был награжден орденом Ленина¹. В ночь на 20 января возглавивший группу после гибели Саенко его заместитель майор П. И. Яковенко вывел из окружения 140 бойцов, 122 из которых были ранены или больными².

Не добились существенного успеха и войска 11-й армии. Противнику удалось удержать занимаемые позиции и ликвидировать незначительные вклинения наших войск в его оборону. Операция под Цеменой стоила армии больших потерь.

В конце декабря 1942 г. на Северо-Западный фронт приехала делегация трудящихся Монгольской Народной Республики. Она привезла в подарок советским воинам полушубки, меховые жилеты, рукавицы и продовольствие. Члены делегации побывали во многих соединениях. От имени правительства республики они вручили 53-й гвардейской стрелковой дивизии, одной из лучших дивизий фронта, боевое Красное знамя МНР.

Подводя итог боев армии за 1942 г., следует привести выдержку из беседы начальника штаба армии генерала В. В. Корчица с писателем В. Ковалевским: «...мы ничего не поймем, если будем переживать наши болотные дела как нечто замкнутое в себе целое... Несмотря на ошибки и неудачи, мы с вами делаем великое дело... Идет великая война, и одновременно происходит великая учеба... Эта учеба не может не дать великого результата... Происходит пока невидимый для глаза рост воинского мастерства... Мы еще будем с вами свидетелями торжества советского военного искусства...»³

Благоприятная обстановка, сложившаяся после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом и на Северном Кавказе, позволила Ставке вновь вплотную заняться северо-западом. В конце января она приняла решение подготовить на Северо-Западном фронте стратегическую наступательную операцию. Операция, получившая кодовое название «Полярная звезда», проводилась с ре-

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 5599, д. 23, л. 41—45.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 333, л. 64.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 466, 470, л. 65.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 466, 470, 472—475, л. 617.

³ Ковалевский В. А. Тетради из полевой сумки, с. 259—262.

пительной целью в кратчайший срок не только покончить с демянской группировкой, но и коренным образом изменить обстановку на северо-западе. Планировалось прорыв обороны противника в западной части рамушевского коридора, окружение и уничтожение демянской группировки основными силами Северо-Западного фронта с одновременным развитием наступления соединениями подвижной группы войск генерал-полковника М. С. Хозина (1-я танковая, 68-я армии, части артиллерии и гвардейских минометов) и частью сил фронта в направлении Старая Русса, Псков. Начало операции намечалось на 19 февраля.

В соответствии с замыслом Ставки командующий фронтом принял решение создать севернее и южнее рамушевского коридора две ударные группировки в составе усиленной общевойсковой армии каждая. Они должны были одновременно нанести встречные удары и образовать внутреннее кольцо окружения по западному берегу реки Ловать. После этого северная группировка (27-я армия) должна развивать наступление в северо-западном направлении в обход Старой Руссы с юга, а южная (1-я ударная армия) — в восточном в целях уничтожения врага в рамушевском коридоре и обеспечения ввода в сражение группы войск генерала Хозина. Таким образом, как указывалось в отчете о наступательной операции армии, «в выполнении поставленной задачи фронтом роль войск 1-й ударной армии была огромна и первостепенна...»¹.

8 февраля представители Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов и маршал авиации А. А. Новиков прибыли на командный пункт армии в Хмели, где их встретил только что назначенный командующим 1-й ударной армией гвардии генерал-майор Г. П. Коротков. 10 февраля под руководством маршала Жукова состоялось совещание, на котором помимо командующего фронтом маршала Тимошенко присутствовали командующие 1-й ударной и 53-й армиями, командиры их дивизий. Было решено с 24 часов 10 февраля правофланговую группировку 1-й ударной армии (53-ю гвардейскую, 129, 166, 235, 245 и 380-ю дивизии, 45-ю, 86-ю бригады), а также 13-ю и 27-ю артиллерийские дивизии, 57-й и 226-й танковые

полки переподчинить 53-й армии. Ей передавался также участок фронта до Залучья. Основные усилия 1-й ударной армии переносились на левое крыло фронта. Войска фронта должны были начать операцию 15 февраля, 27-й и 1-й ударной — 18 февраля¹.

11 февраля под прикрытием 121-й и 44-й бригад армия начала перегруппировку и сосредоточение на новом направлении. Вместо переданных в состав 53-й армии соединений для создания новой ударной группировки по указанию маршала Жукова 1-й ударной армии передавались 2, 3 и 4-я гвардейские воздушно-десантные, 250-я стрелковая дивизии, 27, 36, 37 и 184-й отдельные танковые полки. Для обеспечения артиллерийского наступления армия усиливалась 16-й и 27-й артиллерийскими, 1-й и 6-й гвардейскими минометными дивизиями. Авиационная поддержка наступления войск армии осуществлялась частями 1-го штурмового авиационного корпуса генерал-майора В. Г. Рязанова с ресурсом 186 самолетов-вылетов в день, боевое прикрытие — частями 1-го истребительного авиационного корпуса генерал-майора Е. М. Белецкого с ресурсом 184 самолетов-вылета². Для противовоздушной обороны войск армии создавалась зенитно-артиллерийская группа, объединяемая штабом 42-й зенитно-артиллерийской дивизии, в составе 709-го и 714-го зенитных артиллерийских полков, 242-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона РГК и четырех отдельных зенитных батарей³. Такое мощное усиление армия имела впервые.

14 февраля армия получила директиву фронта с боевой задачей на наступление. 15 февраля Военный совет фронта утвердил решение командующего 1-й ударной армией на прорыв обороны противника, перехват рамушевского коридора совместно с частями 27-й армии и замыкание кольца окружения демянской группировки. По замыслу главный удар наносили на участке Вязки, Кривавицы (8 км) в северном и северо-восточном направлениях 2, 3 и 4-я гвардейские воздушно-десантные дивизии, 27, 36 и 37-й танковые полки, вспомогательный на участке Шотово, Вязки (5 км) — 391-я и 7-я гвардейские дивизии, взаимодействовавшие с левофланговыми соединениями 53-й армии. Глубина операции составляла

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 513, л. 16, 19, 20, 21.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 59, л. 34, 55.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 149, л. 1.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 466, 470, л. 289.

20 км, продолжительность — двое суток. Главной группировке ставилась задача в первый день операции выйти на глубину 11 км, на второй день — еще на глубину 9 км и, соединившись с войсками 27-й армии, замкнуть кольцо окружения демянской группировки, в дальнейшем — повернуть на восток и выйти на западный берег Ловати на участке Шотова, Рамушево, обеспечивая ввод в сражение частей группы генерала Хозина. Части 14-го гвардейского корпуса получили задачу выйти на шоссе Старая Русса — Холм и обеспечить с юга и юго-запада действия главной группировки армии и группы Хозина¹.

Выгрузка в районе Осташков, Соблаго и выдвижение к линии фронта частей воздушно-десантных дивизий и группы Хозина не прошли незамеченными для противника. Напуганная недавней катастрофой под Сталинградом, ставка Гитлера приняла решение о выводе соединений 16-й армии с демянского плацдарма. 17 февраля под прикрытием сильных арьегардов демянская группировка начала отход. Погода в середине февраля резко ухудшилась. Жгучие морозы сменились продолжительной оттепелью. По два-три дня кряду дул сильный северо-западный ветер, шел дождь со снегом. Это обстоятельство позволило гитлеровцам быстро отойти по заблаговременно подготовленным дорогам. В то же время оттепель вывела из строя оба зимника, ведущие из района Осташкова к линии фронта. Колонны дивизий растянулись на многие десятки километров, большая часть артиллерии и автомашин с боеприпасами, продовольствием и горючим застряла в глубокой грязи раскисших дорог.

По указанию маршала Г. К. Жукова с Калининского фронта сюда была спешно переброшена 54-я инженерно-саперная бригада, из группы Хозина — 59-я бригада, из 1-й танковой армии — 10-я инженерно-минная бригада.

В крайне тяжелых условиях оказался личный состав выдвигающихся дивизий. Предполагалось, что 150 км от станций выгрузки до района сосредоточения бойцы пойдут на лыжах, но из-за оттепели это оказалось невозможным. Им пришлось с лыжами на плечах, в валенках идти по лужам и грязи. В итоге в район сосредоточения части дивизий прибывали измотанными до предела.

Крайне медленно шла подготовка исходного района для наступления, характерного сплошной заболоченностью. Мягкая зима с продолжительными оттепелями

в декабре, январе и феврале при снежном покрове 50—70 см способствовала незначительному (6—9 см) промерзанию болот. В этой связи главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов вспоминал: «В районе предстоящих действий множество болот, а там, где их нет, проступали грунтовые воды. Проложить здесь дороги стоило огромного труда. Особо плохо доставалось артиллеристам. Для большинства огневых позиций следовало строить прочные деревянные пастилы, чтобы орудия при стрельбе не утонули в трясине. На это требовалось длительное время»¹.

Неблагоприятно обстояло дело и с накоплением материальных средств. Несмотря на увеличение перевозок по узкоколейной железной дороге и автотранспортом, использование для перевозок 674-го армейского авиационного полка, удавалось покрывать лишь текущий расход. Отдельные автоколонны преодолевали расстояние от Осташкова до Марёво (103 км) за двое-трое суток.

В результате замячки с выходом войск в районы сосредоточения, с подготовкой исходного района для наступления и подвозом материальных средств срывались запланированные сроки начала операции. Такое положение весьма тревожило Ставку. 20 февраля маршал Жуков получил телеграмму Верховного Главнокомандующего, в которой указывалось: «...есть опасность, что ему (противнику.— Авт.) удастся отвести свои дивизии за реку Ловать и намеченная нами операция «Полярная звезда» может быть поставлена под угрозу срыва. Считаю абсолютно необходимым начать операцию Трофименко, Короткова и Хозина ранее установленного срока на три-четыре дня»². Но даже неиссякаемая энергия Жукова и его выдающиеся организаторские способности не могли спасти положения. Ни 27-я, ни 1-я ударная армии, ни группа Хозина к наступлению не были готовы.

Тем временем преследуемые 34-й и 53-й армиями части демянской группировки к исходу 28 февраля отошли за реку Ловать. Так закончила свое существование демянская группировка противника и был ликвидирован рамушевский коридор. Войскам Северо-Западного фронта не удалось уничтожить эту группировку. Однако в течение полутора лет здесь было сковано около 100 тыс. немецко-фашистских войск. Противник потерял в боях

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 529, л. 1.

¹ Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963, с. 355.

² ЦАМО, ф. 132-а, оп. 2642, д. 34, л. 45—46.

только убитыми около 90 тыс. человек, и это дало основание бывшему начальнику штаба 16-й армии назвать бои в рамушевском коридоре «уменьшенным «Верден» первой мировой войны»¹. Вместе с тем ликвидация демянского плацдарма создавала предпосылки для развертывания операции на искомом направлении². А именно это и планировала Ставка Верховного Главнокомандования.

Несмотря на все усилия, ударные группировки перешли в наступление с большим опозданием: 27-я армия — 23 февраля, а 1-я ударная — только 26 февраля, когда противник уже успел отвести свои части с демянского плацдарма и занять позиции севернее и южнее западного выхода из рамушевского коридора. Таким образом, в полосу предстоящего наступления армии, где до этого действовали слабые части 21-й авиационной дивизии, заняли оборону 32, 329 и 30-я пехотные дивизии, объединенные в корпусную группу «Хёне».

25 февраля была проведена разведка боем передовыми батальонами дивизий. Она установила, что противник не только прочно занимает оборону, но и значительно усилил ее в огневом отношении.

В ночь перед наступлением во всех частях прошли митинги. Выступавшие на них воины от имени своих товарищей давали обещание отдать все силы для выполнения боевой задачи. Многие бойцы изъявили желание идти в бой коммунистами.

Утром 26 февраля после 3-часовой, но слабой из-за недостатка боеприпасов артиллерийской подготовки, существенно не нарушившей систему огня противника, части первого эшелона по глубокому снегу двинулись в атаку. Артиллерия, вышустив отпущенные ей на артиллерийскую подготовку снаряды, резко снизила интенсивность огня. Удары небольших групп самолетов мало помогли в подавлении обороны противника. Танки, большей частью американские: громоздкие, имевшие слабую броню, узкие гусеницы и бензиновые двигатели, еще на подходе к переднему краю обороны противника стали застревать, попадая на участки незамерзающих болот, останавливаться, искать обходы. В этих условиях десантникам с большим трудом удалось продвинуться лишь на 1—3 км. Выйдя на

ряде участков на восточный берег Полисти, они были вынуждены здесь закрепиться.

Наступление, возобновившееся 27 февраля, не получило развития, хотя воины сражались самоотверженно. Так, танк заместителя командира роты 37-го отдельного танкового полка младшего воентехника Н. С. Малыгина первым ворвался в опорный пункт врага, но был подожжен и отсечен от пехоты. Экипаж не покинул машины и продолжал вести бой. Когда же в танке уже нельзя было находиться, танкисты покинули машину и начали уничтожать гитлеровцев из автоматов. В рукопашной схватке герои погибли. Н. С. Малыгин был посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени¹. В бою за один из опорных пунктов, когда сильный огонь врага не давал возможности поднять головы бойцам, зарывшимся в снег, командир взвода сержант А. С. Ионов личным примером увлек бойцов в атаку. Взвод ворвался во вражескую траншею и уничтожил 2 офицеров и 15 солдат. А. С. Ионов был награжден орденом Отечественной войны II степени².

В упорных боях войска армии несли большие потери, и медикам приходилось работать с огромным напряжением. Большую роль в доставке раненых с поля боя на медицинские пункты сыграл отряд нартовых упряжек санитарных собак, приданный армии. За время операции его силами было эвакуировано 75 процентов раненых, подлежащих вывозу³. В 391-й дивизии сапфирструктор Гартков оказал первую помощь и вынес с поля боя 98 раненых, за что был награжден орденом Ленина. В 23-й гвардейской дивизии подлинный героизм проявила гвардии старший сержант Л. С. Кравец. После тяжелого ранения, вопреки возражениям врачей, она вернулась в строй и дошла до Берлина. За мужество в боях она была удостоена звания Героя Советского Союза. В 53-й гвардейской дивизии исключительным самопожертвованием отличался санитарструктор старшина медицинской службы З. Н. Леонтьева. Она вынесла с поля боя более 60 раненых, сама была дважды ранена. После тяжелого ранения, полученного в 1944 г., она не вернулась в действующую армию. Леонтьева была награждена двумя орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и Славы III степени.

¹ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, с. 474.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1976, т. 6, с. 146.

¹ См.: Правда, 1981, 9 авг.

² См.: Красная звезда, 1977, 6 сент.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 466, 470, л. 295.

Маршал Жуков в донесении Верховному Главнокомандующему 27 февраля докладывал, что южная группировка войск за два дня наступления не смогла прорвать оборону противника из-за недостаточного количества артиллерии и ограниченного лимита боеприпасов и что он решил приостановить операцию на три дня и заново подготовить прорыв обороны, подтянув несколько артиллерийских полков с соседних участков и доведя плотность артиллерии до 130—140 орудий на 1 км фронта.

1 марта командующий фронтом отдал приказ приостановить наступление до 4 марта и подготовить новый прорыв, сместив главный удар на северо-запад в направлении Белоусова Бора (20 км юго-западнее Старой Руссы). Армия дополнительно усиливалась 380-й стрелковой дивизией полковника М. Н. Смирнова, 20-й и 21-й стрелковыми бригадами, 13-й артиллерийской дивизией полковника А. В. Андреева, 151-м пушечным, 987-м и 996-м полками ПВО, 184-м танковым полком и 55-й инженерно-саперной бригадой¹.

Однако и на этот раз при подготовке к наступлению многого сделать не удалось, особенно в части подвоза боеприпасов для артиллерии. Утром 5 марта после артиллерийской подготовки части первого эшелона атаковали противника, но смогли овладеть только несколькими опорными пунктами на первой позиции. Лишь на правом фланге свежая 137-я стрелковая бригада полковника М. Ф. Федорова во взаимодействии с 37-м танковым полком отбросила противника на расстояние до 3 км. Здесь отличились пулеметчики 2-й роты под командованием старшего лейтенанта Н. В. Гурова. Рота, почти полностью укомплектованная краснофлотцами Амурской военной флотилии, овладев господствующей высотой 49,9, отразила несколько сильных контратак противника и сорвала его попытки восстановить утраченное положение. За проявленную воинскую доблесть все пулеметчики были удостоены правительственных наград.

Сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем и контратаками силой батальон — полк с 15—20 танками противник остановил дальнейшее продвижение войск.

В связи с обострением обстановки в районе Харькова, начавшейся распутицей и неудачным развитием операции «Полярная звезда» Ставка Верховного Главнокомандова-

ния признала нецелесообразным ее продолжение. Чтобы скрыть оперативный маневр — убытие 1-й танковой армии, — Ставка ограничила задачу наступления, которая теперь сводилась к освобождению Старой Руссы и выходу на реку Полисть.

Здесь необходимо хотя бы немного коснуться работы контрразведки армии — о ней мало говорилось и писалось, но значение ее трудно переоценить. Стремясь выявить намерения советского командования в операции «Полярная звезда», гитлеровская разведка забросила в тыл армии группу из пяти человек, в составе которой были двое бывших советских офицеров — капитан и лейтенант, ранее захваченные гитлеровцами в плен. После перехода линии фронта они явились с повинной, рассказали о задаче группы, помогли обезопасить остальных ее членов, передали радиостанцию и данные для связи с гитлеровским абвером. По указанию командования особый отдел армии завязал с гитлеровцами «игру». До этого наши контрразведчики уже дважды «играли» с гитлеровской контрразведкой. В первую же ночь старший группы вышел с ней на связь и доложил: «Все в порядке». Получил ответ: «Благодарим, мы надеемся на вас. Срочно переориентируйтесь на участок 42—36, сообщите, не прибывают ли новые части». В течение почти трех месяцев гитлеровская разведка получала дезинформацию, разработанную совместно со штабом армии, о перегруппировках войск, «взрывах» штабов, складов. Командующий фронтом, оценивая проведенную операцию, сказал при вручении ордена Красного Знамени начальнику особого отдела майору А. А. Шурепову, что «это выигранный бой, большой бой». Об этом эпизоде рассказала газета «Красная звезда» от 29 октября 1983 г.

В соответствии с новой задачей и указаниями маршала С. К. Тимошенко командующий армией решил усилить ударную группировку передаваемыми в состав армии 6-й и 9-й гвардейскими воздушно-десантными дивизиями генерал-майора А. И. Кирзимова и полковника К. Н. Виндушева, 33-й и 137-й стрелковыми бригадами, которые сменяли в первом эшелоне понесшие потери в прошедших боях 391-ю стрелковую и 3-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизии. В ночь на 12 марта части первого эшелона заняли исходное положение для наступления. С утра 14 марта наступление возобновилось, но без особого успеха. К 17 марта положение сторон окончательно стабилизировалось. 20 марта маршал Тимошенко приказал 1-й

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 9688, д. 2, л. 25—33.

ударной армии закончить наступательные действия и прочно закрепиться на занимаемом рубеже.

Самая крупная по количеству привлеченных сил и средств и самая кровопролитная операция армии завершилась. В итоге противник был потеснен на правом фланге армии на 2—10 км. И хотя поставленные цели не были достигнуты, операция положительно повлияла на общую обстановку на советско-германском фронте. 16-я немецкая армия была полностью скована, и гитлеровское верховное командование лишено возможности усиливать за ее счет свои группировки на южном крыле восточного фронта. А это облегчало советским войскам ведение наступательных операций на Верхнем Дону, под Харьковом и в Донбассе.

Глава 7.

В ОБОРОНЕ ПОД СТАРОЙ РУССОЙ

Завершение февральско-мартовской наступательной операции 1943 г. стало для войск Северо-Западного фронта, в том числе и для 1-й ударной армии, началом почти годичной позиционной обороны. Из-за отсутствия перспектив наступления перешел к обороне и противник.

В этот период главное внимание Ставки было сосредоточено на южном крыле советско-германского фронта. Ликвидация демянской группировки, значительное сокращение протяженности фронта и переход войск Северо-Западного фронта к обороне позволили высвободить здесь большое количество сил и средств. В апреле — июне из состава фронта были выведены в резерв Ставки и переброшены на активные участки 11, 27, 53 и 68-я армии. Полосу обороны от озера Ильмень до Лопарей (25 км северо-западнее Холма) теперь занимали 34-я и 1-я ударная армии. Из 1-й ударной были выведены гвардейские воздушно-десантные дивизии и все средства РВГК.

Произошли и определенные организационные изменения: командующим фронтом был назначен генерал-полковник И. С. Конев. Новый командующий потребовал создать на рубеже, занятом войсками в результате проведенной операции, прочную оборону и активными действиями сковать 16-ю армию противника, не допуская переброски ее соединений на активные направления, все-

ми видами огня уничтожить ее живую силу и огневые средства, вести активную разведку и готовиться к решительным наступательным действиям.

Выполнение поставленных задач было сопряжено с большими трудностями, так как количество войск постепенно уменьшалось, а ширина полос обороны соединений и армии в целом увеличивалась. В соответствии с приказом от 22 марта 1943 г. 1-я ударная армия перешла к обороне в полосе Жуково, Лопари (54 км), имея в своем составе шесть дивизий (7, 23, 53-я гвардейские стрелковые, 6-я, 9-я гвардейские воздушно-десантные, 391-я) и пять бригад (33, 137, 14, 20, 41-я)¹. В июне — июле полоса обороны армии увеличилась к северу до Онуфриево (68 км), а состав уменьшился до четырех дивизий (23-я гвардейская, 391, 282, 200-я) и одной бригады (33-я). С 20 ноября в связи с расформированием Северо-Западного фронта и убитием управления 34-й армии 1-я ударная приняла всю полосу, ранее обороняемую войсками фронта, — от Наволока (северо-восточный берег озера Ильмень) до Лопарей — протяженностью 151 км. В состав армии вошли: 26-я, 182-я дивизии, 14-й гвардейский корпус (23-я и 53-я гвардейские дивизии), 12-й гвардейский корпус (7-я гвардейская, 37-я дивизии), 137-я бригада. С 16 января 1944 г. в связи с рокировкой части сил 22-й армии в район Невеля полоса армии увеличилась еще на 58 км в южном направлении до Леготи (55 км юго-западнее Холма), достигнув 209 км². С убитием из состава армии 12-го гвардейского корпуса в ней осталось четыре дивизии и бригада.

Победы советских войск под Сталинградом, Курском и на Украине благотворно сказались на боевом и моральном духе войск Северо-Западного фронта. Теперь воины отчетливо сознавали, что не зря сидят здесь, в болотах, что вносят свой, пока пусть и небольшой, вклад в разгром ненавистного врага. Это была уже качественно новая оборона, чем год назад. Она отличалась от прежней значительно большей активностью, стремлением держать противника в постоянном напряжении, наносить ему большие потери.

В связи с постепенным высвобождением и переброской соединений 16-й немецкой армии на активные участ-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6830, д. 39, л. 23—24.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 661, л. 118.

ки фронта Ставка была весьма заинтересована в том, чтобы своевременно узнавать, какие дивизии, когда и куда противник перебрасывает. Поэтому крайне были нужны, и притом постоянно, контрольные пленные. Разведка армии и соединений работала много и напряженно. Наблюдение, подслушивание, радиоперехват и воздушная разведка в стабильной обстановке на закрытой местности не давали желаемого результата. Поэтому основными способами разведки были поиски, а также разведка боем. Почти каждую ночь выходили на выполнение заданий разведгруппы. А действовать им приходилось в очень трудных условиях. Почти сплошные траншеи противника, тщательно организованные системы наблюдения, оповещения, сигнализации и огня, сотни километров проволочных заграждений и тысячи мин преграждали путь к вражескому переднему краю. Несмотря на тщательную подготовку, многие поиски заканчивались неудачами и сопровождалась потерями разведчиков. Сказывалось также слабое обеспечение действий разведгрупп. Вспоминается разговор начальника разведки с начальником штаба армии. Полковник А. П. Серегин, докладывая генералу В. В. Корчицу план поиска, просит поставить артиллерию задачу по прикрытию отхода разведгруппы. Генерал Корчиц со свойственной ему вежливостью говорит: «Что толку ставить: снарядов-то у нее нет».

Несмотря на все трудности, разведчики с честью делали свое опасное дело. Рождались асы разведки. Первым среди них по праву был старший сержант Н. А. Козырев из 23-й гвардейской дивизии. Уже к началу августа он участвовал в 30 поисках, 5 раз ходил в тыл врага и имел на своем счету 25 «языков», более 120 уничтоженных гитлеровцев. Дивизионная газета 6 августа сообщала: «Вчера знатный разведчик нашего соединения гвардии сержант Николай Козырев получил четвертую правительственную награду — орден Красного Знамени. Эту награду он получил за боевую дерзость, инициативу и находчивость... На груди гвардии разведчика теперь орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды и медаль «За отвагу»¹. Политотдел армии выпустил специальную листовку о том, как действует Н. Козырев в разведке. В этой дивизии отличались своим бесстрашием разведчики Г. Блохин, П. Воронин, Ф. Маль-

цев, А. Никитин, Л. Панченко, Н. Редкин, Ф. Филатов. В 53-й гвардейской дивизии мастерами своего дела были лейтенант Н. Петров и сержант С. Ф. Кулешова. От гвардейцев не отставали и другие соединения. В 26-й дивизии выделялись разведчики Ф. И. Малюков, Сбитцев, Пахомов. По числу захваченных контрольных пленными одной из лучших в армии была 282-я сибирская дивизия. В 44-й бригаде отличились лейтенант П. А. Некрасов, на счету которого числилось 18 «языков», и старший лейтенант А. М. Хрипкин, в 137-й бригаде — сержанты Л. Деев и Шилин, в 182-й дивизии — капитан И. М. Виноградов, старшины И. П. Козлов и Г. П. Пятков. Последний, хорошо владея немецким языком, несколько раз прошикал в тыл противника и возвращался с ценными разведанными, за что был награжден орденом Ленина¹.

У деревни Потапово разведчики из 44-й бригады обнаружили в убитого гитлеровского офицера фотокарточки, запечатлевшие сцену казни советской патриотки. Выяснилось, что ею была Зоя Космодемьянская. Снимки были опубликованы в центральных газетах и вызвали взрыв гнева у советских людей.

Ликвидация гитлеровцами Партизанского края осенью 1942 г. лишила армию важного источника разведанных о глубине вражеской обороны. В связи с этим разведотдел организовал засылку в тыл противника глубинных разведгрупп. Они комплектовались не только из армейских разведчиков (командир разведотряда старший лейтенант С. Т. Миничев), но также из числа местных жителей, подбираемых через Поддорский РК ВЛКСМ. Как правило, местные комсомольцы участвовали в разведке с большим желанием и добывали ценные данные о противнике. Им охотно помогали советские люди на временно оккупированной врагом территории. Особенно отличились разведчики О. К. Толпечин, В. А. Ильин, награжденные орденом Ленина, Б. Т. Моисеев и Н. В. Печерин, удостоенные ордена Красного Знамени².

Разведки боем проводились каждой дивизией первого эшелона обычно не реже двух раз в месяц. Помимо чисто разведывательных задач разведка боем имела также целью дать боевой опыт молодым бойцам, совершенство-

¹ ЦАМО, ф. 1097, оп. 1, д. 40, л. 88, 90.

¹ См.: Шатилов В. М. Рамушевский коридор. М., 1970, с. 9—11.

² См.: Правда, 1942, 14 ноября.

вать навыки командиров и в целом подразделений в ведении наступления, поскольку длительная оборона не давала им такой возможности. Во время разведки боем бойцы и командиры неоднократно показывали примеры героизма и самоотверженности. Так, сержант Д. Киргизбаев из 1278-го полка 391-й дивизии умело командовал отделением при захвате траншеи противника и отражении его контратак. В бою он пал смертью храбрых и был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Приказом по армии от 2 июля 1943 г. сержант Киргизбаев был навечно зачислен в списки полка, а в полку учреждалась Книга героев части, куда первым был внесен отважный сержант¹. Военный совет решил отмечать отличившихся в бою воинов. Позже, так же как и Д. Киргизбаеву, было приказано воздать воинские почести младшему сержанту П. Д. Лянакову из 18-го саперного батальона, старшему сержанту Ю. П. Некторову из 63-го полка 23-й гвардейской дивизии и другим.

О масштабах деятельности разведки армии говорят такие цифры. Только в августе войсками армии было проведено 89 ночных поисков и 6 разведок боем, взято 18 контрольных пленных, уничтожено до 2 тыс. вражеских солдат и офицеров, 5 орудий, 3 миномета, 5 пулеметов, разрушено 54 блиндажа². Благодаря разведчикам командование армии своевременно получало данные об изменениях в группировке противника и его системы обороны.

8 ноября 1943 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении ордена Славы трех степеней, и уже через две недели стал известен первый воин, удостоенный этой награды. Им стал помощник командира саперного взвода 140-го полка 182-й дивизии старший сержант Г. А. Исраэлян. Обеспечивая разведку боем в ночь на 7 ноября в районе Пенны, он возглавил круговую оборону у подбитого врагом танка и вместе с экипажем отразил несколько контратак врага, уничтожив до 20 гитлеровцев. 17 ноября герой-сапер был награжден орденом Славы III степени, а к концу войны стал полным кавалером ордена солдатской доблести.

После перехода к обороне особое внимание уделялось повышению боеспособности войск. В мае Военный совет

армии утвердил план мероприятий по укреплению рот, в котором предусматривалось: переаттестовать всех командиров и старшин подразделений, заменить несоответствующих должностям; выявить командиров и бойцов, достойных награждения, но не отмеченных наградами, лучшим красноармейцам присвоить звания ефрейторов и младших сержантов; укомплектовать роты до 80—120 человек; обеспечить роты полным комплектом вооружения и снаряжения. Полностью выполнить этот план не удалось до самого конца оборонительного периода. Причин тому было много. Ставка могла выделять Северо-Западному фронту весьма ограниченное количество маршевых формирований. Поэтому подразделения пополнялись главным образом за счет выздоравливающих из госпиталей. Этого было крайне мало для восполнения потерь и доведения подразделений до пужной численности. Чтобы не терять тех раненых командиров и бойцов, эвакуации которых в тыл можно избежать, по указанию Военного совета при медсанбатах дивизий были организованы команды выздоравливающих на 100 человек со сроком лечения до 10 суток, а в армии — госпиталь легкораненых (начальник майор медслужбы Б. К. Кринский) на 1500 коек¹.

Была в принципе решена и проблема младших командиров. Для их подготовки в соединениях и частях организовывались курсы младших командиров. Вначале они действовали при дивизиях, но после перехода к обороне стали функционировать как учебный батальон при 143-м армейском запасном полку. На учебу посылались лучшие красноармейцы. Срок обучения составлял два месяца.

Решался вопрос и со средним командным звеном. Директивой Главного политического управления предлагалось высвобождающийся политсостав передать в распоряжение Военного совета фронта для использования на командной работе. Большая часть политработников после их переподготовки была назначена на должности командиров батальонов, дивизионов, рот и батарей. Всего на командной работе в 1-й ударной армии находилось 638 бывших политработников².

По решению Военного совета медицинская служба армии, как и в 1942 г., организовала при одном из госпиталей армейский дом отдыха для командиров подразде-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6788, д. 4, л. 341—343.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 517, л. 93.

¹ См.: На Северо-Западном фронте 1941—1943, с. 258, 260.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6790, д. 179, л. 251.

лений па 8 суток, в соединениях и частях — дивизионные и полковые дома отдыха на 3—4 суток. Поскольку обстановка на фронте позволяла это, Военный совет в качестве поощрения особо отличившимся командирам и бойцам разрешал предоставлять краткосрочный отпуск с выездом на родину.

Были продолжены и мероприятия по совершенствованию структуры армии как оперативного объединения и приведены в соответствие с новыми условиями и новыми задачами. С весны 1943 г. часть соединений стала объединяться корпусными управлениями — 14-го гвардейского корпуса, а затем 90-го корпуса. С восстановлением корпусных управлений создавались предпосылки для оперативного управления войсками в предстоящих наступательных боях. Были расформированы и влиты в состав дивизий 14, 20, 21, 41, 42, 43-я лыжные, 23-я, 26-я стрелковые бригады. Другие бригады отводились в резерв Ставки для переформирования в стрелковые дивизии.

На основании приказа Народного комиссара обороны в состав армии в качестве ее штатных армейских полков включались: 701-й пушечный (командир полковник А. Я. Пумпур), 1186-й истребительно-противотанковый (командир подполковник А. И. Овсянников), 110-й минометный (командир подполковник А. И. Фомин) и 1473-й зепитно-артиллерийский (командир майор Н. Д. Буюк)¹. Приказом командующего 6-й воздушной армией от 10 марта 1943 г. 674-й армейский смешанный авиационный полк был переформирован в 1-ю отдельную армейскую авиаэскадрилью связи, а 17 апреля она получила номер 559 (командир майор А. И. Степанов) со штатом 81 человек, 12 самолетов По-2².

Успехи советской оборонной промышленности позволили заменить в течение 1943 г. винтовки образца 1891 г. на новые карабины и автоматы. 701-й армейский пушечный полк заменил свои 107-мм пушки образца 1910/30 г. на 152-мм гаубицы-пушки. 37-й гвардейский артиллерийский полк в декабре 1943 г. сдал отечественные 76-мм пушки и 122-мм гаубицы и вместо них временно получил на вооружение 105-мм трофейные гаубицы. Это было сделано с тем, чтобы использовать боль-

¹ ЦАМО, ф. 1473 зенап, оп. 119578, д. 1; ф. 301, оп. 6788, д. 4, л. 174; оп. 6782, д. 149, л. 23.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6788, д. 4, л. 137.

шее количество боеприпасов, захваченных при ликвидации демьянской группировки, а заодно восполнить нехватку снарядов для отечественных систем. На орудия были поставлены наши прицелы, расчеты получили необходимые инструкции и таблицы.

Особое внимание командиров и политработников частей и подразделений было обращено на организацию системы огня, в первую очередь пулеметно-автоматного и снайперского. Артиллерия же еще в большей степени, нежели раньше, вынуждена была экономить боеприпасы. Артиллеристы горько шутили: «Перелет, недолет, вилка, лимит». Приказом по артиллерии армии от 16 ноября 1943 г. для ведения беспокоящего огня и поддержки разведки боем на месяц разрешился расход: 391-й дивизии 120-мм мин — 100, 76-мм снарядов — 450; 374-му и 110-му минометным полкам 120-мм мин — по 250; 1186-му истребительно-противотанковому полку 76-мм снарядов — 300¹.

В связи с этим упор был сделан на повышение активности использования автоматического стрелкового оружия. Первым шагом в этом деле было проведенное по указанию генерала Г. П. Короткова сближение с противником. Дело в том, что в начале оборонительного периода на ряде участков, особенно на заболоченных участках левого фланга армии, ширина нейтральной полосы достигала 1,5 км и более. Естественно, что бойцы подразделений, обороняющихся на переднем крае, противника не видели и огня по нему не вели. В соответствии с требованием командарма на таких участках передний край обороны выносился на линию боевого охранения, на удаление 300—500 м от противника. При этом приходилось создавать оборону зачастую в труднопроходимых болотах, используя отдельные возвышения местности. Однако теперь подразделения могли наблюдать за противником и вести по нему прицельный огонь. Кроме того, проведенное сближение было весьма важно с точки зрения предстоящих наступательных действий.

Второй шаг в повышении активности использования огня был скорее психологическим. Если раньше, в 1942 г., какой-либо из пулеметов на переднем крае открывал огонь, на него немедленно обрушивались два-три вражеских пулемета и вынуждали его замолчать. Теперь картина изменилась. Уже не было таких жестких ограниче-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 219, л. 186.

ний на патроны, как раньше, и пулеметчики часто стали сами навязывать противнику огневые дуэли и вели их до тех пор, пока не заставляли замолчать вражеские пулеметы. Это была пусть минимальная, но победа — победа духа, вселявшая веру в свои силы, в превосходство над врагом.

По инициативе политорганов стало практиковаться заключение между отдельными бойцами и подразделениями договоров на боевое соревнование: кто лучше изучит свое оружие, кто больше истребит врагов. Итоги соревнования периодически подводили командиры подразделений и их заместители по политчасти. В ряде подразделений имелись тетради, озаглавленные «Счет мести немецко-фашистским захватчикам за их злодеяния». Это тоже сыграло свою роль в повышении боеготовности частей.

Был сделан новый шаг и в развертывании снайперского движения. 25 апреля состоялся армейский слет, который подвел итоги почти годовой деятельности снайперов. Было отмечено, что снайперское движение пока, к сожалению, не является массовым. Так, в 23-й и 53-й гвардейских дивизиях действовал 31 снайпер в каждой, в 7-й гвардейской — 58, а в 33-й бригаде — ни одного. К тому же и эти снайперы часто использовались не по назначению. В приказе от 29 апреля 1943 г. Военный совет потребовал до 5 мая в дивизиях и бригадах отобрать, как минимум, по 4 хороших стрелка на взвод, преимущественно из числа желающих, и направить их на снайперский сбор продолжительностью 20 дней¹.

В июле в армию прибыли первые девушки-снайперы — выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. Как вспоминает одна из них — Л. С. Гудованцева из 23-й гвардейской дивизии, «охоту» вести было очень трудно: замаскировавшись на позиции и изготовившись для стрельбы, девушки-снайперы подвергались подлинной атаке сотен комаров и мошек. Они кружили над лицом, жужжали, кусали. А отогнать их нельзя, чтобы движением не выдать себя. Приходилось отгонять только выдыханием, чтобы в глаза не попадали. К вечеру лицо превращалось в сине-багровую маску со щелочками вместо глаз, руки распухали, пальцы не сгибались². Что и говорить, трудно приходилось нашим снайперам!

Толчок был дан, и снайперское движение стало быстро набирать темпы. Как вспоминает бывший командир 182-й дивизии генерал-полковник В. М. Шатилов, если в 1942 г. в дивизии насчитывались десятки снайперов, то в ноябре 1943 г. их стало уже 117, не считая 587 добровольцев-«охотников», действовали десятки снайперских расчетов пулеметов и пушек¹. Широкой известностью в армии пользовался снайпер А. Пупков, на счету которого было 203 гитлеровца. Отчаянно смелый, специально охотившийся за немецкими снайперами панец З. Кили (погиб в 1943 г.), уничтоживший 144 гитлеровца, мог в самый лютый мороз часами лежать в засаде, выбирая для выстрела только офицера. Безусый, хрупкий паренек, на немецких листовках он изображался страшным азиатским великаном. В 23-й гвардейской дивизии лучший снайпер сержант Г. Л. Семенов уничтожил 170 гитлеровцев, братья Мапкиевы — 199. Об их снайперских методах были выпущены листовки, о них писала дивизионная газета. В 53-й гвардейской дивизии отличным снайпером зарекомендовал себя старшина Гончаров. Он подготовил 40 снайперов и лично уничтожил около 300 гитлеровцев. Отличными снайперами были сержант А. В. Каменев, младший сержант З. Гапиева, красноармеец Н. С. Соловей. В 26-й дивизии больших успехов добились командир полковой группы снайперов сержант Г. П. Савченко, имевший к лету 1943 г. на своем счету 167 уничтоженных гитлеровцев, а также снайпер Хандогий — охотник-таежник, спокойный, зоркий, к декабрю 1943 г. сразивший 178 гитлеровцев. В 282-й дивизии выделялся Н. Сербасов, уничтоживший 163 гитлеровца, в 391-й — старшина Бурлиц, на его счету был 191 фашист, и боец Бондаренко, истребивший 91 гитлеровца, награжденный снайперской винтовкой лично от Верховного Главнокомандующего. Всего в дивизии летом 1943 г. насчитывалось 456 снайперов, из них 306 коммунистов и комсомольцев, каждый из которых истребил от 10 до 20 гитлеровцев и более. Снайперы 200-й дивизии только за август уничтожили 233 гитлеровца².

От пехотинцев стремились не отстать и артиллеристы (в пределах лимита — пять снарядов на орудие в сутки!). Как вспоминает бывший начальник штаба 1186-го истребительно-противотанкового полка Г. И. Шалиц, по-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6783, д. 4, л. 219.

² См.: Снайперы: Сборник. М., 1976, с. 47—48.

¹ См.: Шатилов В. М. Рамушевский коридор, с. 8.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 517, л. 116.

рядок снайперских стрельб был таков. По графику, составленному штабом полка, после тщательной разведки целей (при этом учитывались заявки пехоты), подготовки временных огневых позиций на удалении 300—500 м от противника и путей выезда на них затем по выдвигались отдельные орудия. С рассветом прямой наводкой уничтожались намеченные цели, и орудия немедленно уводилось с огневой позиции. Ответный минометный и пулеметный огонь противника приходился уже попустому месту. Стрельбы проводились каждый раз с новых позиций. С июня 1943 г. по январь 1944 г. полк провел около 100 таких стрельб, в результате которых было разрушено 55 дзотов и 68 блиндажей, уничтожено 105 пулеметов, 8 орудий, 4 наблюдательных пункта и свыше 500 солдат и офицеров врага. При этом полк потерял только 2 орудия, 2 человека убитыми и 3 ранеными. Такие стрельбы проводили и другие артиллерийские части как с открытых, так и с закрытых огневых позиций.

Не отставали от артиллеристов и минометчики. Вот что рассказывает бывший комсорг 3-го батальона 171-го полка 182-й дивизии сержант Б. А. Балакирев. Минометный расчет младшего лейтенанта А. Чубаченко, памятив объект для поражения, подготавливал временные огневые позиции, все необходимые данные для стрельбы и боеприпасы. В избранный день минометчики выходили на позицию, производили по объекту огневой налет (10—12 минут) и немедленно уходили в тыл. Зачастую такие вылазки давали очень хороший результат.

Создание прочной, непреодолимой для врага обороны в значительной степени зависело от инженерного оборудования армейской оборонительной полосы. По заданию генерала Г. П. Короткова 2-й армейский инженерный батальон (командир майор Н. А. Стасюк) построил опытный учебный участок обороны с основными сооружениями, которые предстояло построить стрелковым частям на переднем крае в лесисто-болотистой местности. На этом участке командарм провел армейские учебно-методические сборы с командирами частей и соединений.

Главная полоса обороны возводилась по линии соприкосновения с противником, вторая — по восточному берегу Ловати. Части первого эшелона армии оборудовали на ряде участков, где между смежными флангами частей имелись большие (2—3 км и более) промежутки, обеспечиваемые лишь разведкой и охранением, дополнительные ротные и взводные опорные пункты и батальонные

районы обороны. В основу инженерного оборудования главной полосы вместо ранее применяемых отдельных окопов и дзотов по указанию командующего фронтом была введена траншея как основное фортификационное сооружение. На заболоченных участках вместо траншей возводились деревоземляные заборы с встроеными в них ячейками для стрелков и площадками для пулеметов. Для укрытия личного состава строились добротные землянки с накатом в 3—7 рядов. На командных пунктах соединений и армии, в районах расположения тыловых частей и учреждений вместо землянок сооружались домики. На основных направлениях перед передним краем, на стыках частей, частично и в тылу обороны устанавливались противопехотные минные поля и делались лесные завалы. Танкоопасные направления перекрывались противотанковыми минами.

Одновременно развернулись работы по сооружению второй полосы обороны армии.

Учитывая опыт боев под Курском, командующий фронтом приказал создать в каждой дивизии подвижные отряды заграждения (на автомашинах) в составе: взвод саперов с запасом 500 противотанковых мин, взвод противотанковых ружей и взвод автоматчиков. В армии было создано два отряда заграждения (каждый из двух взводов саперов, взвода противотанковых ружей, батареи истребительно-противотанковой артиллерии, взвода фугасных огнеметов, взвода ручных пулеметов). Отряд имел 1500 противотанковых мин и необходимые средства для связи со штабом армии¹. Подвижные отряды заграждения (ПОЗ) явились новым элементом оперативного построения армии.

Параллельно с инженерным оборудованием полосы обороны инженерные части армии и саперы стрелковых соединений вели сплошное разминирование обширных районов армейского тыла, в первую очередь бывшего румушевского коридора. Он был так густо напущиван минами, что разминирование не обходилось без жертв. Вдоль дорог можно было видеть фанерные таблички с надписями: «Осторожно, мины!», «С дороги не сходить — сплошное минное поле» и кучки уже извлеченных мин. Даже после войны саперы обезвредили в Старо-Русском районе свыше 1 млн. 300 тыс. мин.

Инженерно-дорожные и мостовые части совместно с

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 1349, л. 85—88.

соединениями второго эшелона армии ремонтировали и восстанавливали дороги. Были исправлены или проложены вновь сотни километров колейных покрытий, восстановлены и построены мосты и водоотводные сооружения.

В целом большими усилиями войск и инженерных частей под руководством инженерной службы армии в течение лета и осени 1943 г. была создана достаточно прочная и устойчивая оборона, способная противостоять сильным ударам врага, а в последующем служить хорошим исходным районом для наступления.

Была проведена большая работа по совершенствованию связи. Сколько нареканий командиров всех степеней можно было слышать в ходе боев 1942—1943 гг. в адрес связистов! А между тем они работали самоотверженно, с предельным напряжением сил. Переход армии к обороне позволил доукомплектовать подразделения связи, сильно поредевшие за время боев, личным составом и техникой. Было получено дополнительно некоторое количество радиостанций и другой техники связи, в том числе и новых типов. Налаживалась регулярная учеба. Возросла скорость прохождения передач, намного уменьшились их искажения. Так, в 103-м полку связи телеграфистки М. Пароваткина и О. Соседкина один и тот же объем текста теперь передавали за 2 минуты вместо 15 минут, необходимых им ранее. Радиотка Л. Самойлис достигла скорости передачи радиোগрам 1500—1600 групп в час, морзистка В. Голоушкина передавала 700 групп в час вместо положенных по норме 400. Все это позволило в дальнейшем обеспечить надежное управление войсками в ходе последующих наступательных операций.

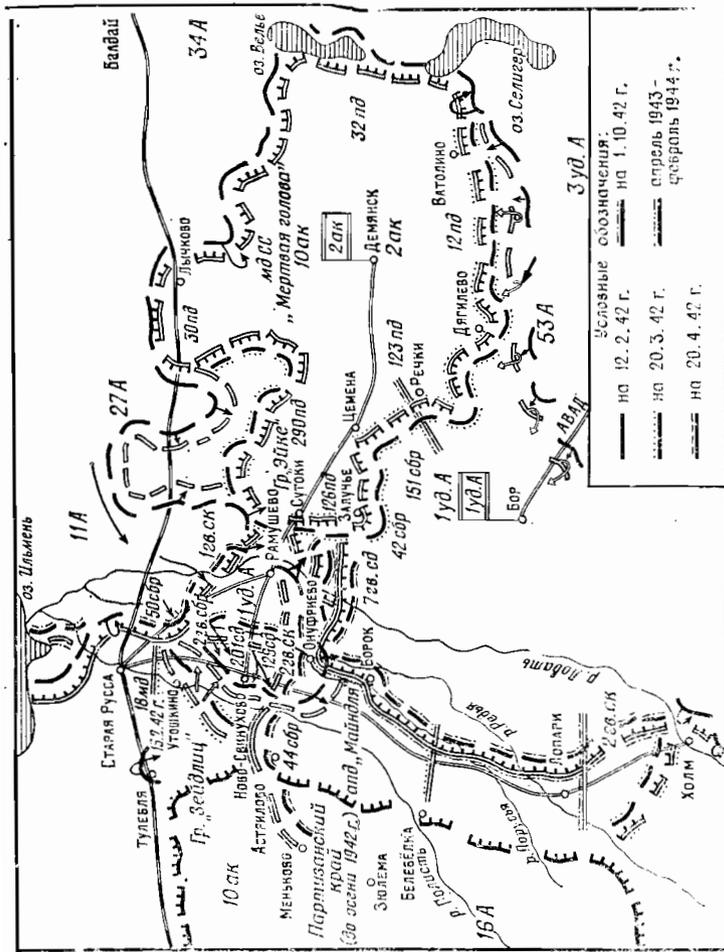
Значительно был расширен круг задач партийно-политической работы. Особое значение имела директива Главного политического управления от 4 июня 1943 г. «О структуре политических органов в Красной Армии», предусматривающая упразднение института заместителей командиров рот и батарей по политической части и создание в батальонах и дивизионах первичных партийных и комсомольских организаций. Такая организационная перестройка быстро дала положительные результаты. Первичные организации стали надежной опорой командиров подразделений и частей, а партийно-политическая работа в целом — более целеустремленной и активной. Необходимость усиления такой работы обуславливалась и практической потребностью. Относительно спокойная

обстановка на фронте порождала у некоторой части личного состава благодушие, принимавшее иногда своеобразную форму «перемирия» с противостоящим противником. Случалось, что по молчаливому «согласию» не открывать огня бойцы армии и гитлеровские солдаты открыто ходили за водой на речку, протекавшую перед передним краем, собирались у подъехавших на открытое место кухни. Имелись также случаи нарушений воинской дисциплины. Конечно, методами одной агитационной работы здесь не обходилось.

Велась и культурно-массовая работа. В соединениях и частях, вплоть до батальонов первого эшелона, в укрытых от наблюдения противника местах 1—2 раза в неделю демонстрировались кинофильмы. В праздники, как правило, выступали самодеятельные ансамбли песни и пляски. Они выезжали также с концертами в колхозы, расположенные в ближайшем тылу. Особой популярностью в армии пользовался джаз-оркестр 53-й гвардейской дивизии под управлением капитана В. Н. Кнушевицкого, впоследствии заслуженного артиста РСФСР.

Большую роль в решении задач партийно-политической работы играла армейская и дивизионная печать. В армейской газете (ответственный редактор майор Ю. М. Корольков) сотрудничали писатели и поэты В. А. Ковалевский, М. С. Матусовский, С. В. Михалков, М. А. Светлов, С. П. Щипачев. Их корреспонденции из войск, рассказы, очерки, стихи, часто посвященные людям и конкретным событиям армейской жизни, делали газету боевой, интересной. Редакция газеты выпускала также листовки-молнии о воинах, отличившихся в боях, лучших специалистах — мастерах своего дела.

Сравнительно новым направлением партийно-политической работы в армии явились мероприятия по разложению войск противника. Если ранее они проводились ограниченно и нерегулярно и в основном сводились к разбрасыванию листовок, то теперь все больший размах приобретали передачи с помощью громкоговорящих установок. Изменился характер и содержание как листовок, так и передач: они приобрели ярко выраженный наступательный характер. Если гитлеровской пропаганде все чаще приходилось изворачиваться и лгать о положении на фронте, то в советских листовках и передачах широко использовался фактический материал: трофейные документы, показания пленных гитлеровских генералов и офицеров.

Боевые действия 1-й ударной армии на Северо-Западном фронте (февраль 1942 г. — февраль 1944 г.)

В целом благодаря партийно-политической работе морально-боевой дух личного состава частей армии значительно окреп. Доказательством тому служило успешное выполнение боевых задач в обороне и в последующем наступлении.

Партийно-политическая работа самым тесным образом увязывалась с боевой учебной работой. 19 мая для высшего и старшего командного состава фронта и армий были проведены показательные учения с боевой стрельбой. Боевая подготовка организовывалась в соответствии с указаниями Военного совета и программами отдела боевой подготовки штаба армии и имела целью готовить войска к предстоящим наступательным действиям. Чтобы дать возможность командирам частей и подразделений наладить плановые занятия, в первом эшелоне были оставлены только минимально необходимые силы. А с остальными частями шли усиленные занятия по политической, тактической, огневой и специальной подготовке с обязательной отработкой на местности элементов наступательного боя. Штабы армии и соединений провели за лето пять учебно-методических сборов с командирами дивизий, полков, батальонов и их заместителями, с начальниками штабов полков, а также с офицерами специальных служб.

Было проведено восемь армейских слетов лучших солдат и сержантов различных родов войск.

Особое внимание командование армии, командиры соединений и частей уделяли подготовке штабов как органов управления. Прошедшие бои выявили ряд серьезных недостатков в их работе. И теперь было необходимо не только их устранить, но и совершенствовать знания и навыки штабных офицеров при выполнении ими своих функциональных обязанностей, сколотить штаб, добиться, чтобы он действовал четко и слаженно. С этой целью начальник штаба армии генерал В. В. Корциц, а в соединениях — их начальники штабов, начальники соответствующих отделов и специальных служб прочли ряд лекций, провели групповые занятия и штабные тренировки¹.

Значительное сокращение состава армии и снижение активности боевых действий резко ослабили напряженность в работе тыловых частей и учреждений.

Снижение потребности в материальных средствах и

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 517, л. 178.

использование узкоколейки от Свапуци до Мареве позволили более планомерно осуществлять покрытие текущих потребностей, а также начать накопление материальных средств на предстоящую наступательную операцию. Это относилось в первую очередь к боеприпасам. Но из-за жестких лимитов их отпуска к началу наступления были созданы относительно небольшие запасы.

С лета 1943 г. впервые с начала действий армии на Северо-Западном фронте личный состав не испытывал нехватки продовольствия. В целях обеспечения личного состава войск продовольствием на зиму 1943/44 г. Военный совет принял постановление о заготовке и хранении картофеля, овощей и сена. Чтобы выполнить это постановление, пришлось выделять из частей бойцов, так как в обезлюдевших колхозах Калининской области эту работу делать было некому. Охотников идти на работу было хоть отбавляй. Стосковались по мирной работе солдатские руки! Военный совет считал долгом армии также оказать помощь колхозам, находившимся в ее тыловом районе. По указанию Военного совета 143-й запасный полк вспахал и заборонил земли и отремонтировал сельскохозяйственный инвентарь семи колхозам.

Здесь, видимо, есть смысл подробнее рассказать о деятельности 143-го армейского запасного стрелкового полка и его роли в жизни армии. Полк имел по штату семь батальонов: учебно-стрелковый, три стрелковых, пулеметный, минометный и приемо-распределительный, а также артиллерийский дивизион, роты связи, саперную и другие подразделения¹. В зависимости от обстановки в полку могли быть один-два батальона выздоравливающих со сроком лечения до 15 дней. Кроме обычных методов лечения применялись лечебная физкультура и торфотерапия (нет худа без добра!). В отдельных случаях острого ревматического заболевания последняя давала хороший результат: после 7—8 сеансов больные выздоравливали. Полк принимал и обучал пополнение, прибывшее в составе маршевых частей и из госпиталей, комплектовал маршевые команды для соединений армии. Только с 1 ноября 1942 г. по 5 июля 1943 г. в войска были направлены 4244 младших командира и 24 262 рядовых. В полку был организован ремонт обмундирования и обуви для бойцов пополнения, построены добротные теплые землянки, бани, прачечные, дезинфекционные камеры и различные

подсобные мастерские. Имелось также подсобное хозяйство, где выращивался картофель и различные овощи. Заготовки сена, грибов, рыбы и дикорастущей зелени составляли сотни килограммов. Роль и деятельность полка для получения соединениями армии хорошо подготовленного пополнения трудно переоценить.

Между тем активные боевые действия неуклонно приближались к северо-западу. Соседние фронты провели успешные наступательные операции: Волховский — в районе Кирпины, 2-й Прибалтийский — в районе Невеля. Положение групп армий «Север» становилось все более неустойчивым. Генерал В. В. Корчиц не раз говорил офицерам штаба, что гитлеровцы долго «не усидят на месте» и выпущены будут отвести свои войска на линию Нарва, Псков, Идрица.

Действительно, уже с сентября разведка и партизаны доносили, что противник начал постепенно отводить тыловые части и учреждения 16-й и 18-й армий, вывозить излишние запасы вооружения и материальных средств, а также промышленное оборудование с демонтируемых заводов и фабрик, угощать скот и насильно эвакуировать население оккупированных районов Калининской и Ленинградской областей в Прибалтику. Пленные также сообщали, что, по разговорам офицеров, войска 16-й армии в ближайшее время начнут отход на новый рубеж обороны. В общем, все указывало на то, что скоро предстоит наступление.

19 ноября 1943 г. решением Ставки Верховного Главнокомандования Северо-Западный фронт был расформирован. Одновременно со старорусского направления отводилось управление 34-й армии. С 9 часов 19 ноября 1-я ударная армия приняла ее войска и полосу обороны и вошла в состав войск 2-го Прибалтийского фронта (командующий генерал армии М. М. Попов).

Говоря о роли фронта в боевых действиях Красной Армии, о причинах затяжного характера действий войск фронта и его неудач, генерал Корчиц в уже упоминавшейся выше беседе с писателем В. Ковалевским отмечал: «Причинами неудач под Старой Руссой и у рамушевского коридора были прежде всего, конечно, лес и болото, непроходимость болот и дорог, потом слабая материально-техническая обеспеченность войск: мало танков, мало авиации, мало артиллерии, а то, что есть, опять же вязнет в болоте. Порою каждый снаряд падал много километров нести на себе... Довошенная теория оперативного

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 517, л. 406—438.

искусства требовала: чтобы вести наступательную операцию в направлении главного удара, надо сосредоточить силы, в два-три раза превосходящие врага... Наши силы почти всегда были растянуты в ниточку, у нас не было вторых эшелонов... Несмотря на ошибки и неудачи, мы с вами делаем великое дело. Это наш фронт сорвал план немцев окончательно окружить Ленинград. Это мы с вами заставили немцев перебросить из Западной Европы шесть дивизий на помощь группе армий «Север», а ведь эти дивизии до зарезу нужны Гитлеру на юге. Как бы ни были слабы наши удары по противнику, но они скывают крупные силы немцев, не говоря уже о том, сколько мы их перемололи. Мы с вами сорвали наступление немцев на Осташков...»¹

Аналогичное мнение высказал и генерал С. М. Штеменко. К числу основных причин затяжного характера боевых действий войск фронта он относил: ограниченные людские и материальные ресурсы; худшие, чем у противника, условия маневра войск; трудные природные условия, не благоприятствующие наступлению: обширные леса, незамерзающие болота, бесчисленное количество озер и меридионально текущих рек. На такой местности были ограничены действия танков и вся тяжесть борьбы ложилась на пехоту, понижалась эффективность огня, требовалось больше боеприпасов, а их не хватало. Наши войска наносили здесь врагу большие потери, отвлекали сюда внимание немецко-фашистского командования с главного направления².

Завершение эпопеи Северо-Западного фронта означало окончание второго — большого и трудного — периода боевого пути 1-й ударной армии. Ее войска накануне нового, 1944 года вступили в третий период — не менее трудный, но более успешный, полный победоносных боев.

Часть III

В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

Глава 8.

НА ПОДСТУПАХ К ПРИБАЛТИКЕ

Во второй половине 1943 г. советские войска освободили значительную часть оккупированных гитлеровскими захватчиками районов Украины и РСФСР. Поражение немецко-фашистских войск на юге серьезно ухудшило оперативно-стратегическое положение группы армий «Север», действовавшей на северо-западном направлении. В этих условиях гитлеровское командование в августе 1943 г. вынуждено было принять решение об отводе войск группы армий «Север» с рубежа южнее Ленинграда, Новгород, Старая Русса, Холм на линию Нарва, Псков, Остров, Идрица, Витебск, с тем чтобы сократить линию фронта с 900 до 500 км и высвободить некоторое число хорошо укомплектованных дивизий. При этом противник стремился вывезти из оставляемых районов материальные ценности и население, превратить эти районы в зону пустыни. Естественно, было крайне необходимо сорвать зловещие планы врага. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение осуществить наступательную стратегическую операцию, получившую наименование Ленинградско-Новгородской, с целью разгромить войска группы армий «Север», полностью снять блокаду Ленинграда, освободить от оккупантов Ленинградскую область и создать условия для проведения новой стратегической операции по освобождению Советской Прибалтики. Для проведения операции привлекались войска Ленинград-

¹ Ковалевский В. А. Тетради из полевой сумки, с. 259—262.

² См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1975, кн. 1, с. 332, 334.

искусства требовала: чтобы вести наступательную операцию в направлении главного удара, надо сосредоточить силы, в два-три раза превосходящие врага... Наши силы почти всегда были растянуты в ниточку, у нас не было вторых эшелонов... Несмотря на ошибки и неудачи, мы с вами делаем великое дело. Это наш фронт сорвал план немцев окончательно окружить Ленинград. Это мы с вами заставили немцев перебросить из Западной Европы шесть дивизий на помощь группе армий «Север», а ведь эти дивизии до зарезу нужны Гитлеру на юге. Как бы ни были слабы наши удары по противнику, но они скывают крупные силы немцев, не говоря уже о том, сколько мы их перемололи. Мы с вами сорвали наступление немцев на Осташков...»¹

Аналогичное мнение высказал и генерал С. М. Штеменко. К числу основных причин затяжного характера боевых действий войск фронта он относил: ограниченные людские и материальные ресурсы; худшие, чем у противника, условия маневра войск; трудные природные условия, не благоприятствующие наступлению: обширные леса, незамерзающие болота, бесчисленное количество озер и меридионально текущих рек. На такой местности были ограничены действия танков и вся тяжесть борьбы ложилась на пехоту, понижалась эффективность огня, требовалось больше боеприпасов, а их не хватало. Наши войска наносили здесь врагу большие потери, отвлекали сюда внимание немецко-фашистского командования с главного направления².

Завершение эпопеи Северо-Западного фронта означало окончание второго — большого и трудного — периода боевого пути 1-й ударной армии. Ее войска накануне нового, 1944 года вступили в третий период — не менее трудный, но более успешный, полный победоносных боев.

Часть III

В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

Глава 8.

НА ПОДСТУПАХ К ПРИБАЛТИКЕ

Во второй половине 1943 г. советские войска освободили значительную часть оккупированных гитлеровскими захватчиками районов Украины и РСФСР. Поражение немецко-фашистских войск на юге серьезно ухудшило оперативно-стратегическое положение группы армий «Север», действовавшей на северо-западном направлении. В этих условиях гитлеровское командование в августе 1943 г. вынуждено было принять решение об отводе войск группы армий «Север» с рубежа южнее Ленинграда, Новгород, Старая Русса, Холм на линию Нарва, Псков, Остров, Идрица, Витебск, с тем чтобы сократить линию фронта с 900 до 500 км и высвободить некоторое число хорошо укомплектованных дивизий. При этом противник стремился вывезти из оставляемых районов материальные ценности и население, превратить эти районы в зону пустыни. Естественно, было крайне необходимо сорвать зловещие планы врага. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение осуществить наступательную стратегическую операцию, получившую наименование Ленинградско-Новгородской, с целью разгромить войска группы армий «Север», полностью снять блокаду Ленинграда, освободить от оккупантов Ленинградскую область и создать условия для проведения новой стратегической операции по освобождению Советской Прибалтики. Для проведения операции привлекались войска Ленинград-

¹ Ковалевский В. А. Тетради из полевой сумки, с. 259—262.

² См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1975, кн. 1, с. 332, 334.

ского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, корабли Балтийского флота и крупные силы авиации.

Операция началась 14 января 1944 г. К концу месяца Ленинградский и Волховский фронты разгромили флаги 18-й немецкой армии и продвинулись от 60 до 100 км. 20 января войска Волховского фронта освободили Новгород. По просьбе командующего войсками фронта генерала армии К. А. Мерецкова Ставка Верховного Главнокомандования со 2 февраля переподчинила ему 1-ю ударную армию. Южный участок ее полосы протяженностью 44 км вместе с 26-й дивизией передавался 22-й армии¹. 1-я ударная армия усиливалась 208-й и 391-й стрелковыми дивизиями полковников В. К. Чеснокова и А. Д. Тимошенко, ей передавались также 14-я стрелковая бригада полковника П. А. Паруликова и 336-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон майора И. П. Власенко. Все они могли прибыть не ранее чем через 8—10 дней. Поэтому, учитывая слабость армии (23-я гвардейская, 182-я стрелковая дивизии, 137-я стрелковая бригада) по широкому фронту (165 км), генерал Мерецков поставил ей ограниченную задачу: наступательными действиями сковать 10-й армейский корпус противника, воспретить переброску его частей из полосы армии и тем самым содействовать наступлению основных сил фронта².

Генерал Г. П. Коротков решил не ожидать подхода передаваемых в состав армии соединений и начать наступление наличными силами. Поскольку наступление готовилось заблаговременно, то в 6 часов 1 февраля 23-я гвардейская дивизия 14-го гвардейского корпуса, усиленная 37-м танковым полком, 37-м гвардейским артиллерийским полком, 4-м дивизионом 385-го гаубичного, двумя дивизионами 701-го пушечного, 1186-го противотанковым полками и 2-м армейским инженерным батальоном, после короткого огневого палета атаковала оборону штрафников гитлеровских ВВС в районе Семкиной Горюшки. В этом бою молодые бойцы 23-й гвардейской стрелковой дивизии украинец Я. Л. Филипенко и киргиз А. Тюменбаев повторили бессмертный подвиг Александра Матросова. Когда их взвод попал под сильный огонь вражеского пулемета и вынужден был залечь, понеся потери, они, маскируясь в снегу, поползли к дзоту. Их товарищи видели, как в пятнадцать метрах от огневой

точки гвардейцы поднялись во весь рост и метнули гранаты в амбразуру, а затем, очевидно смертельно раненные, бросились на нее и закрыли своими телами. Все это произошло мгновенно...

В едином порыве взвод поднялся в атаку и завершил уничтожение вражеского опорного пункта.

Дивизионная газета выпустила о героях-матросовцах листовку, которая была послана на их родину. 13 марта армейская газета опубликовала заметку «Запомните их имена!».

Удар гвардейцев был настолько мощным и стремительным, что гитлеровцы не выдержали и начали отходить. К 12 часам передовые части дивизии выбили их из основных опорных пунктов главной полосы обороны и вышли на шоссе Старая Русса — Холм южнее Глухой Горюшки (30 км южнее Старой Руссы)¹. В целях развития успеха командир корпуса генерал П. А. Степаненко в 17 часов ввел в бой 137-ю стрелковую бригаду. К исходу дня части корпуса, преодолевая огневое сопротивление и успешно отражая отдельные контратаки противника, вклинились в его оборону на глубину до 5—7 км. Противник, не ожидавший от армии столь решительных действий, вынужден был перебросить для локализации прорыва до полка 30-й дивизии и ввести в бой несколько батальонов специальных войск, а к 10 февраля усилить группировку своих войск в районе прорыва 15-й дивизией СС.

В итоге боев 1—16 февраля армии удалось вклиниться во вражескую оборону на 10—12 км и освободить около 150 кв. км временно оккупированной советской земли. На большее сил не хватало. Генерал Мерецков отметил, что 1-я ударная армия с поставленной ей задачей успешно справилась². Результаты частной операции были, конечно, скромными, но они открыли новый этап боевого пути армии.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования 1-я ударная армия с 24 часов 15 февраля вновь переходила в состав 2-го Прибалтийского фронта, который сосредоточивал основные усилия на левом крыле в направлении Зилупе, Резекне. 1-я ударная армия получила задачу, наступая на самостоятельном направлении, прорвать оборону противника южнее Старой Руссы и, разви-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 661, л. 123.

² См.: Мерецков К. А. На службе народу. М., 1971, с. 362.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 662, л. 2.

² См.: Мерецков К. А. На службе народу, с. 362.

вая успех во взаимодействии с войсками 54-й армии Ленинградского фронта, овладеть рубежом Порхов, Дедовичи. В дальнейшем основными силами продолжать наступление в направлении Острова, частью сил во взаимодействии с 22-й армией — на Новоржев с задачей разгромить островскую группировку противника и на 25—30-е сутки операции выйти на рубеж Остров, Красногорское. Начало операции планировалось на 29 февраля¹.

Однако все большее нависание 54-й армии над флангом и тылом старорусской группировки вынудило командование 16-й армии в ночь на 18 февраля начать отвод соединений 10-го армейского корпуса из района Старой Руссы². Войска армии немедленно перешли в наступление. В 10 часов к городу с юга подошла разведка 37-го танкового полка. Командир разведдозора старший лейтенант Ангелейко доложил по радию, что в городе противника нет. К 12 часам в город с востока вошли подразделения 336-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 2-го укрепрайона. Приказом Верховного Главнокомандующего 336-му отдельному пулеметно-артиллерийскому батальону (командир майор И. П. Власенко) было присвоено почетное наименование «Старорусский».

За успешные боевые действия в районе Старой Руссы приказом Народного комиссара обороны от 4 мая 1944 г. наименование «Старорусский» присвоено также 58-му отдельному Краснознаменному бомбардировочному авиационному полку. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1944 г. за боевые действия по освобождению Старой Руссы 14-я Чудовская стрелковая бригада была награждена орденом Красного Знамени. В честь освободителей города на его северной окраине на высоком пьедестале установлен танк, в центре города сооружен монумент Славы. В городе есть улицы Н. Ковшовой и М. Подивановой, латышских гвардейцев. В дни празднования 40-летия освобождения города одна из улиц была названа в честь 1-й ударной армии.

К исходу первого дня операции соединения армии, продвинувшись на 10—17 км юго-западнее Старой Руссы, освободили до 150 деревень и вышли на рубеж реки Полисть. В последующие дни наступление успешно развивалось.

¹ ЦАМО, ф. 239, оп. 2224, д. 234, л. 1—8.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 661, л. 2, 13.

Заблаговременно созданные в 182-й и 23-й гвардейской стрелковых дивизиях отряды преследования из стрелковых подразделений на автомашинах, усиленные танками и артиллерией¹, вынуждены были так же, как и противник, действовать вдоль основных дорог. Густые леса, глубокая снежная целина и множество незамерзающих болот не позволяли лыжным отрядам дивизий вести параллельное преследование противника.

Во второй половине февраля неожиданно наступила сильная оттепель. Соединения первого эшелона армии, двигаясь по раскисшим дорогам, уже через несколько дней растянулись на 40—60 км. Особенно отставала артиллерия и тылы. Началась перебои в обеспечении войск боеприпасами и продовольствием. Но и противник испытывал не менее серьезные трудности. Он отступал, бросая технику и вооружение. Вдоль дорог можно было видеть брошенные автомашины с различным имуществом, тягачи с орудиями.

С переходом в наступление интенсивность партийно-политической работы не снижалась. Практиковались ежедневные короткие совещания командиров рот с личным составом, на которых подводились итоги боевого дня и определялись задачи на будущее. Проводились по мере возможности партийные собрания. На совещаниях и собраниях командиры и политработники отмечали образцовые действия воинов и анализировали допущенные промахи. Родственникам особо отличившихся бойцов посылались благодарственные письма. Писали также раненым бойцам, отправленным в госпитали. Выпускались листовки: политотделами армии и дивизий — печатные; политработниками частей и подразделений — рукописные, с пометкой «Прочитай и передай по цепи». Одна из них была посвящена подвигу парторга роты 66-го полка 23-й гвардейской дивизии гвардии сержанта Рудакова. Будучи тяжело раненым, он попал в плен. Гитлеровцы долго пытали его. Потеряв надежду что-либо узнать, они облили его бензином и сожгли. Об этом рассказали жители деревни, видевшие героическую смерть воина-коммуниста.

24 февраля после напряженного боя с частями прикрытия противника 182-я дивизия полковника В. М. Шатилова, усиленная 239-м танковым полком, 137-я стрелковая бригада полковника С. С. Шульгина с 37-м танковым полком 14-го гвардейского корпуса во взаимодей-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 661, л. 131.

ви с частями 111-го корпуса 54-й армии освободили город и железнодорожный узел Дно¹. 23-я гвардейская дивизия, наступавшая южнее, в этот же день освободила районный центр Дедовичи. Войскам, участвовавшим в освобождении города Дно, приказом Верховного Главнокомандующего от 24 февраля была объявлена благодарность, в их честь в Москве был произведен салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий. Это была вторая благодарность, полученная войсками армии от Верховного Главнокомандующего за успешные боевые действия. 23-й гвардейской стрелковой дивизии полковника А. М. Картавенко, 182-й стрелковой дивизии, 137-й стрелковой бригаде, 37-му танковому полку подполковника М. А. Шило, 239-му танковому полку подполковника И. П. Горячева было присвоено почетное наименование «Дновские».

29 февраля сосед слева — 26-я стрелковая дивизия 22-й армии при содействии 760-го полка 208-й дивизии 1-й ударной армии освободила Новоржев. На этом наступательная операция закончилась. К концу февраля командованию группы армий «Север» удалось отвести свои войска на заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж — линию «Пантера».

Войска 1-й ударной вышли к этому рубежу на фронте: справа — 15 км восточнее Острова, слева — 5 км севернее и 20 км восточнее Пушкинских Гор. На нем армия была остановлена организованным сопротивлением частей 38-го армейского и 6-го корпуса СС 18-й немецкой армии и 2-го армейского корпуса 16-й армии. Справа переходили к обороне соединения 67-й, слева — 22-й армий.

Участвуя в Ленинградско-Новгородской операции, 1-я ударная армия прорвала оборону противника на фронте 134 км, за 30 суток наступления продвинулась на глубину 150—190 км, освободив 2638 населенных пунктов Калининской и Ленинградской областей, в том числе города Старая Русса и Дно, три районных центра, 20 железнодорожных станций и разъездов. Общая площадь освобожденной войсками армии территории составила 11 444 кв. км. Наступление велось со средним темпом 6 км в сутки. Потери противника составили около 6500 убитых и раненых; в плен было взято 498 человек; разбито и уничтожено 83 орудия, 113 пулеметов, 17 танков и

штурмовых орудий, захвачено 120 орудий разных калибров, 25 минометов, 78 пулеметов, 87 различных складов¹.

Высокий моральный дух и наступательный порыв, решительные и инициативные действия офицеров, сержантов и солдат в значительной степени способствовали успеху наступления. Несколько сот воинов армии за смелость и боевое мастерство были удостоены правительственных наград.

Что же представляла собой линия «Пантера», перед которой войска группы армий «Север» остановили наступление советских войск? Это был первый и наиболее мощный оборонительный рубеж в системе рубежей, прикрывавших с востока центральные районы Прибалтики. Линия «Пантера» была северной частью Восточного вала и проходила от Псковского озера, восточнее Пскова, Острова, севернее и восточнее Пушкинских Гор, западнее Новоржева, восточнее Опочки и Себежа².

Из захваченных в декабре 1943 г. партизанами документов было известно, что рубеж состоял из двух оборонительных полос и ряда отсечных позиций. В северной части его находились сильные узлы обороны типа укрепрайона — города Псков и Остров. Глубина главной полосы составляла 4—6 км, а второй, проходившей в 8—12 км западнее переднего края обороны, — 2—3 км. Общая глубина оборонительного рубежа достигала 10—15 км. Оборона главной полосы строилась по принципу опорных пунктов, расположенных на командных высотах и в населенных пунктах, подготовленных к круговой обороне. Оборонительные позиции были оборудованы сооружениями полевого типа с отдельными элементами долговременной обороны³. Наличие в тылу линии «Пантера» развитой сети шоссейных и улучшенных грунтовых дорог, и в первую очередь рокадного шоссе Псков — Остров — Опочка, обеспечивало противнику хорошие возможности для маневра оперативными резервами. Все это в комплексе делало линию «Пантера» труднопреодолимым рубежом на пути наступления советских войск. Помимо первого рубежа, являющегося тактической зоной обороны, в оперативной глубине на территории Латвии был подготовлен ряд оборонительных рубежей разной степени готовности.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 661, л. 142.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 537—551, л. 6—15.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 746, л. 418.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 661, л. 138.

С выходом армии к рубежу «Паптера» командующий фронтом генерал М. М. Попов потребовал от командарма 1-й ударной в интересах последующей наступательной операции выйти к реке Великая в районе излучины северо-западнее Пушкинских Гор, форсировать ее и овладеть плацдармом на левом берегу.

Упорные бои по очистке от противника восточного берега реки начались 4 марта и продолжались вплоть до 18 марта. Неувядаемой славой покрыли себя в этих боях отважные советские танкисты. 16 марта во время атаки на деревню Ошидково вражеским снарядом был подбит танк старшего лейтенанта Малыгина из 37-го танкового полка. Экипаж покинул горящий танк и вступил в рукопашную схватку с гитлеровцами. В неравном бою танкисты погибли, уничтожив 15 вражеских солдат. Танк старшего лейтенанта Аносова также был подожжен противником, но танкисты не покинули машину и вели бой до последней возможности. 20 марта об их подвиге написала армейская газета. Весь героический экипаж: командир танка старший лейтенант Аносов, механик-водитель старший сержант Липеев, командир орудия сержант Фомичев, стрелок-радист сержант Рязановский приказом командующего армией были награждены орденом Красной Звезды.

Задачу по захвату плацдарма на левом берегу реки генерал Г. П. Коротков возложил на 14-й гвардейский корпус генерала П. А. Степаненко (182-я, 208-я дивизии, 37-й гвардейский артиллерийский полк), выделив для его поддержки всю артиллерию армии (плотность 77 орудий на 1 км участка прорыва) и армейскую зенитно-артиллерийскую группу (42-я зенитная дивизия и 63-й гвардейский зенитный дивизион)¹. По указанию генерала Попова корпус поддерживали части 15-й воздушной армии.

Была проведена тщательная наземная и воздушная разведка системы обороны противника, характера местности и реки на участке предстоящего прорыва. В этом разведчикам оказали большую помощь местные жители, строившие ранее оборонительные сооружения на рубеже «Паптера», и партизаны. К исходу 25 марта были готовы две ледяные переправы с усилением льда под грузы до 12 т (по одной переправе на каждую дивизию первого эшелона) и одна паромная переправа под грузы до 30 т

для средств усиления. Майпу (свободное ото льда пространство) для паромной переправы в ночь перед наступлением готовили подразделения 2-го армейского инженерного батальона. Подготовкой переправ руководил инженер 14-го гвардейского корпуса подполковник А. Г. Егоров.

Вспоминая об этом, он впоследствии писал: «...мы получили задание убрать на реке лед в тех местах, где намечались паромные переправы. Противник занимал оборону на противоположном берегу, и задание надо было выполнить без шума. Долго я не мог решить, как лучше выполнить эту задачу. Но вот командир 2-го армейского инженерного батальона майор Стасюк предложил ночью, накануне дня наступления, распилить лед поперечной пилой, а затем пропустить отрезанные куски вниз по течению под сплошной лед. Так я и сделал. Задание было выполнено успешно и без демаскирующих звуков.

Вскоре я убедился, что этот способ в данной обстановке был единственно правильным.

В соседней 22-й армии поступили иначе — там подрывали лед. В результате лед измельчился и образовалась ледяная смесь, которую было невозможно за короткое время ни пропустить под лед, ни выбрать на поверхность. Вовремя оборудовать паромную переправу в связи с этим им не удалось, и наступление было сорвано»¹.

За отличную, самоотверженную работу многие бойцы 58-го и 88-го отдельных понтоно-мостовых и 134-го отдельного моторизованного инженерного батальонов были награждены орденами Красной Звезды, Славы III степени, медалями. Командир 134-го батальона майор Н. Ф. Добровольский был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

В ночь на 26 марта бойцы 182-й и 208-й дивизий полком форсировали по начавшему таять льду реку Великая на участке Глыжина, Кузовиха, левее форсировали реку части 26-й дивизии 22-й армии. В 8 часов 30 минут после 80-минутной артиллерийской подготовки по 8-метровым лестницам, как во времена Суворова, они взобрались на обрывистый южный берег реки и атаковали позиции 34-го пехотного полка 15-й дивизии СС. Не выдержав удара, эсэсовцы начали отходить. Для спасения положения командование 18-й немецкой армии спешно перебросило к участку прорыва ближайшие тактические ре-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 164, л. 3.

¹ Егоров А. Г. Саперы в боях 1944 года. М., 1957, с. 93.

зервы. В 14 часов после бомбового удара авиации при поддержке огня артиллерии и 10 танков противник предпринял первую контратаку. Части дивизий отразили эту и последовавшие за ней контратаки гитлеровцев.

Большую помощь пехотинцам оказали зенитчики 42-й дивизии. Ее зенитно-пулеметные подразделения форсировали реку вместе с пехотой, а батареи МЗА — сразу же после захвата первой траншеи. В этот день они отразили три крупных налета вражеских самолетов, сбили два бомбардировщика.

После полудня на плацдарм начал переправляться 1186-й истребительно-противотанковый полк. Битый лед не выдерживал тяжести тягачей, и тогда шофер командира полка сержант Сквитин предложил использовать в качестве тягача свой более легкий «виллис». Его инициатива была одобрена, и он перевез через реку все 12 орудий и боеприпасы к ним.

В течение 27—30 марта на захваченном плацдарме не утихали упорные бои, временами доходившие до рукопашных схваток. Части обеих дивизий во взаимодействии с переправившимися подразделениями 239-го и 37-го танковых и 1186-го истребительно-противотанкового полков и авиацией предпринимали неоднократные атаки в целях расширения плацдарма. Противник в свою очередь контратаковал крупными силами при поддержке артиллерии и авиации. Бои не дали перевеса ни одной из сторон: у армии не было сил для развития успеха, у противника — для восстановления утраченного положения. Тактические резервы сторон были израсходованы, дальнейший успех мог решить только ввод в бой оперативных резервов.

В итоге боев части 14-го гвардейского корпуса и 26-й дивизии захватили плацдарм до 10 км по фронту и 2—4 км в глубину¹. Вскоре в оперативных документах плацдарм стал именоваться стрелецким — по названию одной из деревень, расположенной на нем.

В 1964 г. у деревни Чертова Гора в память о героях, захвативших и удержавших плацдарм на Великой, был сооружен обелиск в виде стелы-штыка и вертикально стоящей плиты.

Ставка приняла решение развить достигнутый 1-й ударной армией тактический успех в оперативный. Для создания ударной группировки по решению генерала

М. М. Попова 1-я ударная армия усиливалась двумя корпусными управлениями (12-й гвардейский, 90-й) и шестью стрелковыми дивизиями (146, 33, 37, 26, 282 и 52-я гвардейская), переданными из 3-й ударной армии, артиллерийской дивизией (20-я), танковой бригадой (118-я) и двумя самоходно-артиллерийскими полками¹. Кроме нас на плацдарме намечалось развернуть 10-ю гвардейскую армию.

Командование группы армий «Север» в свою очередь приняло решение ликвидировать плацдарм, привлекая оперативные резервы: 12-ю танковую, 13-ю авиаполевую дивизии, роту 502-го батальона танков «тигр» и до полка артиллерии РГК. Вместе с ранее переброшенными к плацдарму полками 30, 93 и 218-й дивизий они были объединены в корпусную группу генерала Вегенера.

В один и тот же день, 28 марта, резервы обеих сторон начали выдвижение к плацдарму. 10-й гвардейской армии предстояло, обходя Новоржев с востока, проделать 140-километровый марш по раскисшим грунтовыми дорогам. 12-я танковая и 13-я авиаполевая дивизии совершали марш по шоссе Псков — Пустошка. Воздушная разведка фронта своевременно обнаружила выдвижение резервов противника. Было ясно, что они подойдут к плацдарму быстрее, чем соединения 10-й гвардейской. Учитывая сложившуюся обстановку, генерал Попов приказал 1-й ударной закрепиться на достигнутом рубеже и быть готовой к отражению вероятного контрудара.

С утра 31 марта после сильной артиллерийской подготовки и авиационного удара части корпусной группы Вегенера и 6-го корпуса СС нанесли контрудар. С запада войска, оборонявшие плацдарм, атаковала 13-я авиаполевая дивизия, усиленная частями 30-й пехотной и 19-й дивизий СС, с юга наносила удар 12-я танковая дивизия с ротой танков «тигр» во взаимодействии с частями 15-й дивизии СС, 93-й и 218-й пехотных дивизий. Первая атака врага была встречена массированным огнем всех видов и отражена с большими для него потерями. Потерпели неудачу и последующие четыре атаки. Тогда противник перешел к блокаде плацдарма и систематическим ударам с воздуха.

Корпусная группа Вегенера была преобразована в 50-й армейский корпус в составе 83, 69 и 23-й пехотных дивизий, переброшенных с других участков. Северо-запад-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 128, л. 86.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6786, д. 62, л. 7—11.

нее плацдарма расположились 12-я танковая, а южнее — 8-я легкопехотная дивизия; 6-й корпус СС был выведен во второй эшелон и переброшен на пассивный участок фронта юго-восточнее Опочки.

Тем временем соединения 10-й гвардейской армии, 12-го гвардейского и 90-го корпусов совершали марш. Увязая в глубоких колеях, машины двигались со скоростью пешеходов. А по обочинам дорог, с большим трудом вытаскивая сапоги из вязкой грязи, шли солдаты. Дивизии растянулись, их тылы и артиллерия отстали. Только 7 апреля войска 1-й ударной и 10-й гвардейской армий смогли перейти в наступление.

Во время нашей полуторачасовой артиллерийской подготовки вражеская артиллерия произвела несколько мощных огневых палетов, а авиация нанесла бомбовые удары, в результате чего части, находившиеся в плотных боевых порядках, понесли серьезные потери еще до начала наступления. Ограниченное количество боеприпасов не позволило нашей артиллерии подавить в необходимой степени огневую систему противника. Перешедшие в атаку части первого эшелона встретили плотный пулеметно-автоматный огонь и лишь на отдельных узких участках смогли вклиниться в оборону врага на 2—3 км. Последующие попытки развить успех первого дня не удались. Мощный заградительный огонь всех видов срывал атаки в самом начале. К 14 апреля положение стабилизировалось, а 18 апреля по указанию Ставки наступление было прекращено. Бои на плацдарме показали, что войска фронта еще не готовы к наступательной операции широкого масштаба и нужны крупные организационные и иные мероприятия по повышению их боеспособности. Эти мероприятия призвано было провести новое руководство фронта и армии.

20 апреля командующим фронтом был назначен генерал-полковник А. И. Еременко. 24 мая командующим 1-й ударной армией вместо генерал-полковника Н. Е. Чибисова, командовавшего ею с 6 апреля, был назначен генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев. 28 апреля убыл на должность начальника генерального штаба Войска Польского генерал-майор В. В. Корчиц. Не только офицерам штаба армии, но буквально всем командирам корпусов и дивизий и офицерам их штабов было грустно расставаться с этим человеком. Его часто можно было видеть не только в штабах соединений, но и в траншеях частей первого эшелона. Он знал в лицо многих командиров частей и подразде-

лений, знал, на что способен каждый из них. Вежливый, тактичный, глубоко эрудированный, особенно в военных вопросах, он располагал к себе людей и пользовался у них заслуженным уважением. Начальником штаба армии 30 апреля был назначен генерал-лейтенант Л. Ф. Милюк. Новый командующий фронтом приступил к ознакомлению с положением и состоянием войск. Начав его с 1-й ударной армии, он побывал в штабе армии, а затем в ряде ее соединений, обратил внимание на малочисленность дивизий (182-я дивизия — 2800, 23-я гвардейская — 3100 человек личного состава), на большое количество неисправного оружия и боевой техники, серьезные перебои в снабжении войск и слабо подготовленную в инженерном отношении оборону. Он потребовал от командования армии создать прочную, устойчивую оборону и приступить к подготовке войск к наступательной операции¹. По его указанию 23—24 апреля 10-я гвардейская армия передала войскам 1-й ударной армии свой участок плацдарма. Таким образом, оборона стрелковеского плацдарма целиком возлагалась на 1-ю ударную армию. И естественно, что основные усилия войск сосредоточивались на левом фланге армии, в районе плацдарма, то есть на 12-й гвардейский корпус (52-я гвардейская, 33, 37, 182, 282-я стрелковые дивизии), новым командиром которого вместо генерала Н. Д. Захватаева стал генерал М. А. Сиязов. Сюда же были нацелены усилия второго эшелона армии — 90-го корпуса генерал-майора Э. Ж. Седулина (208-я стрелковая дивизия, 14-я и 137-я стрелковые бригады) и резерва — 118-й танковой бригады². Соседом слева вповь стала 22-я армия.

Используя накопленный боевой опыт, соединения армии быстрее, чем ранее, под Старой Руссой, закрепились на занимаемом рубеже, создали надежную систему огня, организовали наблюдение, противовоздушную оборону, разведку и другие меры обеспечения. Уже к 30 мая на плацдарме были открыты две сплошные и одна прерывчатая траншеи с сетью ходов сообщения, перед передним краем установлены сплошные проволочные заграждения, созданы противотанковые и противопехотные минные поля, оборудованы наблюдательные и командные пункты, огневые позиции для орудий и минометов. С воздуха плац-

¹ См.: Еременко А. И. Годы возмездия. 1943—1945. М., 1969, с. 224—233.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 605, л. 1.

дарм прикрывала 315-я истребительная авиационная дивизия полковника В. Я. Литвинова. Для выполнения этой задачи дежурные звенья перебазировались ближе к фронту и своевременно вылетали на перехват вражеской авиации. Только за 16 мая они провели шесть воздушных боев и сбили девять самолетов врага.

В результате накопленного боевого опыта и более тщательной подготовки намного лучше действовала разведка армии. Разведпоиски стали более инициативными и, как следствие, большей частью успешными. Подлинными мастерами разведки были младший лейтенант Н. А. Король (52-я гвардейская дивизия), действия которого отличались особой дерзостью и нешаблонностью, младший лейтенант В. Горелов и старшина С. В. Озерецковский (146-я дивизия), награжденный за смелый разведпоиск в ночь на 3 июня орденом Красного Знамени, ефрейтор В. И. Языков (33-я дивизия), первым в армии ставший кавалером ордена Славы трех степеней¹.

Был проведен также ряд разведок боем. Особых успехов достигла в этом 33-я стрелковая дивизия, командиром которой в мае стал энергичный генерал-майор П. М. Шафаренко, сменивший генерала И. В. Грибова. Так, 23 июня разведотряд в составе двух рот 82-го стрелкового полка внезапной атакой овладел сильным опорным пунктом врага перед правым флангом нашего плацдарма — деревней Новый Путь. Стремясь вернуть его, подразделения 322-го охранного полка противника 24—25 июня предприняли 17 контратак силой от взвода до батальона при поддержке 3—5 танков. Однако все атаки врага были отражены. За овладение вражеским опорным пунктом и умелое руководство подразделениями при отражении контратак генерал Н. Д. Захватаев награжден орденом Александра Невского, командира роты капитана В. Г. Любимова и командира поддерживающей батареи старшего лейтенанта С. С. Казанцева².

Активизировали свою деятельность снайперы. Счет уничтоженных ими гитлеровцев, начатый под Старой Руссой, продолжал расти на Великой. На слете снайперов, состоявшемся 23 мая, среди лучших назывались лейтенант П. Г. Савченко (26-я дивизия), подготовивший 124 снайпера, ефрейтор И. Н. Головин (33-я дивизия), истребивший 294 гитлеровца, младший лейтенант М. А. Поддубный и сержант М. Поддубный (282-я дивизия), унич-

тожившие соответственно 252 и 203 гитлеровца, старший сержант Иванов и сержант Лунев (146-я дивизия), имевшие на своем счету 185 и 171 гитлеровца, а также девушки-ки-снайперы 23-й гвардейской и 182-й дивизий¹.

Для преодоления трудностей в обеспечении войск необходимыми материальными средствами по указанию генерала Еременко было начато строительство узкоколейки Чихачево (60 км южнее Дно) — Выбор — Копылово. Для подвоза боеприпасов и горючего привлекался 54-й автополк РГК². Для снабжения армии печеным хлебом зачастую переключалась с боевых полетов дивизия легкомобильной авиации. До 3 мая она сделала свыше 3 тыс. самолетов-вылетов.

Проезжие состояние дорог поддерживали части 208-й дивизии 90-го корпуса, 43-я гвардейская латышская дивизия, 143-й армейский запасный стрелковый полк, а также инженерно-саперные батальоны. На наиболее трудных участках дорог действовали специальные тракторные отряды.

В итоге напряженной работы командования и штаба армии, командиров и штабов соединений, политорганов, начальников родов войск и служб, а также личного состава соединений к началу июля первая задача, поставленная командующим фронтом, — создать прочную оборону — была выполнена. Параллельно шло выполнение и второй задачи — подготовки войск армии к наступлению.

9 мая Военный совет армии утвердил «Программу боевой подготовки частей и соединений 1-й ударной армии, находящихся в резерве, на 10-дневный срок обучения», а также месячный план подготовки. Основная тема всех учений и занятий — действия усиленного стрелкового батальона при штурме оборонительной полосы противника и бой в глубине обороны и их всестороннее обеспечение.

На учения соединения и части поочередно выводились в тыл, где по образцу немецкой обороны были сооружены траншеи и заграждения. Бойцы отрабатывали на этих учениях бросок в атаку, штурм дзота, бой в траншеях, преодоление минных полей, завалов, водных преград, уничтожение вражеских танков. Для артиллерийских частей был оборудован полигон и организованы показательные и учебные стрельбы.

В мае — июне были проведены армейские, корпусные и дивизионные сборы разведчиков, артиллеристов, танки-

¹ ЦАМО, ф. 1165, оп. 1, д. 2, л. 75.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 722, л. 13.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6830, д. 73—90, л. 133.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 746, л. 133.

стов, саперов, химиков и других специалистов. Никогда еще штаб и войска армии не занимались боевой учебной столь напряженно, как в мае — июне 1944 г.

Напряженно работали в этот период также партийно-политические органы. По плану, утвержденному Всенным советом, политотдел армии провел семинары с начальниками политотделов корпусов и дивизий, заместителями командиров полков по политической части, агитаторами частей и подразделений.

В мае были проведены слеты лучших пехотинцев, разведчиков, снайперов — стрелков и артиллеристов; лучших старшин, сержантов и рядовых — ветеранов полков; солдат нерусской национальности; военнослужащих-женщин. В беседах с личным составом политработники разъясняли, что после Октябрьской революции Прибалтика, которую предстоит освободить и войскам армии, была оторвана от Советской России и Советская власть установилась там только в 1940 г., что три года оккупации гитлеровская и националистическая пропаганда обрабатывала население в духе вражды ко всему советскому. Поэтому перед воинами стоит задача терпеливо разоблачать вражескую клевету, рассказывать населению о лепинской национальной политике, об освободительной роли Советской Армии, подчеркивая, что Советская Прибалтика — неотъемлемая часть Советского Союза, высоко держать честь и достоинство воина-освободителя. На митингах, партийных и комсомольских собраниях бойцы давали обещание не жалеть сил и самой жизни для изгнания врага из Прибалтики. Особое внимание политорганы уделяли созданию в частях и подразделениях боеспособных партийных и комсомольских организаций, многие из которых сильно поредели в ходе весенней операции. С апреля по июль в члены и кандидатами в члены партии было принято несколько тысяч воинов, отличившихся в боях.

В мае — июне были осуществлены некоторые штатно-организационные изменения. К 9 июня на новый штат перешло полевое управление армии. Были упразднены авиаотдел и отдел устройства оперативного тыла. Окончательно заняли свое место в управлении войсками корпусные управления. Так, входившие в состав армии 11 соединений объединялись управлениями трех стрелковых корпусов — 12-го и 14-го гвардейских, 90-го¹. Правда, со-

став корпусов не был стабильным, он часто менялся даже в ходе операций, что зачастую приводило к неустойчивости управления войсками.

В начале мая по приказу командующего фронтом от 27 апреля последние стрелковые бригады, входившие в состав армии, — 14-я отдельная Чудовская Краснознаменная и 137-я отдельная Дновская — были расформированы. На их основе создавалась 321-я Чудовско-Дновская Краснознаменная стрелковая дивизия в составе 72, 74, 79-го стрелковых и 986-го артиллерийского полков¹. По штату в дивизии насчитывалось 4175 человек. Командиром дивизии был назначен бывший командир 208-й дивизии полковник В. К. Чесноков.

На основании приказа Народного комиссара обороны от 16 мая для усиления возможностей контрбатареинной борьбы в составе армии к 10 июня была сформирована 137-я армейская пушечная Рославльская артиллерийская бригада в составе двух дивизионов 152-мм гаубиц-пушек (24 орудия), дивизиона 122-мм пушек (12 орудий) и дивизиона артиллерийской инструментальной разведки². Командиром бригады стал бывший командир 701-го армейского пушечного артиллерийского полка полковник А. Я. Пумпур. Для непосредственной поддержки стрелковых корпусов помимо ранее имевшегося в составе армии 37-го гвардейского корпусного артиллерийского полка был сформирован 8-й корпусной артиллерийский полк трехдивизионного состава (шесть 122-мм пушек в каждом). В целях усиления противовоздушной обороны дивизий приказом по армии от 28 апреля в стрелковых дивизиях были сформированы отдельные зенитно-пулеметные роты (97 человек, 18 крупнокалиберных зенитных пулеметов)³.

На основании приказа фронта от 27 мая на базе 2-го и 28-го армейских инженерных, 134-го и 738-го фронтных моторизованных инженерных батальонов к 8 июня сформирована 49-я армейская инженерно-саперная бригада в составе 187, 188, 190 и 191-го инженерно-саперных батальонов и отдельного парка ЛПП⁴. Численность бригады 1476 человек. Командиром бригады был назначен бывший корпусной инженер 12-го гвардейского стрелкового корпуса полковник Т. Я. Рогович.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6738, д. 6, л. 159—160.

² Там же, л. 260.

³ Там же, л. 162.

⁴ ЦАМО, ф. 301, оп. 6830, д. 196, л. 48—52.

¹ ЦАМО, ф. 239, оп. 9801, д. 7, л. 47—48.

Большое значение имело усиление ремонтно-восстановительных возможностей армии и стрелковых корпусов. На базе 20-й подвижной авторемонтной базы к 25 мая был сформирован 251-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон, а в корпусах — подвижные авторемонтные базы¹.

Все эти перемены в организационной структуре армии были лишь частью широких мероприятий, проводившихся в 1943—1944 гг. в Советской Армии в целях повышения боевых возможностей и ударной силы армейских объединений. Самоотверженная, героическая работа советских людей в тылу позволила оснастить армию новым вооружением и боевой техникой во всевозрастающем объеме.

В мае — июле соединения армии получили весьма ограниченное пополнение личного состава. Оно шло в основном за счет выздоравливающих из госпиталей и лиц призывных возрастов из районов, освобожденных в ходе Ленинградско-Новгородской операции. Этого пополнения было крайне недостаточно для восстановления организационного состава и штатной численности частей и соединений. Так, к началу наступательной операции 23-я гвардейская дивизия имела номинально 7 стрелковых батальонов, 18 рот численностью в среднем 35 человек, 33-я дивизия — 6 батальонов, 15 рот численностью в среднем 43 человека². Аналогичное положение было и в других дивизиях армии. Генерал А. И. Еременко приказал расформировать третьи батальоны полков стрелковых дивизий, иметь в каждом полку два батальона трехротного состава, доведя численность рот до 80 человек, по мере поступления автоматического оружия заменить в ротах винтовки образца 1891 г. на автоматы.

Военному совету армии, командирам, штабам и политоргнам по-прежнему приходилось прилагать немало усилий, чтобы обеспечить нормальную деятельность тыла. Состояние дорог и автотранспорта было таким, что текущие потребности войск удовлетворялись лишь в минимальной степени. По состоянию на 1 мая армия имела всего 2854 автомашины вместо положенных по штату 387³. Автомобили были весьма изношенными, почти 21 процент их простаивал из-за неисправностей. Подвоз материальных средств в армии осуществляли 139-й и 781-й

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6788, д. 6, л. 230.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 566, л. 83, 84.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6780, д. 3, л. 29.

автомобильные батальоны с общей грузоподъемностью 227 т, в то время как для полного обеспечения требовалось ежедневно доставлять 450—500 т грузов. Только после завершения строительства узкоколейной железной дороги от Чихачево до Копылово (11,5 км) с пропускной способностью 1000 т грузов в сутки появилась возможность не только удовлетворять текущие потребности войск, но и улучшить их обеспечение. Приказом по тылу армии с 12 июля армейская база из Сущево (90 км от линии фронта) перемещалась в Копылово (20—25 км), а головные отделения складов — в район Барсуки. К началу наступательной операции в войсках и на складах армии удалось создать запасы: боеприпасов — 2,5 боекомплекта, ГСМ — 0,9 заправки (при норме 2,5 заправки), продовольствия — 7, фуража — 13,9 сутокажи¹. Таким образом, войска в основном были обеспечены для наступления всем, кроме горючего. Впоследствии это весьма отрицательно повлияло на ход боевых действий, особенно в Тартуской операции.

Более успешно решался вопрос с ремонтом оружия. Служба артвооружения, руководимая подполковником И. Г. Парицким, развернула интенсивный ремонт стрелкового оружия и отчасти минометов и орудий. Ремонтные мастерские армии и соединений нередко производили работы, требующие специального оборудования, высоких технических знаний и навыков. Благодаря хорошей работе бойцов-оружейников все части и подразделения к началу наступления имели необходимый комплект исправного оружия.

Труднее обстояло дело с ремонтом автопарка. Количество неисправных машин и тракторов неуклонно росло (так, на 1 мая их было 593, а к концу мая — уже 699 — почти четверть автопарка армии), а производственные мощности 20-й армейской подвижной ремонтной базы составляли всего 80 средних ремонтов в месяц². Реорганизация базы в ремонтно-восстановительный батальон армии и создание ремонтных баз в корпусах во второй половине мая позволили несколько выправить положение.

В итоге большой и напряженной работы командиров, политработников, работников службы тыла к середине июля личный состав соединений и частей армии имел основательную тактическую и огневую подготовку, изучил

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 746, л. 178.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6780, д. 3, л. 30.

материальную часть оружия и боевой техники, научился лучше ее использовать. Возрос и укрепился морально-боевой дух воинов, чему в немалой степени способствовали победы советских войск на Украине и в Белоруссии. В целом заметно повысились боевые возможности частей и соединений армии, их способность к ведению решительных наступательных операций.

Глава 9.

В ПСКОВСКО-ОСТРОВСКОЙ И ТАРТУСКОЙ ОПЕРАЦИЯХ

23 июня на центральном стратегическом направлении советско-германского фронта войска трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов начали крупнейшую наступательную операцию 1944 г. — операцию «Багратион». Они нанесли поражение немецкой группе армий «Центр» и к 3 июля продвинулись на 225—280 км, освободили большую часть Белоруссии, вышли к восточным границам Латвии и Литвы и продолжали стремительное наступление в направлении Шяуляя и Вильнюса. Их дальнейшее продвижение грозило отсечением группы армий «Север» от основных сил немецко-фашистской армии и разрывом ее сухопутных коммуникаций с Германией. В этих условиях дальнейшее удержание Прибалтики и оборона на линии «Пантера» становились не только очень сложными, но и опасными. Расчеты гитлеровского командования на то, что удастся остановить наступление советских войск в Белоруссии, а значительное количество боеспособных дивизий в составе группы армий «Север» и система оборонительных рубежей позволят удерживать Прибалтику длительное время, срывались. В результате наступления войска 1-го Прибалтийского фронта все больше охватывали южное крыло группы армий «Север». В этих условиях командование группы армий было вынуждено для его прикрытия снимать с северного и центрального участков одну дивизию за другой. Так, из состава 50-го корпуса были переброшены на левое крыло группы армий 23-я и 69-я дивизии. В районе стрежневского плацдарма осталась только 83-я немецкая пехотная дивизия.

Ставка Верховного Главнокомандования предвидела такой ход событий и к началу июля разработала план стратегической операции, имеющей целью сорвать планы

немецко-фашистского командования и ускорить освобождение республик Советской Прибалтики¹. К участию в операции привлекались войска Ленинградского, трех Прибалтийских фронтов, корабли Балтийского флота и авиация. На основе указаний Ставки командования фронтов разработали свои планы наступательных операций.

При докладе Военного совета 3-го Прибалтийского фронта в Ставке встал вопрос, где целесообразнее нанести главный удар. Замыслом операции, разработанным фронтом, предусматривалось нанести его между Псковом и Островом, с тем чтобы разобщить псковскую и островскую группировки противника, затем форсировать реку Великая и далее развивать успех в направлении Тарту. И. В. Сталин, глядя на карту района предстоящих действий, поинтересовался, нет ли плацдарма на реке Великая. Генерал Штеменко ответил, что плацдарм вообще-то есть, но маленький, не имеющий оперативного значения. Далее произошел такой разговор.

«— Товарищ Штеменко, а кто его занимает? — спросил Сталин.

— Части 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта.

— Давайте посмотрим, как далеко он удален от Масленникова².

Показав на карте, генерал Штеменко доложил, что удаление его совсем незначительно. 1-я ударная армия, удерживающая на Великой этот условно названный «стрежневский» плацдарм, правым флангом примыкает к левому крылу 3-го Прибалтийского фронта.

Сталин удивленно посмотрел и сказал:

— Получается, что у соседа на Великой есть плацдарм, а у самого Масленникова, которому он так необходим, нет даже и малозначительного.

Немного подумав и заглянув на карту с обозначением границы двух соседних фронтов и небольшого пространства в восточной излучине реки Великой, неожиданно приковавшего к себе повышенное внимание, Верховный, вроде бы подытоживая диалог, тихим голосом заключил:

— Здесь мы ищем решение — где иметь ударный кулак Масленникова и куда его направить для достижения

¹ См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, кн. 1, с. 351—352.

² Имеются в виду войска 3-го Прибалтийского фронта, которыми командовал генерал армии И. И. Масленников.

успеха, а оно, оказывается, ищет нас само. Согласен. Величина плацдарма на Великой мала. Но для рачительного командующего это не единственный критерий. Разве нам неизвестны примеры, когда с небольших речных плацдармов брали начало крупные и успешные операции?»¹

Так определились роль и место 1-й ударной армии в предстоящей Псковско-Островской операции. С 7 июля по директиве Ставки 1-я ударная армия в составе шести дивизий и двух корпусных управлений была передана 3-му Прибалтийскому фронту. Новым планом Псковско-Островской операции, разработанным штабом фронта в соответствии с указаниями Ставки, предусматривалось нанести главный удар с стрелковом плацдарме силами 1-й ударной и 54-й армий (всего 15 дивизий) в северо-западном направлении в обход наиболее сильно укрепленного участка рубежа «Пантера» — Псков, Остров. Далее во взаимодействии с 67-й и 42-й общевойсковыми и 14-й воздушной армиями разгромить псковско-островскую группировку противника и на 7-й день операции овладеть рубежом Остров, Лиепна, Балви, Гулбенэ (глубина 150 км). В дальнейшем наступать в общем направлении на Выру и на 15-й день операции овладеть рубежом Псков, Выру (глубина 110 км). Начало операции намечалось на 17 июля 1944 г.²

8 июля директивой фронта армии была поставлена задача нанести удар левым флангом в направлении Лиепны (50 км западнее Острова), имея ближайшей задачей выйти на рубеж реки Сивия. В последующем подвижной группой достигнуть рубежа Рахманово, Лиепна, Малупе и во взаимодействии с 67-й армией овладеть Островом.

10 июля для оказания помощи в подготовке операции в штаб фронта прибыли представители Ставки генералы С. М. Штеменко, Н. Д. Яковлев и Г. А. Ворожейкин. В целях уточнения решения командующего фронтом на местности генерал Штеменко вместе с генералом Масленниковым выехали на стрелковом плацдарме. С наблюдательного пункта генерала Захватаева они ознакомились с плацдармом: его площадью, характером местности, инженерной подготовкой — и утвердились в мнении, что, несмотря на ограниченные размеры, на нем можно благодаря лесным маскирам и инженерному оборудованию скрыт-

но разместить в исходном положении силы и средства первых эшелонов трех стрелковых корпусов.

В полосе намеченного прорыва 1-й ударной армии (6 км) сосредоточивались: пять стрелковых дивизий (23-я, 52-я гвардейская, 33, 85, 282-я), 16-я танковая бригада, 51-й и 258-й отдельные танковые полки, 332-й гвардейский и 724-й самоходно-артиллерийские полки, 2-я артиллерийская дивизия прорыва, 137-я и 141-я армейские пушечные бригады, 37-й гвардейский, 8-й корпусные и 1486-й пушечный артиллерийские полки, 10-я бригада и два отдельных полка (319-й и 320-й) гвардейских минометов, 30-я минометная бригада и два отдельных минометных полка (110-й, 618-й), 48-я истребительно-противотанковая бригада, 1186-й истребительно-противотанковый артполк¹. Всего в составе ударной группировки насчитывалось 45 стрелковых батальонов, 920 орудий и минометов, 147 танков и самоходно-артиллерийских установок. Эта группировка прикрывалась 41-й зенитно-артиллерийской дивизией полковника П. В. Мамченкова и 330-й истребительной авиационной дивизией полковника А. М. Андреева, поддерживалась 206-й штурмовой авиационной дивизией полковника В. Н. Рыбакова и 280-й смешанной авиационной дивизией подполковника П. М. Подмогильного.

Ударной группировке армии противостояла часть 50-го армейского корпуса 18-й армии противника в составе 83-й пехотной дивизии, 94-го охранного полка из 207-й охранной дивизии, дивизиона из бригады штурмовых орудий и артиллерийского дивизиона РКК.

Плотности сил и средств войск армии были достаточно высокими: по пехоте — 7,5 батальона, по артиллерии — 150 орудий и минометов, по танкам — 25 танков и самоходно-артиллерийских установок на 1 км фронта — значительно больше, чем в сражениях под Москвой и Старой Руссой. Войска армии превосходили противостоящего противника по пехоте и танкам более чем в три раза, а по артиллерии и минометам почти в восемь раз.

В соответствии с поставленной задачей генерал Н. Д. Захватаев решил, сковавывая противника перед правым флангом и центром армии в полосе 31 км силами 146-й дивизии и 143-го армейского запасного стрелкового полка, нанести удар левым флангом в полосе 6 км силами

¹ Военно-исторический журнал, 1971, № 6, с. 77—78.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 537, л. 21—30.

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 434, л. 24—25; ф. 301, оп. 6782, д. 155, л. 210.

14-го и 12-го гвардейских корпусов и прорвать его оборону на участке Новый Путь, Суки. Ближайшая задача — разгромить противостоящие части 83-й пемсцкой пехотной дивизии и к исходу дня выйти на рубеж река Синяя на участке Касьяны, Яунлатгале. В последующем 14-му корпусу наступать в направлении Острова, 12-му корпусу и подвижной группе — в направлении Лиенпы¹.

Здесь необходимо отметить, что впервые в оперативном построении армии появился новый элемент — подвижная группа (ПГА). В ее состав входили 85-я стрелковая дивизия, 16-я тапковая бригада, 48-я истребительно-противотанковая бригада, 724-й самоходно-артиллерийский полк, 187-й инженерно-саперный батальон. Возглавил группу командир 85-й дивизии полковник А. Я. Ордаковский. Ей предстояло после прорыва обороны противника на глубину 10—15 км войти в образовавшуюся брешь и, не ввязываясь в бой с мелкими группами противника, наступать в общем направлении на Лиенпу.

Шла напряженная подготовка к предстоящему наступлению. Войска ударной группировки 3-го Прибалтийского фронта спешно завершали перегруппировку и занимали исходное положение для наступления. На плацдарм выходили части 54-й армии, принимая от 1-й ударной его восточную половину. На северном берегу Великой у плацдарма и на самом плацдарме сосредоточивались основные силы и средства усиления фронта: 80 процентов артиллерии, все гвардейские минометные части и танки. В связи с размещением на плацдарме главных сил двух армий и для обеспечения наступления потребовалось дооборудовать исходный район — соорудить дополнительные наблюдательные пункты, увеличить количество ходов сообщения, произвести в некоторых местах сближение с противником до 80—150 м, построить три моста через реки Великая и Петь, продолжить колонные пути до проходов в минных заграждениях. Все это было выполнено в срок.

15 июля Военный совет фронта обратился к войскам с призывом выполнить почетную и важную задачу — освободить от немецко-фашистских захватчиков старинные русские города Псков, Остров и вступить в районы Советской Прибалтики. Не меньше, чем этот призыв, воодушевляло бойцов и продолжающееся успешное наступление советских войск в Белоруссии. Боевой порыв личного состава был, как никогда, высоким. И вполне закономерным

поэтому стал, начиная с первого дня операции, массовый героизм воинов армии.

По указанию генерала Еременко под вечер 16 июля на плацдарме была проведена разведка боем. Противник встретил передовые батальоны сильным огнем и на всех участках отразил их атаку. Только частям 23-й гвардейской и 33-й дивизий удалось овладеть передним краем обороны противника, чему в немалой степени способствовали успешные действия артиллеристов 1186-го армейского истребительно-противотанкового полка, огнем прямой наводкой уничтоживших много огневых точек врага. Только расчет старшего сержанта И. А. Шапопникова уничтожил два дзота, противотанковое орудие, станковый пулемет и 12 гитлеровцев. И. А. Шапопников был награжден орденом Славы II степени¹.

Генерал Н. Д. Захватаев приказал немедленно развить достигнутый успех вводом в бой главных сил дивизий. К полуночи 82-й полк полковника Д. Я. Жаворонкова и 164-й полк подполковника С. А. Купширенко из 33-й дивизии завершили прорыв первой и вышли ко второй позиции противника. Стало ясно, что момент для перехода в решительное наступление настал.

Первый же бой пополнил славную когорту Героев Советского Союза — воинов 1-й ударной армии. Им стал старшина И. И. Козлов, помощник командира взвода 82-го стрелкового полка 33-й дивизии. Он первым поднялся в атаку, ворвался во вражескую траншею и уничтожил шесть гитлеровцев. Затем гранатами подорвал еще пять гитлеровцев и станковый пулемет. Под сильным пулеметным огнем врага ворвавшись во вторую траншею, отважный воин уничтожил десять гитлеровцев и четверых взял в плен. Умело используя темпоту и применяясь к местности, он подорвал противотанковое орудие и четыре пулемета с их расчетами. После выхода из строя командиров принял на себя командование взводом, а затем и ротой. Подразделения под его командованием прорвались на огневые позиции артиллерии, уничтожили более 30 гитлеровцев, захватили 5 105-мм орудий и 12 пленных. Будучи трижды раненым, Козлов не ушел с поля боя².

Ранним утром 17 июля на наблюдательный пункт армии приехали генералы Захватаев, Масленников и Штеменко. Как всегда перед началом крупной операции, все

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 566, л. 37.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 7603, л. 20.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 22, л. 72.

находились в крайнем напряжении, разговаривали вполголоса, словно боялись нарушить торжественность момента. Все давно палажено, но все-таки каждый еще и еще раз что-то проверял и уточнял. Стояла типина, прерываемая отдельными пулеметными очередями. Светало. Наступила решающая минута — и картина резко изменилась. По сигналу генерала Захватаева артиллерия обрушила на оборону врага мощный вал огня. В воздухе появилась фронтальная авиация. Такого количества красноезвездных самолетов войны армии еще не видели. От разрывов снарядов и бомб все заволочило дымом и пылью. Противник, видимо, ожидал длительной артиллерийской подготовки, и наша пехота с танками, атаковавшая его сразу после мощного огневого налета, застала большую часть подразделений прикрытия в блиндажах и нишах. Это позволяло сразу же дезорганизовать оборону противника и начать энергичное продвижение в глубину.

Успешное развитие наступления дало возможность ранее намеченного времени ввести в сражение подвижную группу армии. К исходу дня группе удалось продвигаться на 20 км и перерезать шоссе Остров — Опочка. Используя ее успех, на шоссе вышли части 33-й и 52-й гвардейской стрелковых дивизий на участке Горай, Ельняны¹. Чтобы обеспечить непрерывность наступления, с вечера вступили в бой вторые эшелоны дивизий. В конце дня во всех подразделениях прошли 10-минутные митинги, на которых лично составу было объявлено об успехах их части, соединения и армии в целом.

С утра 18 июля наступление возобновилось с новой силой. Используя успех главных сил, форсировала Великую 146-я дивизия и, продвигаясь вдоль ее западного берега, начала свертывать оборону 21-й немецкой авиаполевой дивизии перед правым флангом армии. Противник оказывал упорное огневое сопротивление в населенных пунктах, на узлах дорог, на переправах через Вершу и Синюю, но ему становилось все труднее сдерживать напор наших войск. За двое суток наступления 1-я ударная и 54-я армии завершили прорыв линии «Пантера» в полосе до 70 км на глубину до 40 км. Было освобождено свыше 700 населенных пунктов².

Подвижная группа армии, развивая успех, углубилась в лесисто-болотистый район юго-западнее Острова, и к ве-

черу связь с ней прекратилась. Чтобы отыскать группу, ориентировать командира в обстановке и поставить ему задачу на последующие действия, по указанию генерала Захватаева был послан офицер оперативного отдела капитан В. Д. Базаров на мотоцикле с коляской. Выполнить это задание было невероятно трудно, тем не менее офицер связи к 3 часам 19 июля в густом лесу нашел штаб подвижной группы, выяснил обстановку, уточнил боевую задачу. На обратном пути капитан едва не попал в лапы гитлеровцев. За умелые действия В. Д. Базаров был награжден орденом Красного Знамени.

19 июля был передан приказ Верховного Главнокомандующего с благодарностью войскам 3-го Прибалтийского фронта за образцовое выполнение боевых задач и прорыв обороны врага. Это была третья благодарность, полученная войсками армии от Верховного Главнокомандующего. В 22 часа Москва от имени Родины салютовала войскам фронта 20 залпами из 224 орудий. Редакция армейской газеты текст приказа Верховного Главнокомандующего размножила в виде листовок, чтобы бойцы могли послать их на родину. Так делалось и в дальнейшем при получении благодарственных приказов.

Командование 18-й немецкой армии было явно обескуражено столь быстрым продвижением советских войск. Опираясь на оборонительные обводы Острова и используя рубежи меридионально текущих рек — Лъжа, Ритупе, Утроя — южнее города, оно прилагало все усилия, чтобы сбить темп наступления. 19 и 20 июля на подступах к Острову разгорелись ожесточенные бои. В них с обеих сторон участвовало большое количество авиации. Только к исходу 20 июля сопротивление противника было сломлено и, развивая успех, 23-я и 52-я гвардейские, 33-я дивизии глубоко охватили островский узел обороны врага с юга. Этот успех был достигнут благодаря подлинно героическим действиям стрелков, танкистов, артиллеристов, саперов.

При форсировании реки Лъжа южнее Острова, когда батальон был прижат к земле огнем вражеского дзота, пулеметчик 1014-го полка 288-й дивизии П. Симаков, используя скрытые подступы к реке, перешел ее по горло в воде. Толкая «максим» впереди себя, он подполз к дзоту и, сделав бросок, втолкнул ствол пулемета в его амбразуру и в упор расстрелял фашистов. Возбешенной дерзостью советского пулеметчика, гитлеровцы атаковали его, но Симаков подпустил их на близкое расстояние и унич-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 672, л. 12.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 434, л. 70—73.

тожил. Своими отважными действиями Симаков помог батальону форсировать реку быстро и с минимальными потерями. Герой был награжден орденом Красного Знамени.

Командир танкового взвода старший лейтенант Б. А. Шварев под сильным огнем противника вброд форсировал реку Кухва у деревни Носкова (10 км южнее Острова), уничтожил два противотанковых орудия, два пулемета и до взвода вражеской пехоты. Ценой жизни он обеспечил успешное форсирование реки стрелковыми подразделениями.

Танковый взвод 258-го полка под командованием лейтенанта Миронова, вырвавшись вперед, не дал гитлеровцам возможности взорвать мост через реку Утроя в районе Федосино, по которому, не снижая темпа продвижения, переправились части 23-й гвардейской дивизии¹.

Командир взвода 124-го артиллерийского полка 52-й гвардейской дивизии гвардии лейтенант Фомочкин, сопровождая 151-й стрелковый полк, выдвинул орудия на прямую наводку, сам встал у одного из них вместо выбывшего из строя наводчика и подазил пять огневых точек врага, чем обеспечил пехоте быстрое форсирование реки Льяка. За смелые и решительные действия он был награжден орденом Красной Звезды².

Сапер 187-го инженерно-саперного батальона ефрейтор И. С. Демарев, действуя в группе сопровождения танков, разминировал брод через реку Льяка у Волосово и обеспечил форсирование ее танками, в Пезлово первым соскочил с танка, уничтожил пять гитлеровцев и вместе с товарищами захватил знамя вражеской части. Он был награжден орденом Славы II степени³. И таких подвигов были десятки.

Глубокий обход Острова вынудил командование 18-й немецкой армии начать отвод частей 38-го корпуса с позиций восточнее города. 21 июля в 3 часа перешла к преследованию и 67-я армия. К 11 часам ее 44-я стрелковая дивизия с востока и 146-я дивизия 1-й ударной армии с юго-востока на плечах отступавшего врага ворвались в сильно разрушенный город⁴. Передовой отряд 146-й ди-

визии западнее города перехватил колопцу угоняемых гитлеровцами жителей. Было освобождено около 400 советских людей.

В боях за город отличился командир 1-го батальона 608-го стрелкового полка майор Т. С. Рымарь. Воспользовавшись тем, что командир саперного взвода полка лейтенант Слизикий опередил вражеских подрывников и перерезал провода, ведущие к фугасам, установленным в опорах моста, он во главе батальона ворвался в центральную часть города и в рукопашной схватке завершил уничтожение его гарнизона. В 11 часов комсорг батальона рядовой Борисочкин подружил на крыше одного из домов красное знамя. Майор Т. С. Рымарь был награжден за мужественные действия орденом Красного Знамени.

14 августа в Острове состоялся митинг. На него был приглашен и майор Рымарь. Он рассказал о бое за город, отдал дань памяти павших товарищей и в заключение сказал, что у него есть три желания: окончить войну победой; вернуться со своим батальоном в город и пройти по нему парадным маршем, а потом остаться в нем жить; а если он погибнет, пусть назовут его сыном города и похоронят здесь, рядом с товарищами. 19 сентября при отражении контратаки врага под Тарту Рымарь погиб и был похоронен на центральной площади города Остров.

21 июля был передан по радио приказ Верховного Главнокомандующего, в котором объявлялась благодарность войскам 3-го Прибалтийского фронта за овладение сильным узлом обороны врага — городом Остров. В честь воинов-освободителей Москва салютовала 12 залпами из 124 орудий. Приказом Верховного Главнокомандующего от 9 августа почетное наименование «Островские» было присвоено 146-й дивизии (генерал-майор С. И. Карапетьян), 2-й артиллерийской дивизии прорыва РВГК полковника С. В. Фастрицкого, 258-му танковому полку подполковника М. Л. Жилы, 280-й смешанной авиационной дивизии подполковника П. М. Подмогильного и 330-й истребительной авиационной дивизии полковника А. М. Андреева. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа были награждены: орденом Красного Знамени — 23-я гвардейская, 33-я стрелковые дивизии, 137-я армейская артиллерийская бригада, 51-й танковый, 37-й гвардейский артиллерийский, 110-й минометный и 1186-й истребительно-противотанковый артиллерийский полки, 712-й отдельный линейный батальон связи; орденом Суворова II степени — 52-я гвардейская дивизия; орденом

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6794, д. 51—57, л. 55.

² См.: Пантюхов Г. Г. Люди одной дивизии. М., 1977, с. 149—150.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 7606, л. 270.

⁴ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 672, л. 15.

(35 км северо-западнее Острова), 25—26 июля выйти на рубеж Хохлы, Качанава, озеро Дубохиново¹. Выполняя этот приказ, генерал Захватаев сдвинул к правому флангу оба корпуса. При этом левая половина полосы наступления армии оказалась свободной. По указанию генерала Масленникова ее занял 123-й корпус 54-й армии генерал-майора В. А. Вержбицкого в составе 53-й гвардейской, 285-й и 364-й дивизий генерал-майора И. И. Бурлакина, полковников Н. Ф. Сухарева и И. А. Воробьева. Корпус затем был переподчинен 1-й ударной армии.

Продолжая наступление западнее и юго-западнее Острова, войска армии вступили в пределы труднопроходимой лесисто-болотистой Псково-Лубанской низменности с большим количеством рек, ручьев, озер. Темп наступления войск резко снизился. Отходящий противник усиленно минировал дороги, объезды, дефиле. Форсировав с боями реки Утроя, Кухва, Кира, Вяда, войска армии 23—24 июля вышли к промежуточной позиции противника на рубеже Качанава, Панкратава, Жигури, Виляка. На направлении главного удара армии противник развернул части 227-й пехотной дивизии, перебрасываемой из района Нарвы под Вильнюс². Попытка наших войск с ходу преодолеть позицию успеха не имела.

23 июля в ожесточенном бою в районе Шарاپово (западнее Острова) отличился командир пулеметного взвода 164-го стрелкового полка 33-й дивизии старший лейтенант И. П. Аплетов. Благодаря хорошо организованной системе огня его взвод успешно отражал все контратаки противника силой до батальона. Аплетов лично уничтожил около 100 гитлеровцев. Затем, возглавив стрелковую роту, командир которой выбыл из строя, он по своей инициативе поднял бойцов в атаку, ворвался на позиции противника, захватив шесть 75-мм орудий, семь пулеметов и пленных. Успех роты был развит полком, который освободил деревню Шарапово, и использован для продвижения соседним 75-м стрелковым полком. Героически действовал И. П. Аплетов и в боях 26—27 июля за Качанаву. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза³. В этот же день отличился механик-водитель 51-го танкового полка старший сержант В. Д. Гринько. Применяясь к местности и искусно маневрируя, экипаж его танка уничто-

жил огнем и гусеницами орудие, два пулемета и до 10 гитлеровцев. За умелые действия Гринько был награжден орденом Славы II степени¹.

Большую помощь войскам армии оказала 1-я латышская партизанская бригада (командир В. Самсон), действовавшая на северо-востоке Латвии. От командования этой бригады штаб армии и раньше получал сведения о передвижении противника. В интересах наступления войск армии партизанские отряды с 14 июля устраивали засады, минировали дороги, нарушали связь на путях отхода врага. 24 июля штабы 12-го и 123-го корпусов установили прямой контакт со штабом бригады. Командование бригады по просьбе командиров корпусов выделило проводников в дивизии первого эшелона. С их помощью полк 282-й дивизии 24 июля овладел сильным опорным пунктом врага в деревне Горностаи. Батальон 285-й дивизии 26 июля перерезал дорогу из Лиешы на Алуксне в районе Демпаса. Оставшаяся восточнее группировка врага была охвачена полукольцом, и из нее удалось вырваться лишь отдельным группам гитлеровцев. Разведотряд 52-й гвардейской дивизии захватил мост через реку Ворожка и удерживал его до подхода главных сил дивизии.

24 июля Ставка Верховного Главнокомандования поставила фронту новую задачу — развивать наступление в общем направлении на Алуксне, Валгу и к 27—28 июля выйти на рубеж Выру, Валга, Валмиера. Генерал Масленников решил сохранить основные усилия в центре оперативного построения фронта. Тем самым 1-я ударная армия продолжала оставаться основной силой в составе ударной группировки фронта. Соседние армии создавали свои главные группировки на смежных с ней флангах. В полосе главного удара фронта шириной 50—60 км действовали 1-я ударная, главные силы 67-й и 54-й армий и все средства усиления фронта. Сюда же нацеливались и основные усилия 14-й воздушной армии².

В качестве ближайшей 1-й ударной армии ставилась задача, наступая в общем направлении на Алуксне, Циргулина (15 км северо-восточнее города Валга), не позднее 27 июля перерезать шоссе Псков — Рига. В дальнейшем, развивая успех в обход Валги с севера, не позднее 30 июля выйти в район Тырва (25 км северо-западнее

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2305, д. 7, л. 226—228.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 672, л. 19.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 3, л. 2.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 5196, л. 85.

² См.: Военно-исторический журнал, 1974, № 10, с. 39.

Валги), Валга, Циргулинна¹. 1-я ударная армия была дополнительно усилена из резерва фронта 377-й дивизией полковника С. С. Сафронова, 196-й дивизией генерал-майора П. Ф. Ратова, 122-й танковой бригадой подполковника Д. М. Савочкина, 33-м гвардейским танковым полком, 1433-м танкосамоходным полком, 45-й зенитно-артиллерийской дивизией, 9-й штурмовой инженерно-саперной бригадой, а также управлением 118-го стрелкового корпуса генерал-майора Д. Л. Абакумова². Одновременно по распоряжению генерала Масленникова с 27 июля управление 14-го гвардейского корпуса и 23-я гвардейская дивизия выводились в резерв фронта.

Генерал Захватаев решил прорвать оборону противника смежными флангами 118-го и 12-го гвардейского корпусов, нанося главный удар в направлении Качанова, Лаура (55 км северо-западнее Острова) и вспомогательными силами 123-го корпуса — в направлении Лиепны.

Важно также отметить, что успеху последующих действий во многом способствовали мероприятия партийно-политических органов по поддержанию высокого наступательного порыва войск. Несмотря на сложность обстановки, в ходе наступления до бойцов доводились ежедневно сводки Совинформбюро, выпускались рукописные и печатные листовки о подвигах воинов армии, о зверствах гитлеровцев. В подразделениях практиковалось подведение итогов боя за день. Командир взвода или роты, политработники кратко сообщали результаты боя, отмечали отличившихся, объявляли фамилии представленных к наградам. Здесь же анализировались и недостатки, вскрытые в ходе боя. Это имело огромное воспитательное значение.

С утра 26 июля войска армии возобновили наступление во всей полосе. Противник встретил атакующие части сильным огнем и упорными контратаками. Возрастание его сопротивления, несомненно, способствовало то обстоятельству, что 23 июля командующим группой армий «Север» вместо недостаточно решительного, по мнению Гитлера, генерал-полковника Фриснера был назначен генерал-полковник Шернер. Его, отличавшегося крайней беспощадностью и жестокостью, Гитлер не раз посылал на те участки фронта, где требовалось «навести порядок». Так было и в данном случае.

27 июля на главном направлении соединения 118-го и 12-го гвардейского корпусов продолжали теснить противника. На другом направлении во второй половине дня 364-я стрелковая дивизия 123-го корпуса при содействии частей 12-го гвардейского корпуса и при поддержке 122-й танковой бригады и авиации освободила Лиепну. Однако западнее ее они натолкнулись на сильное сопротивление и дальше продвинуться не смогли. Только в ходе упорных, напряженных боев 28—29 июля сопротивление противника на главном направлении было сломлено, и в ночь на 30 июля он начал отход. Это позволило командующему фронтом вывести из боя 52-ю и 53-ю гвардейские дивизии в свой резерв, с тем чтобы дать им возможность отдохнуть и подготовиться к последующим действиям. А западнее Лиепны продолжались ожесточенные бои. Действовавшие здесь части 227-й немецкой пехотной дивизии, перехватив межозерные и межболотные дефиле, отражали попытки 285-й и 364-й стрелковых дивизий продвинуться в западном направлении.

В этих боях 29 июля бессмертный подвиг совершил командир танковой роты 122-й танковой бригады коммунист лейтенант Н. И. Луговцев. Его рота (восемь Т-34), действуя в составе передового отряда бригады, получила задачу наступать вдоль дороги Лиепна — Зайцево. В районе Докты (западнее Лиепны) рота попала под сильный фланговый огонь вражеской артиллерии, была отсечена от 1216-го полка 364-й дивизии и вынуждена принять бой в невыгодных условиях. Один за другим танки вспыхивали от огня вражеской артиллерии. Был подожжен и танк Луговцева, но он не покинул его, пока не расстрелял все снаряды и патроны. Когда кончились боеприпасы, он в горячей одежде выскочил из танка и бросился навстречу контратакующей цепи гитлеровцев. Сразив в рукопашной схватке офицера и трех солдат, лейтенант погиб. За мужество и героизм, проявленные в бою, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. Н. И. Луговцеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза¹.

30 июля, развивая наступление, войска армии с тяжелыми боями вступили в юго-восточные районы Эстонии и на следующий день вышли к сильному оборонительному рубежу «Мариенбург», проходившему от южного берега Псковского озера через Изборск, Лауру, Алуksне,

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 537—557, л. 81—100.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6794, д. 51—57, л. 104, 112, 148.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 28, л. 170.

по западному берегу реки Педедэ до болота Лиелайс. Разведка армии достаточно полно вскрыла огневую систему и характер инженерного оборудования рубежа. При этом отличился помощник командира взвода разведки 1216-го полка 364-й дивизии сержант К. А. Датунашвили. За успешные действия в разведке он был награжден орденом Славы I степени¹.

Однако попытка с ходу прорвать оборону была отражена сильным огнем и контратаками соединений 38-го армейского корпуса 18-й армии и частью сил 50-го корпуса 16-й армии противника, заблаговременно занявшими этот рубеж. А оперативно-стратегическая обстановка требовала непрерывности наступления, необходимо было не давать врагу передышки и свободы маневра своими резервами. Но наступательные возможности войск 3-го Прибалтийского фронта вследствие понесенных потерь и растянутых коммуникаций резко снизились. В связи с этим Ставка дала директиву о временном переходе к обороне и подготовке к последующей наступательной операции. Псковско-Островская операция завершилась.

В результате операции 1-я ударная армия во взаимодействии с другими армиями фронта прорвала сильно укрепленный оборонительный рубеж «Паитера», нанесла поражение войскам 18-й немецкой армии и вынудила их к отступлению, преодолела трудно проходимую лесисто-болотистую Псковско-Лубанскую низменность. Тем самым были созданы благоприятные условия для развертывания боевых действий на территории восточных районов Эстонии и Латвии.

Ставка предоставила фронту на подготовку новой, Тартуской наступательной операции десять суток. В соответствии с ее указаниями командующий фронтом принял решение в целях разгрома 18-й немецкой армии нанести два удара: главный — смежными флангами 67-й и 1-й ударной армий в направлении Лаура, Выру, вспомогательный силами 54-й армии — в направлении Алуксне, Гауйена. Ближайшая задача армий заключалась в том, чтобы прорвать оборонительный рубеж «Мариенбург» силами главной группировки на участке Троица, Тетерево (16 км) и, обходя крупный лесной массив и заболоченный район севернее Алуксне, на четвертый день операции выйти на рубеж Ряпина на юго-западном берегу Псковского озера, Пылва, озеро Вагула, Сымерна-

лу, Тсору, Харгла; в последующем развивать наступление в направлениях: 67-я армия — на Тарту, 1-я ударная — на Валгу, в дальнейшем — в общем направлении на Пярну, с тем чтобы рассеять группу армий противника по центру. Наступление поддерживали 14-я воздушная армия и артиллерия РВГК. Начало операции планировалось на 10 августа 1944 г.¹

1 августа армия получила директиву о подготовке новой наступательной операции. Силы и средства и полоса наступления армии (32 км) оставались прежними, глубина задач составляла: ближайшей — 45—55 км, последующей — 45—60 км; продолжительность операции — 9—10 суток; темп наступления — 10—12 км в сутки². В полосе наступления армии оборонялись соединения 38-го армейского корпуса противника (121, 30 и 21-я пехотные дивизии) и часть сил 50-го корпуса (227-я дивизия), усиленные 261-м дивизионом штурмовых орудий и 814-м артиллерийским полком РГК. Соотношение сил и средств на направлении главного удара составляло: по пехоте — 4,3:1, по артиллерии — 5:1, по танкам — 4,2:1 в пользу 1-й ударной армии³.

В соответствии с полученной задачей генерал Н. Д. Завхватаев решил нанести главный удар на правом фланге армии 14-м (53, 52, 23-я гвардейские дивизии, вновь вошедшие в состав армии) и 12-м (56, 33, 196-я дивизии) гвардейскими корпусами в направлении Лаура, Рыуге (35 км северо-западнее Лауры). Вспомогательный удар наносил 123-й корпус на левом фланге армии в направлении Алуксне. В дальнейшем планировалось наступать в общем направлении на Валгу.

Штабы, партийно-политические органы, службы тыла армии и соединений развернули энергичную подготовку к предстоящей операции. Разведчики соединений добыли необходимые для командования данные о группировке войск и системе обороны противника, инженерные части улучшили подъездные пути, проложили гати через заболоченные участки, соорудили несколько мостов и отремонтировали шоссе Остров — Аугшпилс. Связисты обеспечили связь штаба армии с соединениями по 2—3 постоянным и кабельно-шестовым линиям, оборудовали самостоятельную связь по линии командных пунктов дивизи-

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 450, л. 14—28.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 15477, д. 2, л. 205—214.

³ ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 450, л. 42; оп. 2255, д. 723, л. 36.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 684046, д. 25, л. 247.

зии с узлом связи на наблюдательном пункте командующего армией, организовали радиосвязь по принципу радионаправлений. 8 и 9 августа по плану дезинформации они передали в эфир данные о прибытии новых дивизий на левый фланг армии. Политработники особое внимание уделяли работе с прибывшим в соединения 14-го корпуса пополнением. За время подготовки операции в ряды партии было принято 857 новых членов, 1064 стали кандидатами в члены ВКП(б). В комсомол вступили 966 молодых воинов. Напряженно поработали в подготовительный период и работники тыла. Армейская база снабжения переместилась в Зайцево, что приблизило ее к тылам соединений и облегчило подвоз боеприпасов и продовольствия; однако на складах было мало бензина и дизельного топлива.

Одновременно с подготовкой Тартуской операций шли частные бои в районе Лауры в целях захвата выгодного исходного района для предстоящего наступления. Уже 3 августа соединения 118-го корпуса начали бои по прорыву обороны противника. Оборонявшие район Лауры части 121-й и 32-й немецких пехотных дивизий оказывали упорное сопротивление. 5 августа после напряженных боев 282-я дивизия овладела Лаурой. Решающую роль при этом сыграли обходной маневр и удар с юго-запада частей 56-й дивизии с 1-м батальоном 122-й танковой бригады¹. Оборона рубежа «Мариенбург» дала трещину. Наступал критический момент.

8—9 августа была завершена подготовка к наступлению. Сменив ослабленные в боях части 118-го корпуса, в первый эшелон на направление главного удара армии вышли отдохнувшие и пополненные 53-я и 52-я гвардейские дивизии 14-го гвардейского корпуса, усиленные 122-й танковой бригадой. Южнее их заняли исходное положение 56-я и 33-я дивизии 12-го гвардейского корпуса, усиленные 16-й танковой бригадой. 10 августа в 6 часов 15 минут после 45-минутной артиллерийской подготовки и авиационного удара они стремительно атаковали и быстро завершили прорыв вражеского рубежа обороны. Уже к 9 часам части 53-й и 52-й дивизий продвинулись на глубину до 3 км. Стремясь предотвратить прорыв своей обороны, командование 18-й немецкой армии предприняло контратаку силами переброшенной из Финляндии 122-й дивизии с пехотным полком 21-й дивизии — резер-

вом командира 38-го корпуса. В завязавшемся встречном бою соединения 14-го гвардейского корпуса нанесли им поражение и, не давая возможности закрепиться, вынудили к отходу. К исходу дня войска армии расширили прорыв до 10 км по фронту и на 6—15 км в глубину.

Военный совет армии направил командирам 14-го и 12-го гвардейских и 123-го стрелкового корпусов телеграмму, в которой объявил благодарности личному составу 52, 53 и 23-й гвардейских стрелковых дивизий за решительные и смелые действия. Передовой отряд 14-го корпуса — 1-й батальон 122-й бригады перерезал шоссе Псков — Рига. Первым в 16 часов на шоссе в районе Горохова (60 км юго-западнее Пскова) вырвался взвод лейтенанта И. И. Быстрова. Здесь танкисты перехватили машину бывшего коменданта Пскова — штандартенфюрера СС, бежавшего на запад. Позже он был осужден советским судом как военный преступник.

Успех первого дня операции развили ночными действиями выделенные для этого батальоны. Утром 11 августа первый эшелон корпусов перешел в решительное наступление. Снова наиболее успешно действовали 53-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии, имея впереди сильные передовые отряды.

Отбросив разбитые на флангах части 28-го корпуса противника к северу и 38-го корпуса к югу, 14-й гвардейский стрелковый корпус за день продвинулся на 22 км, а 12 августа — еще на 30 км, разорвав фронт 18-й гитлеровской армии. Справа, все более развертываясь к северу, медленно, уступом назад продвигались части 122-го корпуса 67-й армии. Слева, так же уступом назад, менее успешно наступали дивизии 12-го гвардейского корпуса. Взаимодействующая с ним 16-я танковая бригада по распоряжению командующего бронетанковыми войсками фронта передала оставшиеся танки 122-й бригаде, и ее управление было выведено из состава армии¹. Левofланговый 123-й корпус по-прежнему вел бой на исходном рубеже.

1-я ударная армия впервые за свою историю вышла в ходе наступления на оперативный простор. Хотя продвижение войск шло узким клипом, создались исключительные благоприятные условия для развития операции.

Как стало известно впоследствии из трофейных документов, успешное наступление 1-й ударной армии вызва-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 1174, д. 98, л. 138.

¹ ЦАМО, ф. 3313, оп. 1, д. 10, л. 47.

до переполюх у гитлеровского верховного командования. Утром 12 августа командующий группой доложил в главный штаб сухопутных сил, что положение 18-й армии близко к критическому. Он просил срочно подбросить резервы, и особенно танки. В этом ему было отказано, но разрешено использовать все силы 1-го воздушного флота, вплоть до сiania их с рижского направления, против прорвавшихся в направлении Валги советских войск. По указанию гитлеровской ставки для усиления 1-го воздушного флота с центрального направления германо-советского фронта было переброшено свыше 100 бомбардировщиков и штурмовиков, в том числе отдельная штурмовая эскадрилья известного гитлеровского аса майора Руделя. Не надеясь, что принятые меры смогут остановить продвижение советских войск, командующий группой в тот же день запросил ставку о разрешении на отвод войск из Эстонии, причем он просил дать немедленный ответ. Гитлер не разрешил отводить войска, потребовал удерживать занимаемые рубежи и ликвидировать прорыв своими силами.

Уже 13 августа удары вражеской авиации по войскам армии, и в первую очередь по дивизиям 14-го корпуса, усилились. Над их боевыми порядками почти весь день висели вражеские бомбардировщики. Несмотря на сильные бомбовые удары и упорное сопротивление частей 61, 132 и 21-й пехотных дивизий, полицейских и саперных батальонов, соединения корпуса продолжали наступление.

159-й полк 53-й гвардейской дивизии в 11 часов перерезал железную дорогу Выру — Валга, завязав бой за станцию Сьмерпалу западнее Выру. Танкисты роты лейтенанта П. Д. Селиванова из 122-й танковой бригады, поддерживающие наступление полка, вывели из строя оборонявший станцию бронепоезд, и к 17 часам станция была освобождена. Однако через полчаса со стороны Валги подошел второй бронепоезд с десантом до 200 человек. Гвардейцы направили его в тупик, а затем подорвали позади него рельсы. В ожесточенном бою и бронепоезд, и десант были уничтожены. Исключительное мужество проявили танковые экипажи младшего лейтенанта В. И. Гаврилова и старшего лейтенанта И. И. Быстрова. Оба они погибли в этом бою. При освобождении станции Сьмерпалу гвардейцы уничтожили до 400 гитлеровских солдат и офицеров и свыше 50 взяли в плен. Кроме того, они захватили склады и несколько эшелонов с боеприпасами и военным имуществом. Продолжая наступление, части

53-й дивизии освободили бывшую усадьбу фельдмаршала Баркляя де Толли в Йегевесте, где находился его мавзолей.

Используя успех 53-й дивизии, ее сосед справа — 43-я дивизия 122-го корпуса 67-й армии овладела городом и станцией Выру. Так же успешно действовали части 52-й гвардейской дивизии. Они с ходу форсировали реку Мустыги и освободили город Аптсла. При этом отличились взаимодействующие с ними танкисты 122-й танковой бригады подполковника Д. М. Савочкина, 33-го отдельного гвардейского танкового полка полковника А. С. Кислицына, артиллеристы 1433-го самоходно-артиллерийского полка майора Ф. П. Салькова, 10-й гвардейской гаубичной полковника В. В. Чернева, 20-й легкой полковника П. С. Олимпиева, 48-й истребительно-противотанковой полковника К. С. Кива артиллерийских бригад и минометчики 321-го гвардейского минометного полка полковника Б. С. Соколова.

Продвижение 14-го стрелкового корпуса за день составило 15 км, 12-го корпуса — 8—10 км. Между тем разрыв между корпусами достиг почти 30 км, и его с трудом прикрывала 23-я гвардейская дивизия, развернувшаяся фронтом на юг. 123-й корпус все еще вел бои восточнее Алуксне. Начертание линии фронта все более приобретало форму клина, на острие которого, в районе восточнее Сангасте, действовали 53-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии; на правой стороне, на рубеже от Псковского озера в районе Ряпина до Выру, вели бои войска 67-й армии, на левой, на рубеже Лау, станция Анне, Тсору, Кодка, Руза, Аусипас, — части 12-го гвардейского и 123-го корпусов. Последние отставали от передовых частей 14-го гвардейского корпуса на 50—60 км¹.

14—15 августа удары вражеской авиации по войскам армии, и особенно по частям 14-го корпуса, еще более усилились. Здесь противник массированно применил истребители «Фокке-Вульф-190» в качестве штурмовиков. Группами от 6 до 27 самолетов они бомбили и штурмовали боевые порядки войск, воспрещали всякое движение по дорогам. Причем действовали они почти безнаказанно, поскольку зенитная артиллерия отстала, а фронтовая авиация была не в состоянии надежно прикрыть наши войска. В результате соединения армии несли существенные потери, особенно в транспортной и боевой технике.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 678, л. 1.

Силы ударной группировки армии и ее давление на врага все более уменьшались, и не только из-за потерь: сказывалась растянутасть боевых порядков соединений и армии в целом. Полоса действий 14-го корпуса в ходе наступления увеличилась до 35 км. В боевых порядках соединений образовались большие промежутки. По мере продвижения из-за перебоев в подвозе соединения все острее испытывали нехватку боеприпасов и горючего. Пришлось останавливать часть боевых машин, переливая горючее в баки остальных. Из-за нехватки горючего и средств тяги отстала от передовых частей артиллерия усиления. Ударная группировка армии действовала на пределе сил. Утром 16 августа она встретила в районе восточнее Сангасте (25 км северо-восточнее Валги) сопротивление свежих частей 31-й немецкой пехотной дивизии, переброшенной по воздуху из Восточной Пруссии, и 87-й дивизии из-под Риги, хотя и там положение для гитлеровских войск было критическим.

Командование фронта и армии принимало все меры для устранения возникших трудностей и требовало от войск продолжать наступление. В директиве от 14 августа Военный совет фронта поставил перед войсками 1-й ударной армии задачу не останавливать наступления и к 17 августа освободить Валгу. Частью сил (не менее трех дивизий) предполагалось нанести удар в южном направлении в целях содействия наступлению войск левого фланга армии. В последующем форсировать реку Вяйке-Эма-Йыги и овладеть Тырвой¹.

По решению генерала И. И. Масленникова 15 августа сильно отставший 123-й корпус передоцинялся 54-й армии, а в состав 1-й ударной передавались из резерва фронта 119-й корпус генерал-майора Н. Н. Никишина в составе 44-й и 376-й дивизий, 198-я и 321-я дивизии, а также 288-я дивизия из 54-й армии. Командующий фронтом приказал ввести 119-й корпус между 14-м и 12-м корпусами ориентировочно в 16 часов 17 августа с задачей выбить врага из Валги. Одновременно выдвиганием 45-й зенитно-артиллерийской дивизии усиливалась противовоздушная оборона армии, а сосредоточением основных усилий 14-й воздушной армии — ее авиационная поддержка.

Однако противник упредил войска армии. В 14 часов 16 августа после сильного артиллерийского налета и уда-

Н. А. Король (слева) и Н. К. Пархоменко

Войска 1-й ударной армии проходят через освобожденную Ригу

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2255, д. 7—23, л. 45—47.

Е. В. Бойчук

П. А. Некрасов

Радисты младший сержант
Н. Кузнецов и ефрейтор
Г. Шакиров

Н. А. Стасюк

Л. С. Гудованцева

Прицельный 1473-го зенитного артиллерийского полка ефрейтор Низамов

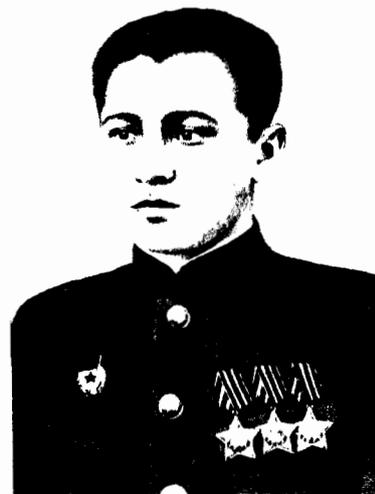
С. Р. Любарский

Н. А. Морозов

Пулеметный расчет
младшего сержанта
Г. Комбина

М. И. Фурсов

Артиллерийский разведчик младший сержант Демин

Ф. Ф. Чистяков

М. И. Козырев

Колонна военнослужащих из курляндской группировки противника

ра авиации по вершине клина противник силами 31-й и 87-й пехотных дивизий панес контрудар из района Сапгасте в направлении Аптслы. Основной удар пришелся по растянутой на широком фронте 52-й гвардейской дивизии. Ослабленная в прошедших боях, она не выдержала и начала отходить. На помощь гвардейцам генерал Н. Д. Захватаев спешно выдвинул свой резерв — 377-ю дивизию и 384-й истребительно-противотанковый полк. Совместными усилиями 52-й гвардейской и 377-й дивизий, артиллерии и танков продвижение врага было остановлено.

53-я гвардейская стрелковая дивизия стойко встретила контрудар противника и в целом удержала свои позиции. Однако при этом все три полка и штаб дивизии — все порознь — попали в окружение. 157-й гвардейский полк, отразив семь вражеских атак, соединился с 161-м полком и вместе с ним занял круговую оборону. Штабу дивизии также пришлось почти сутки вести бой в окружении. По указанию генерала Захватаева в ночь на 17 августа на направление контрудара врага была спешно переброшена с левого фланга армии 23-я гвардейская дивизия. Командир 14-го корпуса поставил ей задачу отбросить прорвавшегося противника и деблокировать окруженные части 53-й дивизии. Возобновившие с утра 17 августа при сильной поддержке авиации свои атаки части 31-й и 87-й дивизий противника натолкнулись на встречные атаки 23-й гвардейской дивизии, поддержанные частями 122-й танковой бригады. В этих боях погиб командир бригады подполковник Д. М. Савочкин. Ожесточенные схватки на этом участке продолжались весь день. К вечеру 157-й и 161-й полки и штаб 53-й гвардейской дивизии были деблокированы, но в окружении продолжал оставаться 159-й полк.

Срыву контрудара во многом способствовали действия как 23-й гвардейской, так и подошедшей 45-й зенитно-артиллерийской дивизии, а также авиации фронта. Уже в первой половине дня 17 августа зенитчики сбили шесть самолетов Ю-87. На следующий день был сбит и самолет Руделя. Гитлеровскому асу повезло: он приземлился с парашютом на свою территорию. Больше на этом участке он не появлялся.

В ночь на 19 августа после трехсуточных боев, по приказу командира дивизии прорвав кольцо окружения, со всем вооружением и материальной частью вышел к своим войскам героический 159-й гвардейский стрелко-

вый полк. Умело управляли подразделениями при бое в окружении командир полка майор А. П. Борисов и командир роты 122-й танковой бригады лейтенант П. Д. Селиванов. Рота в составе всего трех танков помогла 159-му гвардейскому полку отразить несколько атак врага, уничтожив при этом 5 танков и свыше 80 гитлеровцев. После получения приказа танки П. Селиванова прорвали кольцо окружения и обеспечили выход пехоты с минимальными потерями. За смелые, инициативные действия лейтенанту П. Д. Селиванову было присвоено звание Героя Советского Союза¹.

19 августа выдающийся подвиг совершил также разведчик 506-го полка 198-й стрелковой дивизии рядовой П. А. Анцеборенко. В составе разведгруппы он был послан для уточнения обстановки в районе Харглы. На обратном пути разведчики столкнулись с большой группой гитлеровцев. Анцеборенко, будучи тяжело раненым, прикрывал отход своих товарищей. Когда у него кончились патроны, он подорвал гранатой себя и стремившихся захватить его живым гитлеровцев. Позже на месте боя отважного разведчика были обнаружены трупы 27 гитлеровцев. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 24 марта 1945 г. рядовому П. А. Анцеборенко было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза².

После контрудара по 1-й ударной армии командование группы армий «Север» нанесло несколько сильных контрударов по войскам 67-й армии, вышедшим на подступы к Тарту. В связи с этим по указанию генерала И. И. Масленникова из состава 1-й ударной под Тарту были спешно переброшены 2-я артиллерийская дивизия, 1433-й самоходно-артиллерийский полк, 48-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 9-я штурмовая инженерно-саперная бригада и другие части. Это, естественно, резко снизило боевые возможности 1-й ударной армии. Возобновившееся с утра 21 августа наступление развивалось медленно. Вследствие ожесточенного сопротивления противника войска почти не имели продвижения, хотя с 20 августа полоса наступления 1-й ударной армии сужалась до 20 км за счет переподчинения 12-го гвардейского корпуса с его участком южнее железной дороги Выру — Валга 54-й армии. В новой полосе, где ранее действовал один 14-й гвардейский корпус, теперь

действовали три корпуса — 14-й гвардейский, 119-й и 7-й генерал-майора А. А. Егорова, вошедший с 20 августа в состав 1-й ударной армии¹.

25 августа войска 67-й армии после тяжелых, кровопролитных боев освободили Тарту. Хотя непосредственно в боях за город 1-я ударная не участвовала, ее роль в освобождении Тарту была значительной. И это было отмечено в приказе Верховного Главнокомандующего от 25 августа 1944 г. Войскам, участвовавшим в освобождении Тарту, в том числе и 1-й ударной армии, объявлялась благодарность, и в Москве был дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий. Приказом от 7 сентября 1944 г. 53-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено почетное наименование «Тартуская»².

С падением Тарту сопротивление врага перед фронтом 1-й ударной армии резко ослабло. По указанию командующего фронтом 122-й корпус 67-й армии, действовавший в районе Эльвы (25 км юго-западнее Тарту), был повернут на юго-запад для содействия наступлению войск 1-й ударной армии. Совместными усилиями после весьма напряженного боя, продолжавшегося весь день 25 августа, 288-я и 53-я гвардейская дивизии 14-го гвардейского корпуса, усиленные 51-м танковым полком, и 43-я дивизия 122-го корпуса прорвали оборону противника севернее Сангасте, и с 22 часов его соединения начали отход на западный берег реки Вяйке-Эма-Йыги севернее Валги.

Преследуя отходящего противника, войска армии 26—27 августа продвинулись до 30 км и вышли правым флангом к реке Вяйке-Эма-Йыги севернее Валги, а левым — к внешнему поясу обороны Валги в 12—15 км восточнее города. Попытки передовых частей с ходу включить в оборону противника были сорваны мощным градительным огнем артиллерии и минометов (по подсчетам артиллеристов, только 27 августа гитлеровцы выпустили по войскам армии до 15 тыс. снарядов и 6 тыс. мип). На силе ударов войск армии сказались также усталость личного состава, почти 1,5 месяца участвовавшего в напряженных наступательных боях, а также потери, понесенные в этих боях. В стрелковых ротах дивизий оставалось в среднем по 20—30 человек. Сил для того, чтобы немедленно продолжить наступление, у армии и фронта в целом уже не было.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 43, л. 5.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 2, л. 355.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 677, л. 19.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6786, д. 61, л. 13.

6 сентября после отражения контрударов противника, стремившегося вернуть Тарту, Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву о временном переходе войск 3-го Прибалтийского фронта к обороне и подготовке новой наступательной операции. Тартуская операция завершилась. Можно было подвести некоторые итоги.

В Псковско-Островской и последовавшей за ней Тартуской операциях войска 1-й ударной армии, наступая в первом эшелоне на направлении главного удара фронта, продвинулись за 50 суток с напряженными боями на 240—260 км и освободили западную часть Калининской области, Вырусский и большую часть Валгинского районов Эстонской ССР и Алуксненского района Латвийской ССР — всего до 3 тыс. населенных пунктов, в том числе города Остров и Антсла. В ходе боев войска армии нанесли противнику значительный урон. В результате проведенных операций были созданы благоприятные условия для дальнейшего развития наступления в Прибалтике.

За достигнутые успехи армия три раза получала благодарность от Верховного Главнокомандующего и в ее честь салютовала Москва. В память о подвигах воинов, освободивших Восточную Латвию, 6 ноября 1963 г. в Лудзе был открыт величественный монумент.

Глава 10.

В РИЖСКОЙ ОПЕРАЦИИ

3 сентября в штаб 1-й ударной армии вместе с генералом И. И. Масленниковым прибыл начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский. Он провел совещание с командованиями армии и соединений, выразил удовлетворение достигнутыми в ходе наступления результатами, затем информировал их, что Ставка приняла решение в целях полного освобождения Прибалтики провести Прибалтийскую операцию — одну из крупнейших по размаху в кампании 1944 г., составной частью которой должна стать Рижская наступательная операция. Замыслом последней предусматривается нанесение концентрических ударов на Ригу силами трех Прибалтийских фронтов.

В соответствии с директивой Ставки 3-й Прибалтийский фронт наносил главный удар смежными флангами 67-й и 1-й ударной армий из района севернее Валги в общем направлении на Цесис и Ригу, а вспомогательный

удар силами 54-й армии — в направлении Гауфена (40 км юго-восточнее Валги), Смилтеше. Развитие успеха наступления должен второй эшелон фронта — 61-я армия и его подвижная группа — 10-й танковый корпус. Наступление наземных войск поддерживалось частями 14-й воздушной армии (четыре штурмовые, две истребительные, одна бомбардировочная дивизии — всего 650 самолетов) ¹.

31 августа генерал Масленников поставил армии боевую задачу: наступая в полосе шириной 34 км, прорвать оборону противника на участке Хуммули (13 км севернее Валги), Раудспепа (ширина 10 км) и, развивая наступление в направлении Даксты (25 км юго-западнее Валги), Валмиера, обеспечить ввод в сражение 10-го танкового корпуса. Среднюю плотность артиллерии и минометов на участке прорыва иметь не менее 130 стволов на 1 км фронта; продолжительность артиллерийской подготовки — 60 минут; авиационной — 100 минут; ресурс на первый день операции — 907 самолето-вылетов. Полная готовность войск — к исходу 9 сентября 1944 г. ².

Поставленная задача была весьма трудной, так как предстояло последовательно прорывать сильные оборонительные рубежи «Валга», «Цесис», «Сигулда». Особое значение гитлеровское командование придавало рубежу «Валга», перехватывавшему дефиле между озерами Выртсъярв и Лубанской низменностью с ее обширными болотами и озерами — наиболее доступное для действий войск направления, выводящее к побережью Балтийского моря, и прикрывавшему коммуникации войск группы немецких армий, действующих в Эстонии с ее основной группировкой. По своему построению и характеру инженерного оборудования рубеж «Валга» был почти идентичен «Пантере». Однако оборона врага здесь значительно усиливалась разделявшей войска сторон рекой Вяйке-Эма-Йыги шириной 25—30 м и глубиной 1—3 м с заболоченной поймой шириной до 100 м.

Насколько верховное гитлеровское командование было уверено в непреодолимости «Валги», свидетельствует ответ начальника генерального штаба вермахта генерал-полковника Гудериана на вопрос Гитлера о перспективах борьбы за Прибалтику: «...исходя из создавшегося соотношения между силами противника и германскими вой-

¹ ЦАМО, ф. 364, оп. 6278, д. 131—133, л. 6, 10.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 108, л. 37—57.

сками, можно предположить, что противнику не удастся прорваться... у Валги»¹.

Для выполнения поставленной задачи армия имела: три стрелковых корпуса (14-й гвардейский — 23, 52, 53-я гвардейские стрелковые дивизии; 12-й гвардейский — 44, 56, 196-я стрелковые дивизии; 119-й — 245-я, 376-я стрелковые дивизии) и отдельную 33-ю дивизию, два танковых полка (33-й гвардейский, 51-й), четыре самоходно-артиллерийских полка (332, 370, 371-й гвардейский и 1038-й), 2-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию, 5-ю и 137-ю пушечные артиллерийские бригады, три пушечных артиллерийских полка (8, 129, 1486-й), 30-ю минометную бригаду, три минометных полка (110, 281, 618-й), 28-й и 319-й гвардейские минометные полки, 35-ю истребительно-противотанковую бригаду и три истребительно-противотанковых полка (509, 705, 1186-й), 45-ю зенитно-артиллерийскую дивизию и 758-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Всего в армии насчитывалось 45 000 активных штыков, 1351 орудие и миномет, 102 танка и самоходно-артиллерийские установки².

Для непосредственной поддержки наступления привлекался 7-й штурмовой авиационный корпус (206-я и 289-я штурмовые авиационные дивизии) генерал-майора В. М. Филина.

28-й армейский корпус 18-й немецкой армии имел: четыре пехотные дивизии (21, 30, 31, 12-я авиаполевая), 6-ю бригаду штурмовых орудий, 814-й артиллерийский полк, дивизион реактивных установок, два зенитно-артиллерийских дивизиона. Всего в группировке насчитывалось: 24 000 человек активного состава, 320 орудий и минометов, 60 танков и штурмовых орудий.

Плотность артиллерии на направлении главного удара армии достигала 125 орудий и минометов, а танков непосредственной поддержки пехоты — 10 на 1 км фронта³. Наши войска имели двойное превосходство над противником по пехоте и танкам, в 4 раза превосходили его по артиллерии и в 7 раз по авиации.

В соответствии с полученной задачей и сложившейся обстановкой генерал Н. Д. Захватаев решил: главный удар нанести смежными флангами 14-го и 12-го гвардей-

ских корпусов в направлении Палу, Дакста, а вспомогательный 119-м корпусом — в направлении Карула, Валга. Оборону противника прорвать на участке Пику, отм. 72,5 (30—17 км севернее Валги). Оперативное построение иметь в один эшелон. Резерв армии — 33-я стрелковая дивизия, 33-й гвардейский тяжелый танковый полк, 332-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк¹.

Необходимо отметить, что никогда ранее подготовка наступательной операции не проводилась так тщательно и всесторонне. В немалой степени этому способствовало почти непрерывное пребывание в штабе армии маршала А. М. Василевского, который оказывал командующему большую помощь своими советами. По его рекомендации штаб армии (начальник штаба генерал-лейтенант Л. Ф. Минюк, начальник оперативного отдела полковник В. Н. Ничушкин) разработал уточненный план-решение на прорыв обороны противника и план взаимодействия войск армии, а также другие планирующие документы.

Как всегда, не знали покоя разведчики (начальник разведотдела полковник А. П. Серегин). Лишь большим напряжением сил разведчиков и хорошо продуманной системой их использования штаб армии смог получить достаточно полные данные о группировке противника и характере его обороны.

Несмотря на ограниченность сил и средств, большая работа была проделана инженерно-саперными частями по восстановлению разрушенных противником дорог и мостов, разминированию местности, оборудованию исходного района для наступления. Офицеры штаба инженерных войск Н. Ф. Добровольский, А. Н. Продайко, Н. А. Стасюк по указанию начальника ижжвойск полковника А. В. Сергеева все время находились в частях, контролировали выполнение инженерных работ, уделяя особое внимание подготовке к форсированию Вяйке-Эмайги.

Были проведены занятия с командирами корпусов и дивизий, начальниками родов войск и служб на рельефном плане, а с командирами частей — на местности по отработке вопросов организации прорыва, управления войсками и взаимодействия.

¹ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1978, т. 9, с. 135.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 387, л. 172.

³ Там же.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 620, л. 9—14.

В соединениях проводились учения с боевой стрельбой на местности, сходной с той, на которой им предстояло действовать, а с частями первого эшелона, кроме того, — учения на тему «Наступление с форсированием водной преграды».

В период подготовки наступления исключительно большая работа была проделана политическими органами, партийными и комсомольскими организациями частей и соединений армии (пачальник политотдела армии полковник И. Ф. Спиридонов).

Задачи и мероприятия по политическому обеспечению наступления определялись призывом партии «Освободим Советскую Прибалтику от немецко-фашистских захватчиков!». Политотделы соединений оказывали большую помощь командирам в проведении мероприятий по восстановлению боеспособности частей и подразделений.

Начинать наступление с форсирования реки, естественно, было крайне нежелательно, и генерал Н. Д. Заватаев принимал все меры к захвату до пачала операции плацдармов на западном берегу Вяйке-Эма-Йыги, однако достичь этого не удалось. 4—6 и 13 сентября в ходе боев передовых батальонов и полков, выделенных по одному от каждой дивизии первого эшелона, удалось захватить лишь три маленьких участка в пойме реки перед передним краем обороны противника¹. Попытки расширить их до размеров плацдармов, на которых можно было разместить хотя бы первые эшелоны дивизий, срывались мощным заградительным огнем врага.

День решительного наступления приближался. 13 сентября Военный совет армии и правительство Эстонской ССР обратились к войскам с обращением, в котором они призывали воинов выполнить свой долг перед Родиной — разгромить врага и завершить освобождение Советской Прибалтики².

14 сентября три Прибалтийских фронта начали Рижскую наступательную операцию. В 9 часов на оборону врага на 21-километровом участке прорыва 67-й и 1-й ударной армий обрушился мощный огневой удар артиллерии. В 10 часов части первого эшелона армии при поддержке артиллерии и штурмовой авиации атаковали противника на всем участке намеченного прорыва. Тан-

ки и САУ из-за отсутствия переправ оставались на восточном берегу реки и в течение всего дня боя поддерживали атаку пехоты огнем с места. Все попытки саперов навести мосты и обеспечить переправу танков срывались прицельным огнем вражеской артиллерии и минометов. Героические действия саперов впоследствии были отмечены высокими наградами Родины. Орденом Отечественной войны II степени были награждены воины 188-го инженерно-саперного батальона В. К. Китаев, И. В. Лебедев, В. И. Столяров и другие; орденом Славы II степени — ефрейтор А. Е. Кошечкин, старшина 191-го инженерно-саперного батальона Н. И. Роднов и сержант 190-го инженерно-саперного батальона И. М. Худяков. В течение трех суток без отдыха, по грудь в холодной воде, под огнем врага, будучи контуженным, он, как и другие воины-саперы, восстанавливал разрушаемые врагом переправы¹.

Бои с самого начала приняли крайне ожесточенный характер и были, пожалуй, одними из самых напряженных и кровопролитных за всю историю армии. Третий раз, после рамушевского коридора и февральско-мартовских боев 1943 г. на Редье, войскам армии пришлось столкнуться с таким сильным сопротивлением врага. На наши атаки противник немедленно отвечал контратаками. Упорные бои шли за каждую траншею, окоп, населенный пункт. Некоторые из них в течение дня по нескольку раз переходили из рук в руки. Не менее напряженными были и схватки в воздухе. Поддерживающая наступление войск армии авиация за день сделала 919 боевых вылетов, сбивла в воздушных боях 6 вражеских самолетов.

К исходу дня на западный берег реки Вяйке-Эма-Йыги переправились все пять дивизий 14-го и 12-го гвардейских стрелковых корпусов. Вместе с тем глубина их продвижения была незначительной (23-я гвардейская дивизия — всего на 500 метров, 53-я гвардейская дивизия — около 1 км). Примерно так же обстояли дела у 56-й и 44-й дивизий 12-го гвардейского корпуса, да и у 67-й армии². 119-й корпус в течение дня вел огневой бой с противником на прежнем рубеже.

На следующий день в 9 часов после 30-минутной артиллерийской подготовки соединения первого эшелона

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 74, л. 118—121.

² См.: Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Рига, 1967, кн. 2, с. 142.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 5196, л. 5—11, 16, 33.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 74, л. 130—135.

вновь атаковали врага и выбили цепко оборонявшиеся подразделения 31-й и 21-й немецких пехотных дивизий из ряда опорных пунктов первой позиции. Шло медленное прогрызание обороны противника, сопровождающееся большими потерями с обеих сторон. Гитлеровцы были отеснены от реки, и саперы получили возможность навести 6 постоянных и 2 pontонных моста под грузы 15—30 т и 4 моста под грузы 60 т. Началась переправа танков. Наша авиация совершила за день 823 вылета. На врага было сброшено свыше 16 тыс. бомб общим весом 127,4 т. В десяти воздушных боях сбито 6 вражеских самолетов¹.

С 12 часов по решению генерала Захватаева, одобренному маршалом Василевским, в целях развития успеха на правом фланге армии были введены в бой 146-я и 33-я дивизии. К исходу дня они продвинулись до 2,5 км. Дивизии 12-го гвардейского и 119-го стрелковых корпусов продвижения не имели. Сосед слева — 54-я армия продолжала обороняться на прежнем рубеже.

Оценивая результаты первых двух дней операции, генерал армии И. И. Маслеников потребовал от командующих 67-й и 1-й ударной армиями в течение 16 сентября завершить прорыв всей тактической глубины обороны. Выполняя поставленные в соответствии с этим требованием задачи, соединения 14-го и 12-го корпусов сломали исключительно упорное сопротивление частей противника и к исходу дня завершили прорыв первой позиции противника и овладели второй.

За трое суток ожесточенных боев ударная группировка армии продвинулась на 5—6 км. Примерно таким же было продвижение и левофланговых соединений 67-й армии.

Потеряв главную полосу обороны и понеся большие потери, противник уже не мог больше сдержать наступательный порыв войск армии. И хотя гитлеровцы еще продолжали упорно сопротивляться, они были вынуждены постепенно пятиться, теряя одну позицию за другой. К исходу 17 сентября соединения 14-го гвардейского корпуса, развивая наступление в направлении станции Эрдеме, продвинулись на 7—11 км и вышли к реке Педеле, нависая с северо-запада над Валгой. А это означало, что, выбив противника из города, 1-я ударная армия может выйти на оперативный простор и во взаи-

модействии с 10-м танковым корпусом перехватить коммуникации частей оперативной группы «Нарва», действующих в Эстонии.

Как стало известно впоследствии, положение гитлеровских войск было настолько тяжелым, что даже такой матерый фашист, как Шернер, уже 15—16 сентября просил дать разрешение на отход. Не получив его, 17 сентября он лично вылетел в ставку. Гитлеровское верховное командование, ранее категорически запрещавшее отход, было вынуждено разрешить в ночь на 18 сентября отвод войск из Эстонии. В то же время 28-му корпусу было приказано любой ценой не допустить прорыва советских войск у Валги. Командование 18-й армии усилило корпус полками из состава 121, 132 и 329-й дивизий.

Сосредоточив усилия против 14-го корпуса, противнику удалось приостановить его продвижение. Генерал Н. Д. Захватаев умело использовал ослабление группировки врага для развития успеха 12-м и 119-м корпусами. Этому во многом помогла удачная разведка, проведенная группой бойцов 61-го саперного батальона 52-й гвардейской дивизии во главе со старшим сержантом С. Н. Булгаковым. В ночь на 19 сентября они разведали брод через реку Педеле и, несмотря на сильный огонь противника, обеспечили пропуск по нему танков и артиллерии. За несколько дней до этого Булгаков так же умело вел разведку места для постройки моста через реку Вяйке-Эма-Йыги. За отличное обеспечение разведки, проявленное мужество и отвагу он был награжден орденом Славы I степени¹.

К исходу 18 сентября 52-я гвардейская дивизия полковника Н. В. Симонова обошла Валгу с северо-запада, 44-я дивизия полковника А. А. Мироненко пробилась к ее северным окраинам, а части 376-й и 245-й дивизий генерал-майоров Н. А. Полякова и В. А. Родионова вышли к городу с востока и юго-востока. Под угрозой окружения части 31-й немецкой дивизии, непосредственно оборонявшие город, в ночь на 19 сентября начали поспешный отход. С рассветом в город вступили части 44-й, а несколько позже 376-й дивизий. Освобождению железнодорожной станции, где гитлеровцы пытались организовать сопротивление, помогли валгипские железнодорожники. Они перебили гитлеровскую охрану и пре-

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 162, л. 14—18.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 684046, д. 25, л. 233.

дотворити вывод из строя средств сигнализации, связи и станционных сооружений. К 10 часам город был полностью освобожден¹. Немногочисленные жители встречали наших воинов со слезами на глазах, говорили, что ждали их еще полмесяца назад, что за это время гитлеровцы угнали из города много людей, разрушили около половины домов и взорвали электростанцию, литейный завод и механические мастерские. Из городской тюрьмы наши войска освободили несколько десятков узников, ожидавших расстрела, а из лагеря западнее города — большую группу молодежи, угнанную из ранее оккупированных районов Калининской и Ленинградской областей.

В этот же день войскам, участвовавшим в прорыве обороны противника и освобождении города Валга (Валка) приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность, а вечером 19 сентября в их честь в Москве был дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Приказом Верховного Главнокомандующего из состава 1-й ударной армии было присвоено почетное наименование «Валгинские» 245-й стрелковой дивизии (генерал-майор В. А. Родионов), 305-му стрелковому полку 44-й дивизии (майор Б. К. Бамбаль), 51-му отдельному танковому полку (подполковник П. Г. Мжачих), 5-й корпусной артиллерийской бригаде (полковник Н. П. Иванов), 8-му корпусному артиллерийскому полку (подполковник В. П. Кременский), 281-му минометному полку (майор Ю. В. Лисецкий), 1186-му армейскому истребительно-противотанковому полку (подполковник А. И. Овсянников), 1473-му армейскому зенитно-артиллерийскому полку (полковник В. Ф. Луценко), 49-й армейской ишжеперно-саперной бригаде (полковник Т. Я. Рогович)².

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1944 г. орденом Красного Знамени были награждены поддерживающие армию 2-я гвардейская артиллерийская дивизия прорыва РВГК, 28-й гвардейский минометный полк, 1038-й самоходно-артиллерийский полк; орденом Александра Невского — 706-й отдельный линейный батальон связи; орденом Красной Звезды — 33-й гвардейский тяжелый танковый полк и 370-й гвар-

дейский самоходно-артиллерийский полк, 57-я и 528-я отдельные кабельно-шестовые роты.

За героизм, мужество и самоотверженность, проявленные в боях при прорыве рубежа «Валга», более 200 офицеров, сержантов и солдат частей армии были отмечены правительственными наградами. Несколько летчиков, сбивших за время боев более 30 вражеских самолетов, были удостоены звания Героя Советского Союза¹.

В честь освободителей Валги на высоком постаменте установлен танк Т-34, в центре Валки — артиллерийское орудие. Победа досталась армии дорогой ценой. В боях по прорыву рубежа «Валга» погибли многие ее воины. Большие потери понес и противник, особенно части 30-й и 21-й дивизий. Уже с 18 сентября, потеряв более половины состава, они действовали как боевые группы.

Сдача Валги означала для противника потерю всего оборонительного рубежа, и, стремясь не допустить развития успеха советских войск, командование 18-й немецкой армии бросило навстречу 1-й ударной армии свой последний резерв — 218-ю пехотную дивизию с 6-й бригадой штурмовых орудий и авиацию. Основной удар противника пришелся по 53-й и 52-й гвардейским дивизиям. Вот как описан этот эпизод в воспоминаниях ветеранов 52-й гвардейской дивизии: «Во второй половине дня 19 сентября 1944 года группа немецких самолетов нанесла бомбовый удар по боевым порядкам передовых частей дивизии. Отражая этот налет, наши зенитчики сбили три вражеских самолета. До семидесяти танков противника, развернувшись, открыли на ходу сильный огонь из орудий и пулеметов. Вслед за ними наступала густыми цепями пехота, только что высадившаяся из машин. Вражескую атаку массированным огнем поддерживала артиллерия. Командир дивизии вызвал нашу авиацию... Вначале штурмовики Ил-62, а спустя некоторое время и пикирующие бомбардировщики Пе-2 низко пропеслись над нами и нанесли удар по атакующим, оставив после себя море огня и груды искореженного металла и щепок...» Контратака врага была сорвана, гвардейцы, используя результаты авиационного удара, энергично атаковали ошеломленного врага и к исходу дня отбросили его на рубеж 10—12 км западнее Валги.

Этим боевым эпизодом завершились бои по прорыву

¹ См.: Рижские гвардейские: Сборник. Рига, 1972, с. 20.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 2235, д. 37, л. 319—321.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6786, д. 61, л. 154.

рубежа «Валга». По решению командующего фронтом для развития достигнутого успеха в прорыв в полосе 1-й ударной армии вводился 10-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М. К. Шапошникова.

К вечеру 22 сентября танкисты, используя плацдарм, захваченный в результате смелых ночных действий 1012-го полка подполковника Т. Г. Ковалея из 288-й дивизии, переданной командующим фронтом из своего резерва, переправили на южный берег реки Седа основные силы. Тем временем дивизии 14-го и 12-го гвардейских стрелковых корпусов, взаимодействуя с передовыми частями танкового корпуса, успешно сбивали арьергарды противника, перешедшего к подвижной обороне, и к исходу дня продвинулись на 25—30 км. За день было захвачено более 120 пленных, в том числе солдаты из частей оперативной группы «Нарва», отходивших из Эстонии. Пленные показали, что их части отходят, делая до 30—40 км в сутки.

Утром 23 сентября передовой отряд танкового корпуса — 183-я танковая бригада с подразделениями 11-й мотострелковой бригады — с ходу ворвался в город Валмиера¹. Это вынудило командование 18-й немецкой армии ускорить отвод 38-го и 50-го армейских корпусов, действовавших юго-восточнее Валги, и принять срочные меры по ликвидации нашей «танковой пробки» на путях отхода своих войск. В результате вражеских контратак 183-я танковая бригада была вытеснена из Валмиеры. В боях за город был убит командир 50-го армейского корпуса. Подошедшая сюда к вечеру этого же дня 288-я дивизия во взаимодействии с танкистами к 2 часам 24 сентября окончательно освободила Валмиеру. И снова отличился 1012-й полк. В наградном листе на командира полка подполковника Т. Г. Ковалея указывалось: «Внезапность и решительность действий полка ошеломили противника, который отступил, не успев даже взорвать железнодорожный и шоссеиный мосты через реку Гауя». Мосты удалось спасти, а вот другое злодеяние гитлеровцев предотвратить не удалось: за день до освобождения Валмиеры гитлеровцы расстреляли находившихся там в лагере 436 военнопленных.

Продвинувшись за 23 сентября на 20 км, 1-я ударная снова, как и в августе, врезалась в оборону врага, имея вершину клина в районе Валмиеры. Справа, уступами

назад выходя на рубеж Нуяа, Руйена, наступали войска 67-й армии, слева — введенная в сражение из второго эшелона фронта 61-я армия¹. Нараставшая усилила на главном направлении, генерал И. И. Масленников 23 сентября усилил 1-ю ударную еще двумя стрелковыми дивизиями — 11-й полковника В. И. Шкеля и 43-й генерал-майора П. В. Борисова, переподчинив их из 67-й армии. Из 54-й армии в 1-ю ударную передавалось управление 123-го стрелкового корпуса², который теперь возглавлял бывший командир 364-й дивизии генерал-лейтенант Ф. Я. Соловьев.

24—26 сентября преследование отходящего противника успешно продолжалось. 376-я дивизия освободила город Стрепчи, обходивший войсками главной группировки армии. В эти дни войны армии воочию видели результаты своего ратного труда. Сотни советских людей, в основном женщины, дети и старики, угнанные гитлеровцами с родных мест, двигались навстречу нашим наступающим войскам. Теперь они, возбужденные, радостно приветствуя бойцов, возвращались домой. Несколько пастороженно встречало советские войска местное население: сказывалась усиленная фашистская и националистическая пропаганда. И здесь большую и добрую службу снова сослужили латышские партизаны. С их помощью сразу после освобождения того или иного населенного пункта организовывались митинги. Выступавшие на них политработники разъясняли линию партии в отношении населения освобожденных районов.

27 сентября войска фронта вышли к сильному оборонительному рубежу врага «Сигулда», проходившему в 35—40 км севернее и восточнее Риги и занятому соединениями 18-й немецкой армии. Попытки прорвать рубеж с ходу успеха не имели. По приказу командующего фронтом войска временно перешли к обороне. Не добились решающих успехов и 2-й и 1-й Прибалтийские фронты.

Создалась такая обстановка, что все три фронта, наступавшие по сходящимся направлениям, буквально уткнулись в Ригу, куда отошли главные силы группы армий «Север» — всего 33 дивизии, в том числе 4 танковые. Генерал С. М. Штеменко впоследствии писал: «Наши войска, сосредоточенные на подступах к столице

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 74, л. 248—249.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 957, л. 207.

Латвии, буквально прогрызали оборону противника, методично, метр за метром выталкивая его.

Такое течение операций не сулило быстрой победы и было связано с большими для нас потерями¹. В этих условиях наступление в прежней группировке и на прежних направлениях было малоперспективным.

Ставка ВГК приняла решение четко разграничить задачи фронтов, перенести главные усилия с рижского на мемельское направление, чтобы здесь мощным ударом добиться осуществления первоначального замысла — отсечь группу армий «Север» от Восточной Пруссии и уничтожить ее². Это было смелое решение, свидетельствовавшее о мастерстве высшего командного состава Советской Армии и превосходстве советского военного искусства. В соответствии с этим решением 25 сентября — 4 октября с рижского на мемельское направление были скрытно перегруппированы войска 1-го Прибалтийского фронта и значительное количество средств РВГК. 3-му Прибалтийскому фронту, оставленному под Ригой, предстояло освободить ее. 2-й Прибалтийский фронт должен был наступлением правого крыла с юго-востока содействовать 3-му Прибалтийскому в освобождении столицы Советской Латвии, а левым крылом обеспечить успех прорыва к морю войск 1-го Прибалтийского фронта.

Генерал Масленников принял решение возложить ответственную задачу освобождения Риги на 1-ю ударную армию. 5—6 октября полевое управление армии с 12-м гвардейским корпусом были выведены во второй эшелон фронта в район Цесиса и, совершив 120-километровый марш, к исходу 10 октября вышли в район севернее Саласпилса, 15—20 км восточнее Риги. Здесь в состав армии вошли 9-й гвардейский корпус генерал-лейтенанта Г. А. Халюзина (12-я, 75-я гвардейские, 415-я стрелковые дивизии) из 61-й армии и 122-й стрелковый корпус генерал-майора Н. М. Мартынука (56, 85, 201-я дивизии) из 54-й армии³.

Пока шла перегруппировка войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, войска 1-го Прибалтийского, перейдя 5—6 октября в наступление, прорвали оборону противника в стыке между группами армий «Север» и «Центр» и устремились к Мемелю (Клайпеда). Гитле-

¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, кн. 1, с. 366.

² ЦАМО, ф. 132-а, оп. 2642, д. 37, л. 58—59.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 725, л. 7.

ровская ставка и командование группы армий «Север» явно просмотрели умело осуществленный советскими войсками стратегический маневр и были застигнуты врасплох. Прорыв армий генерала И. Х. Баграмяна к Балтийскому морю вынудил гитлеровское командование спешно перебросить из района Риги на мемельское направление управление 18-й армии и более 3/4 сосредоточенных там войск.

По рассказам бежавших из Риги жителей, в самом городе были заминированы все промышленные здания, мосты, водопровод и многие жилые дома. Были все основания считать, что гитлеровские варвары уже приступили к его осуществлению: время от времени со стороны Риги доносились отзвуки мощных взрывов.

В этой обстановке Ставка ВГК потребовала от генерала Масленникова принять все меры к освобождению Риги в самые ближайшие дни. Командующий фронтом полагал, что в город легче всего ворваться с востока, поскольку с севера и северо-востока он прикрыт широкими озерами, хотя именно там, на 15-километровом восточном участке, командование 16-й армии, которой была поручена оборона Риги, ожидая главного удара советских войск, сосредоточило свою основную группировку и заблаговременно оборудовало позиции рижского внешнего и внутреннего городских обводов. Внешний обвод под кодовым наименованием «Нельке» состоял из двух полос: первой с передним краем на рубеже Царникава, Ропажы, Личи, Саласпилс (10—12 км севернее и восточнее Риги) и второй в 5—6 км за ней, насыщенных полевыми и долговременными оборонительными сооружениями, противотанковыми рвами, проволочными и минными заграждениями. Внутренний обвод проходил непосредственно по окраинам Риги и состоял главным образом из подготовленных к обороне каменных зданий, связанных траншеями.

В качестве исходного района для наступления был избран район Личи, Саласпилс, Икштилэ, Калмениеки в 15—30 км восточнее Риги, в междуречье Лиела-Юглы и Даугавы. Здесь и сосредоточилась 1-я ударная армия, на основе которой была создана ударная группировка. Армия усиливалась основной массой артиллерии и танков фронта, а с воздуха ее поддерживала 14-я воздушная армия. К выполнению задачи частично привлекалась артиллерия 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов. Вспомогательные удары наносились: с севера —

67-й армией, с северо-востока — 80-м корпусом 61-й армии¹.

В соответствии с этим замыслом генерал Маслешников 9 октября 1944 г. поставил 1-й ударной армии следующую задачу: силами шести дивизий в первом эшелоне прорвать оборону противника на участке Бурхардмуйжа, правый берег реки Западная Двина и овладеть Ригой. Ближайшая задача — разгромить противостоящего противника на внешнем оборонительном рубеже и выйти к внутреннему рубежу рижского обвода. Дальнейшая задача — овладеть центральной частью города, выйти на восточный берег Западной Двины и захватить переправы, имея в виду оказать содействие 2-му Прибалтийскому фронту в очищении от противника западной части города. Среднюю плотность орудий и минометов на 1 км фронта довести до 310, в том числе не менее 135 стволов калибром 120 мм и больше, артиллерийскую подготовку спланировать продолжительностью 100 минут². Определяя задачу армии, Военный совет фронта потребовал от генерала Н. Д. Захватаева разгромить противника на позициях восточнее Риги и с ходу, не ввязываясь в уличные бои, чтобы избежать разрушения города, овладеть им. В связи с этим были даны особые указания по планированию авиационного и артиллерийского наступления.

1-я ударная армия имела в своем составе: три стрелковых корпуса (9-й и 12-й гвардейские, 122-й), девять стрелковых дивизий (12, 23, 52, 53 и 75-я гвардейские, 56, 85, 201 и 415-я), два танковых (51-й, 258-й), семь самоходно-артиллерийских (332, 370, 372-й гвардейские, 763, 1038, 1048, 1899-й) полков, 2-ю и 23-ю артиллерийские дивизии прорыва, четыре пушечные артиллерийские бригады (5, 7, 38 и 35-я гвардейская), четыре корпусных пушечных артполка (8, 60, 129 и 37-й гвардейский), 1486-й пушечный артиллерийский полк, 30-ю минометную бригаду, три гвардейские минометные бригады (5, 10, 12-я), пять минометных полков (281, 533, 547, 560, 618-й), пять гвардейских минометных полков (18, 28, 319, 320, 321-й), 35-ю и 48-ю истребительно-противотанковые бригады, 533-й и 648-й истребительно-противотанковые полки, 45-ю и 73-ю зенитно-артиллерийские дивизи-

зии, 9-ю штурмовую и 49-ю инженерно-саперные бригады¹.

Было принято решение прорвать оборону во всей полосе наступления армии, нанося главный удар правым флангом — 9-м и 12-м гвардейскими корпусами в направлении на центр Риги, а вспомогательный удар силами 122-го корпуса — вдоль правого берега Даугавы. В соответствии с этим решением были поставлены задачи войскам: 9-му гвардейскому корпусу — очистить от противника северную часть города, 12-му гвардейскому корпусу — овладеть центральной частью, 122-му корпусу — его юго-восточной частью. Соединения и части получили указания о порядке подготовки войск к штурму, согласно которым в каждом батальоне дивизии первого эшелона были созданы штурмовые группы, отработаны вопросы взаимодействия и управления подразделениями и частями в уличных боях. Было приказано: дома, в которых гитлеровцы оказывают сопротивление, не разрушать огнем танков и артиллерии сопровождения, а обходить пехотой и уничтожать их гарнизоны атакой с тыла.

Организация прорыва сильной обороны требовала большого количества времени на подготовку, а его не было. Надо отдать должное командующему армией генералу Н. Д. Захватаеву, члену Военного совета генералу Д. Е. Колесникову и новому начальнику штаба полковнику В. Н. Ничушкину, замешившему заболевшего генерала Л. Ф. Минюка, которые сумели так направить работу отделов и управлений, командиров, штабов и политработников соединений и частей армии, что все подготовительные мероприятия, на которые раньше потребовалось бы не менее недели, были проведены в течение 2—3 дней в условиях передислокации войск.

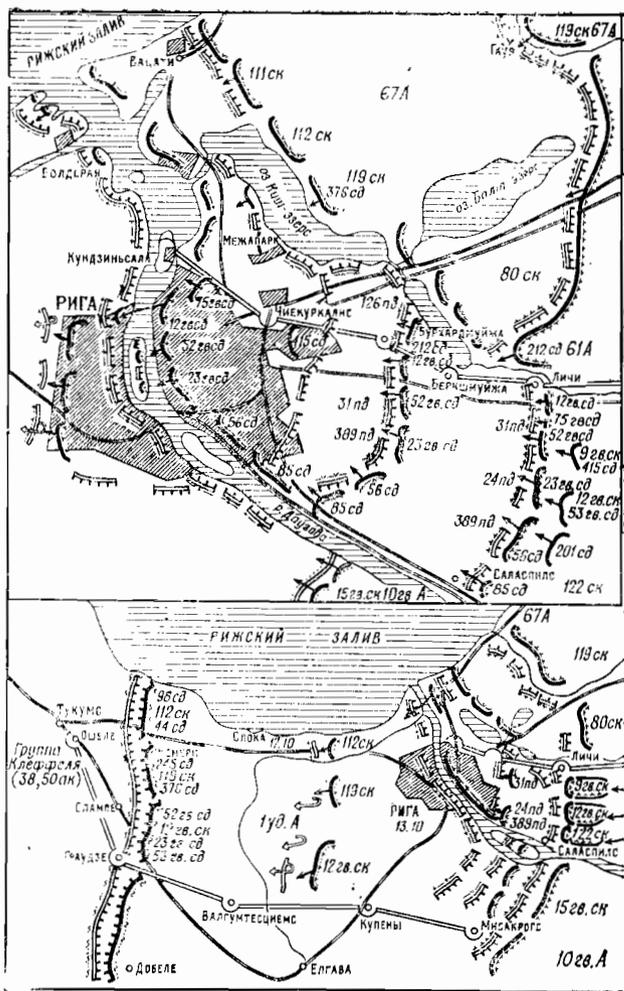
Большая, напряженная работа была проделана партийно-политическим аппаратом. Во всех подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждался один вопрос: быстрее освобождение Риги, спасение древнего города от уничтожения фашистскими варварами. Лозунги «Все на штурм Риги!», «Дальше Ригу!» можно было видеть повсюду — на щитах орудий, на бортах автомашин, на транспарантах вдоль дорог, ведущих к линии фронта. При этом самой действенной агитацией являлось зарево пожаров над городом.

К исходу 10 октября подготовка к штурму Риги за-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 745, л. 4, 5.

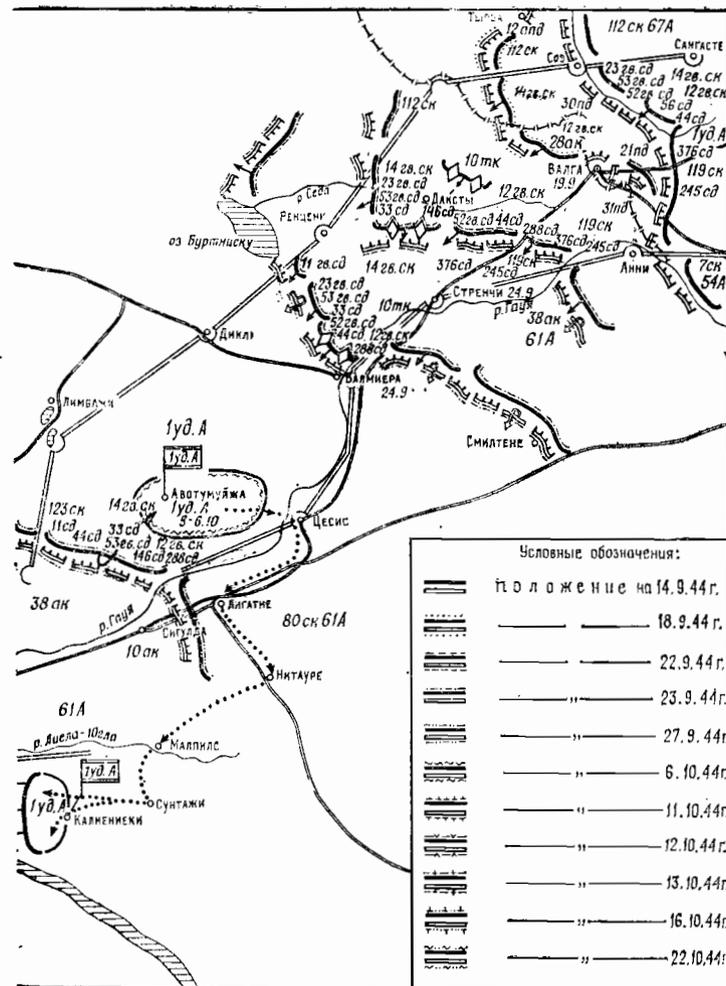
² ЦАМО, ф. 301, оп. 6792, д. 108, л. 77.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 725, л. 7.

1-я ударная армия в Рижской

вершилась. В ночь на 11 октября дивизия первого эшелона заняли исходное положение для наступления, закончился вывод артиллерии на огневые позиции и тапков в выжидательные районы. В частях и подразделениях было зачитано обращение Военного совета фронта, в котором выражалась уверенность в том, что «в этот решающий момент солдаты, сержанты, офицеры и генера-

паступательной операции (14.9—22.10.44 г.)

лы проявят новый пример героизма, воинского мастерства и верности своему воинскому долгу». Обращение призывало идти «во имя нашей Советской Родины, во имя нашей воинской чести вперед, на Ригу»¹.

В 12 часов 30 минут 11 октября после 100-минутной

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 2235, д. 101, л. 67.

артиллерийской и авиационной подготовки войска армий начали решительный штурм Риги¹. Несмотря на мощный удар артиллерии и авиации и большие потери врага, быстро прорвать его оборону не удалось. Сразу же завязались крайне ожесточенные бои. Каждую трапезу и окоп соединения армии захватывали только после настойчивых атак. На атаки противник немедленно отвечал контратаками, поддерживаемыми сильным огнем артиллерии.

Особый героизм в этих боях проявили гвардейцы 12-й дивизии. Ее 37-й полк, которым командовал Герой Советского Союза полковник И. С. Колесников, удостоенный этого звания за форсирование Днепра, захватил плацдарм на левом берегу реки Маза-Югла, в районе западнее Личи, и во взаимодействии с подразделениями истребительно-противотанковой артиллерии отразил три ожесточенные контратаки противника. К 14 часам части дивизии овладели сильным опорным пунктом врага Югласмуйжа (6 км восточнее Риги). 29-й полк атаковал фланг противника, мешавшего продвижению 75-й гвардейской дивизии, чем содействовал ее успеху. К исходу дня соединения 9-го гвардейского корпуса прорвали первую полосу обороны врага на глубину до 3 км. Дивизиям 12-го и 122-го корпусов удалось вклиниться в оборону противника лишь на отдельных участках. Ночью боевые действия продолжали штурмовые отряды и группы из вторых эшелонов дивизий, и к утру 12 октября многие опорные пункты первой полосы внешнего обвода обороны Риги были захвачены наступавшими частями.

Весь день 12 октября продолжались ожесточенные бои. Каждый шаг к Риге стоил советским воинам больших усилий и немалой крови. Снова, как и накануне, наибольший успех был достигнут в полосе наступления 9-го гвардейского корпуса. Его 12-я и 75-я гвардейские стрелковые дивизии вновь продвинулись на глубину до 3 км, полностью завершили прорыв первой и вклинились до 1 км во вторую полосу обороны². Темп наступления, 2—3 км в сутки, конечно, был невысоким, но требовать от войск удвоить, утроить усилия не приходилось: впереди горела Рига. Вечером зарево пожаров, отражаясь на низких облаках, создавало зловещую картину. В воздухе стоял тяжелый запах гаря.

В этот день большого успеха добились войска 67-й армии — они вышли на северный берег озера Кипс-Эзерс. С наступлением темноты отряды из 374-й и 376-й дивизий 119-го корпуса на амфибиях 285-го отдельного моторизованного батальона ОСНАЗ форсировали озеро, захватили плацдармы и начали продвигаться к северной окраине города, это грозило отрезать войска противника, действовавшие перед 1-й ударной армией, от переправ через Даугаву, и командование 16-й немецкой армии приняло решение оставить Ригу и в ночь на 13 октября отвести войска за Даугаву.

Тем временем войска 1-й ударной армии завершали подготовку к непосредственному штурму города. К счастью, судьба Риги решалась не на ее улицах. Не умаляя наступательного порыва и героизма личного состава частей и соединений 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, которым пришлось вести тяжелые и кровопролитные бои на подступах к Риге и которые непосредственно освободили город, нельзя не отдать должное роли войск генерала И. Х. Баграмяна. Именно их прорыв к Балтийскому морю заставил гитлеровское командование поспешить с оставлением Риги. В результате советским войскам удалось избежать кровопролитных и затяжных уличных боев и сохранить столицу Советской Латвии от разрушения. А угроза городу была большая. Командующий группой армий «Север» дал указание военному команданту Риги генералу Руффю подготовить город к уничтожению. Как документально установлено, к взрыву было подготовлено 5806 различных объектов города¹. Решительные удары советских войск заставили гитлеровцев поспешно убраться из Риги и предотвратили разрушение города в больших масштабах. Однако фашистские варвары успели панести Риге тяжелые раны. Генерал Руфф за совершенные преступления был судим и повешен в Риге в феврале 1946 г.

За несколько часов до решающей атаки вражеская артиллерия произвела несколько мощных огневых налетов по войскам армии, находившимся в исходном положении для наступления. И хотя артиллерия армии открыла ответный огонь, в частях первого эшелона нарушились связь и управление, они понесли существенные

¹ См.: Судебный процесс о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946, с. 82.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 725, л. 9.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 75, л. 111—113.

потери. Атаку пришлось отложить. Как сообщили пленные 31-й пехотной дивизии, захваченные впоследствии, этими огневыми палетами командование 16-й немецкой армии стремилось выиграть время для беспрепятственной переправы своих частей на западный берег Даугавы. Завершив в 2 часа 13 октября переправу основных сил, противник взорвал мосты через реку. Когда в 3 часа войска первого эшелона армии перешли в атаку, они встретили незначительное сопротивление частей прикрытия. К 5 часам на плечах отходящего противника передовые части 9-го и 12-го гвардейских корпусов ворвались в восточные кварталы города. Первыми были гвардейцы 153-го полка 52-й дивизии и 241-го полка 75-й дивизии¹ и поддерживающие их 258-й танковый полк подполковника П. С. Цыганкова и 768-й самоходно-артиллерийский полк майора А. С. Каптанкиша. Командир взвода 153-го полка гвардии старший сержант А. В. Скрыльников водрузил на самом высоком здании окраины Риги первый красный флаг. Несколько позже комсорг 63-го полка 23-й гвардейской дивизии младший лейтенант В. Маликов водрузил красное знамя над зданием горкома КП Латвии. После гибели он был похоронен в братской могиле в центре Риги.

Продвигаясь по безлюдным темным улицам, освещенным редкими ракетами и отсветом пожаров, уничтожая вражеские засады, передовые подразделения очищали от врага квартал за кварталом. Стычки с арбергардами противника носили эпизодический характер. Местные жители, встречавшие советских воинов, указывали места вражеских засад, установки мин и пути их обхода, вызывались быть проводниками по улицам города. К 6—7 часам передовые части 9-го и 12-го гвардейских корпусов вышли в черту города к Даугаве и сразу же приступили к подготовке ее форсирования. К 11 часам вся центральная часть Риги была очищена от оккупантов². 374-я дивизия 119-го корпуса вышла в район Рижского морского порта. За Даугавой 10-я гвардейская и 22-я армии вместе с 130-м латышским стрелковым корпусом вели тяжелые бои в 20—25 км от города.

Несмотря на беспорядочную стрельбу в городе и sporadический огонь артиллерии врага из-за реки, на ули-

цы выходило все больше рижан. Во многих местах возникали своеобразные митинги. Жители собирались во круг политработников подразделений и частей, слушали их разъяснения о политике партии в освобожденных районах Советской Прибалтики, задавали многочисленные вопросы. У памятника Свободы и в других местах армейские связисты организовали трансляцию советских песен, давно не звучавших на улицах Риги. Населению раздавались листовки на латышском и русском языках. Приказом по войскам армии от 13 октября начальником гарнизона Риги был назначен командир 122-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. М. Мартычук, комендантом — подполковник М. П. Изотов¹.

В 23 часа столица нашей Родины салютовала войскам 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, освободившим столицу Советской Латвии, 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Войскам, участвовавшим в боях за Ригу, Верховный Главнокомандующий объявил благодарность. Это была седьмая благодарность, полученная войсками 1-й ударной армии за время войны. Особо отличившимся в боях соединениям и частям было присвоено почетное наименование «Рижские». В 1-й ударной армии этого звания удостоились 52-я гвардейская стрелковая дивизия (позже за участие во взятии Берлина стала именоваться Рижско-Берлинской), 63-й стрелковый и 49-й артиллерийский полки 23-й гвардейской дивизии, 157-й стрелковый и 123-й артиллерийский полки 53-й гвардейской дивизии, 212-й стрелковый полк 75-й гвардейской дивизии, 37-й гвардейский и 129-й корпусные артиллерийские полки, 110-й армейский минометный полк, 618-й отдельный минометный полк, 16-я гвардейская пушечная и 20-я легкая артиллерийские бригады 2-й артиллерийской дивизии прорыва, 48-я отдельная истребительно-противотанковая бригада, 370-й гвардейский самоходно-артиллерийский полк, 45-я зенитная артиллерийская дивизия². Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1944 г. за образцовое выполнение задач командования, освобождение Риги и проявленные при этом доблесть и мужество орденом Красного Знамени были награждены 66-й стрелковый полк 23-й гвардейской дивизии, 159-й стрелковый полк 53-й гвардейской дивизии, 241-й стрелковый полк 75-й гвардейской дивизии и 28-й

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6790, д. 105, л. 338; ф. 1165, оп. 1, д. 49, л. 123.

² ЦАМО, ф. 242, оп. 2254, д. 75, л. 122.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6788, д. 8, л. 250.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6786, д. 61, л. 154.

гвардейский минометный полк; орденом Суворова II степени — 12-я гвардейская стрелковая дивизия, 137-я армейская пушечная артиллерийская и 30-я отдельная минометная бригады; орденом Кутузова II степени — 49-я армейская инженерно-саперная бригада; орденом Суворова III степени — 231-й стрелковый полк 75-й гвардейской стрелковой дивизии и 19-й гвардейский минометный полк; орденом Кутузова III степени — 103-й армейский полк связи; орденом Александра Невского — 68-й стрелковый полк 23-й гвардейской дивизии, 161-й стрелковый полк 53-й гвардейской дивизии, 81-й отдельный гвардейский батальон связи, 706-й отдельный линейный батальон связи; орденом Красной Звезды — 370-й гвардейский и 1047-й самоходно-артиллерийские полки, 38-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон, 228, 969 и 1359-я отдельные кабельно-шестовые роты¹. 51-й отдельный танковый полк был преобразован в 88-й гвардейский танковый полк.

В честь освободителей Риги в одном из ее самых живописных районов — Межапарке воздвигнута грандиозная стела. В день 25-летия Победы в Великой Отечественной войне на здании Рижского горисполкома установлена мемориальная доска с текстом приказа Верховного Главнокомандующего, где перечислены наименования соединений и частей, участвовавших в освобождении города.

Однако противник все еще удерживал западную часть города и в ночь на 14 октября передовые отряды 12, 23, 52-й гвардейских и 415-й стрелковой дивизий на плотках, сооруженных из бочек и досок, и найденных на берегу и наспех отремонтированных рыбацких и спортивных лодках начали форсирование Даугавы, ширина которой в черте города достигает 450—500 м. На середине реки десант был обнаружен противником. Вспыхнули десятки осветительных ракет, и на смельчаков обрушился сильный артиллерийско-минометный и пулеметно-автоматный огонь. Бойцы 12-й гвардейской стрелковой дивизии, ранее участвовавшие в форсировании Днепра (за что в дивизии звания Героя Советского Союза были удостоены 57 человек), утверждали потом, что там огонь противника был слабее. Армейская артиллерия немедленно открыла заградительный огонь. С большими потерями десантники высадились на островах За-

тусаала и Луцавсаала, отделенных от западного берега узкой протокой, и на косе Кижала. В яростной рукопашной схватке они выбили гитлеровцев из прибрежных окопов и захватили четыре плацдарма, если так можно назвать узкие полоски берега шириной 200—300 м и глубиной до 30 м.

Высадившиеся подразделения оказались в крайне тяжелом положении. Враг непрерывно обстреливал их, а с рассветом начал упорные контратаки. Все попытки усилить десанты противник срывал отсечным огнем. Большие потери десантных подразделений и отсутствие переправочных средств вынудили генерала Н. Д. Захватаева отложить форсирование реки главными силами дивизий. Весь день 14 октября горстка гвардейцев на западном берегу оказывала врагу героическое сопротивление. К вечеру из четырех плацдармов удалось удержать только два: 1-му батальону 151-го гвардейского стрелкового полка 52-й гвардейской дивизии (капитан Соловьев) в районе Илгучиемса и 3-му батальону 37-го гвардейского стрелкового полка 12-й гвардейской дивизии (капитан Д. М. Фролов). За день батальон Соловьева отразил 16 контратак врага. В бою особенно отличились младший сержант Т. Худобердиев, рядовые И. И. Шевченко, Шаманин, Таршин¹. Батальон Фролова отразил 6 контратак. Таяли ряды бойцов, а контратаки врага стапливались все настойчивее. Экономя боеприпасы, гвардейцы подпускали гитлеровцев на 40—50 м и расстреливали в упор. И если бы не помощь десантникам огнем артиллерии и гвардейских минометов дивизий с восточного берега и, главное, героизм и стойкость самих гвардейцев, они все были бы уничтожены врагом.

О напряженности боев на плацдармах подробно рассказывает Д. К. Мальков в своей книге, посвященной боевому пути 12-й гвардейской стрелковой дивизии². Со своей стороны приведу лишь один пример — о выдающемся подвиге начальника радиостанции 37-го гвардейского полка старшего сержанта Н. М. Павлова. Будучи раненным, он в течение всего боя стойко поддерживал связь между командиром батальона капитаном Д. М. Фроловым и командиром полка полковником И. С. Колесниковым. В критические моменты боя Павлов ложился за

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 582, л. 435—437.

² См.: Мальков Д. К. Сквозь дым и пламя. М., 1970, с. 142—146.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6786, д. 61, л. 155.

пулемет, расчет которого вышел из строя, отбивался от наседавших гитлеровцев гранатами, трижды вызывал огонь артиллерии на себя. За этот подвиг старший сержант Н. М. Павлов был удостоен звания Героя Советского Союза¹. Одна из улиц Риги названа его именем.

Между тем наступающие на Ригу с юга соединения 10-й гвардейской армии и 130-го латышского корпуса 22-й армии с тяжелыми боями продвигались к городу. Враг упорно цеплялся за оставшуюся в его руках часть Риги, но судьба его была решена. В ночь на 15 октября командование 16-й немецкой армии начало отвод войск из западной части Риги. Получив сообщение об этом, генерал Захватаев немедленно приказал навести переправы через Даугаву. При этом особенно отличились бойцы 88-го понтонно-мостового батальона майора К. А. Дорошенко и 58-го гвардейского саперного батальона 53-й гвардейской дивизии. Используя переправы, передовые отряды дивизий утром 15 октября форсировали реку и встретились с передовыми частями 10-й гвардейской армии. Усиление армии тремя понтонными парками Н2П позволило к 11 часам оборудовать четыре паромные переправы, а к утру 16 октября иметь восемь переправ под грузы 30—60 т и осуществить переправу основных сил армии. Штаб армии, переправившись через Даугаву, разместился в Задвинье.

С утра 16 октября Рига была радостно возбуждена. В 10 часов в город торжественным маршем вступили части 130-го латышского стрелкового корпуса. Уже на восточной окраине города колонны частей встречали толпы народа. Многие рижане узнавали своих родных, близких, о которых с 1941 г. не имели вестей. Они врывались прямо в ряды солдат, на ходу обнимали, целовали их, а затем шли вместе с ними в строю. Офицеров и солдат забрасывали цветами, и было непонятно, откуда рижане взяли поздней осенью такую массу цветов. Этот радостный день, ликующую освобожденную Ригу невозможно забыть.

16 октября директивой Ставки 3-й Прибалтийский фронт расформировывался. 1-я ударная и 14-я воздушная армии включались в состав 2-го Прибалтийского фронта, которым командовал генерал-полковник А. И. Еременко. Ставка возложила на войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов задачу уничтожить отсеченную

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 36, л. 52.

в Курляндии группировку противника и с этой целью нанести удары: 1-му Прибалтийскому — на Лиенау, Вентспилс, отсекая врага от портов эвакуации, 2-му Прибалтийскому — с востока, рассекая его группировку по центру.

2-й Прибалтийский фронт наносил главный удар из района Добеле (40 км юго-восточнее Тукумса) 22-й, 3-й ударной и 42-й армиями в направлении Лэстэне, Ирлава, а вспомогательный — вдоль южного побережья Рижского залива 1-й ударной армией в направлении Юрмала, Тукумс. Согласно приказу командующего фронтом вместо оставленного 14 октября в Риге в качестве гарнизона 122-го корпуса и возвращенного в 61-ю армию 9-го гвардейского корпуса с 12 часов 16 октября в состав армии поступали 112-й стрелковый корпус генерал-майора К. Г. Ребрикова (98, 377, 44-я дивизии) и 119-й стрелковый корпус генерал-майора Н. Н. Никишина (376, 374, 245-я дивизии), ранее входившие в 67-ю армию. Соединения эти были сильно ослаблены: одна половина дивизий вместо трех имела лишь по одному стрелковому полку, а другая — по два неуккомплектованных полка¹. В первой половине 16 октября они переправились на западный берег Даугавы и продвигались вслед за отходившим противником вдоль шоссе и железной дороги Рига — Тукумс. Преследуя отходящего противника, 98-я и 377-я дивизии 17 октября освободили Юрмалу и Слоку, 18-го — Кемери.

К утру 19 октября войска армии вышли к тукумскому оборонительному рубежу, завершив окружение с востока курляндской группировки врага. За несколько суток до выхода сюда войск армии рубеж заняли части оперативной группы «Клеффель» и 6-го корпуса СС. С моря их поддерживали корабли военно-морского флота. Попытки передовых частей, а затем и главных сил дивизий первого эшелона армии 20—21 октября преодолеть тукумский рубеж были отражены противником.

Оценивая действия армии в первой операции против курляндской группировки, генерал А. И. Еременко впоследствии писал, что в этих боях отличалась вернувшаяся в состав фронта 1-я ударная армия, которой командовал теперь генерал Н. Д. Захватаев. Он был поистине неутомим. Никанор Дмитриевич знал в мельчайших деталях состояние каждой дивизии, расположение частей,

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 725, л. 14.

наличие вооружения и боеприпасов. Точными всегда были и его данные о противостоящем противнике¹. 22 октября согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования войска 2-го Прибалтийского фронта перешли к временной обороне. 23 октября командующий фронтом приказал 1-й ударной армии, закрепившись на достигнутом рубеже, вести усиленную разведку и к исходу 25 октября подготовить операцию силами 3—4 дивизий в целях захвата Тукумса. С 20 часов 25 сентября из состава армии выводелся в резерв фронта 12-й гвардейский корпус.

Рижская наступательная операция завершилась. В результате были освобождены южная часть Эстонии и большая часть Латвии (за исключением Курляндии). С 17 июля по 20 октября войска 1-й ударной армии с боями прошли около 450 км и освободили от врага 5400 населенных пунктов, в том числе города Остров, Аптсла, Валга, Стренчи, Валмиера, Юрмала, Слока, Кемери и во взаимодействии с другими армиями — столицу Советской Латвии Ригу. Под ударами войск армии враг потерял убитыми и ранеными 46 820 солдат и офицеров, 130 артиллерийских орудий, 184 миномета, 1170 пулеметов и много другого вооружения; было захвачено более 3000 пленных, 33 танка и штурмовых орудия, 583 артиллерийских орудия, 280 минометов, 444 пулемета, а также значительное количество различного вооружения и военного имущества².

Большие потери в операции понесли и наши войска. Чувствовалась усталость личного состава частей после почти непрерывных четырехмесячных боев и длительных маршей. Однако моральный дух войск был высоким. Вместе с тем никто в армии тогда не представлял еще, сколь трудными будут завершающие бои в Курляндии.

Глава 11.

В КУРЛЯНДИИ

В результате Мемельской и Рижской операций в октябре 1944 г. на Курляндском полуострове в западной части Латвии была отсечена от основных сил немецко-фашистской армии и прижата к Балтийскому морю группа ар-

¹ См.: К берегам Янтарного моря: Воспоминания. М., 1969, с. 203.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6788, д. 10, л. 174.

мий «Север». В огромном котле площадью около 14 тыс. кв. км, протяженностью по фронту 250 км и по побережью моря 320 км, удаленном от основной группировки немецко-фашистской армии в Восточной Пруссии до 100 км, оказалась вся группа армий «Север» в составе 16-й и 18-й армий — всего 38 дивизий, бригад и боевых групп, а также большое число артиллерийских частей РГК, специальных войск, тыловых частей и учреждений. На аэродромах Курляндии базировались 200 самолетов 1-го воздушного флота противника. С моря отсеченную группировку поддерживали корабли военно-морского флота, основные силы которого были сосредоточены в восточной части Балтийского моря. Общая численность курляндской группировки достигала 450 тыс. человек.

Необходимо отметить, что войска группы армий «Север» за время боевых действий на северо-западе России и в Прибалтике не подвергались таким сокрушительным разгромам, какие испытали гитлеровские войска в Белоруссии и на Украине. Поэтому соединения группы сохраняли свою организационную структуру (три полка двухбатальонного состава), численность (рот — 70—80 человек, дивизий — 7—8 тыс.), кадровый и возрастной состав, имели достаточно высокий морально-боевой дух и воинскую дисциплину. Курляндская группировка располагала большими запасами материальных средств, что позволяло ее частям почти до конца боевых действий расходовать боеприпасы без особого ограничения и сохранять довольствие по обычным нормам. Наконец, важно указать также на инженерную подготовку района боевых действий. Помимо тукумского оборонительного рубежа по линии Тукумс, Джуксте, Ауце (две полосы общей глубиной 10—14 км) были подготовлены два оперативных рубежа по линии Кандава, Салдус и по западному берегу реки Вента, оборонительные обводы у портов Лиепая и Вентспилс, а также целый ряд промежуточных и отсечных позиций. В целом вся территория котла представляла собой своеобразный укрепленный район с флагами, упирающимися в море. Если учесть все вышесказанное, то станет ясно, что курляндская группировка являлась весьма сильным противником. Это обстоятельство в сочетании с другими факторами оперативно-стратегической обстановки и обусловило неудачи первых операций по ее уничтожению и в определенной степени затяжной характер боевых действий в Курляндии в целом.

В октябре 1944 г. против войск группы армий «Север»

в Курляндии действовали 1-й и 2-й Прибалтийские фронты в составе девяти общевойсковых армий (1, 3 и 4-я ударные, 6-я и 10-я гвардейские, 22, 42, 51 и 61-я), объединяющих 72 стрелковые дивизии, 5-я гвардейская танковая и 3, 14, 15-я воздушные армии. Советские войска имели в два раза больше дивизий, однако их численность была в 1,5—2 раза меньше гитлеровских¹. Большинство дивизий насчитывали всего 500—1000 человек активного состава. Тяжелое положение было и с боеприпасами. Ставка вынужденно держала войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов на «голодной» норме.

Кроме того, на ход боевых действий в Курляндии влияла недостаточная поддержка сухопутных войск кораблями Балтийского флота. По свидетельству адмирала В. Ф. Трибуца, наш флот на Балтике в то время не мог эффективно противостоять гитлеровскому: крупные корабли не могли выйти из Кронштадта из-за большой минной опасности, подводных лодок было мало. Меньше, чем у противника, было торпедных катеров, морских охотников и морской авиации².

Таким образом, соотношение сил сторон в целом было примерно равным. В сложившейся обстановке особое значение приобретал фактор времени. И потому каждая из сторон стремилась упредить другую в достижении своих целей. Гитлеровское командование сразу же после отсечения группы армий «Север» поставило целью пробить коридор в Восточную Пруссию и вывести через него свои войска. Для этого южнее Лиепая спешно создавалась ударная группировка из специально сформированного 39-го танкового и 1-го армейского корпусов (три танковые, пять пехотных дивизий), усиленных значительным количеством артиллерии РГК и поддерживаемых 1-м воздушным флотом и кораблями. Одновременно предполагалось нанести встречный удар из района Тильзита на Клайпеду танковым корпусом «Герман Геринг».

Советское командование, стремясь быстрее закончить с курляндской группировкой и высвободить войска для использования их на главных операционных направлениях, потребовало от маршала А. М. Василевского, координирующего в качестве представителя Ставки действия войск Прибалтийских фронтов, в кратчайшее время за-

вершить ее разгром. Согласно разработанному маршалом Василевским плану операции 1-й Прибалтийский фронт наносил удар левым крылом в направлении Лиепая, 2-й Прибалтийский главный удар силами 42-й, 10-й гвардейской и 3-й ударной армий наносил из района восточнее Ауце (55 км юго-западнее Тукумса) в направлении Салдуса, а вспомогательный смежными флангами 1-й ударной и 22-й армий — вдоль железной дороги Елгава — Тукумс¹.

После трехдневной подготовки утром 27 октября войска обоих фронтов перешли в наступление и сразу же встретили ожесточенное сопротивление противника. За 10 дней упорных боев ударная группировка 1-го Прибалтийского фронта продвинулась на 15—20 км, 2-го Прибалтийского — на 10—15 км, 119-й корпус (53-я гвардейская, 376, 374, 245-я дивизии), на который генерал Н. Д. Захватаев возложил задачу прорыва, вклинился в оборону противника в районе Слампе на фронте до 10 км и на глубину до 6 км. Уже к 1 ноября наступающие войска израсходовали имеющиеся боеприпасы и резервы и 6 ноября получили приказ закрепиться на достигнутом рубеже. Как и в первой операции, войскам 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов не удалось достичь целей, поставленных Ставкой ВГК. Вместе с тем важнейшим результатом обеих операций явилось то обстоятельство, что для отражения наступления советских войск командование группы армий вынуждено было ввести в сражение части, предназначенные для осуществления прорыва в Восточную Пруссию. В ожесточенных боях они понесли тяжелые потери и утратили свою ударную силу. Так был сорван план врага деблокировать курляндскую группировку².

Октябрьско-ноябрьские операции показали, что 1-й и 2-й Прибалтийские фронты имеющимися силами и средствами в короткие сроки уничтожить курляндскую группировку не смогут, а гитлеровское командование поняло, что расчет на ее соединение с главной группировкой немецко-фашистской армии нереален. Это привело к коренным изменениям планов сторон. В этих условиях Ставка ВГК приняла решение перейти к блокаде курляндской группировки, частными наступательными операциями

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1965, т. 6, с. 228—229.

² См.: Трибуц В. Ф. Балтийцы наступают. Калининград, 1968, с. 297—298.

¹ ЦАМО, ф. 239, оп. 2224, д. 1346, л. 120—130.

² См.: Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. Рига, 1970, с. 783.

«продолжать уничтожение прижатой к морю курляндской группировки противника и воспрепятствовать использованию ее войск на других направлениях»¹. Гитлеровское командование отменило приказ о прорыве, поставив группе армий «Север» задачу прочно удерживать Курляндию, чтобы сковать здесь возможно большее количество советских войск. Однако переход советских войск от широких наступательных операций к частным позволил Ставке ВГК уже в ноябре — декабре 1944 г. вывести из состава 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов в свой резерв три общевойсковые, танковую и две воздушные армии².

Выйдя в ходе завершения Рижской операции к восточному флангу Курляндского котла и завершив окружение противника, 1-я ударная армия вновь оказалась на второстепенном направлении и оставалась на нем до конца войны. Выведенный из ее состава 12-й гвардейский корпус (23-я и 52-я гвардейские и 33-я дивизии) впоследствии в составе 3-й ударной армии, которой командовал первый командующий 1-й ударной генерал-полковник В. И. Кузнецов, участвовал в штурме Берлина. Видимо, принимая решение на дальнейшее использование армии, Ставка учла большой опыт ее действий в лесисто-болотистой местности, полученный на Северо-Западном фронте. Действительно, все было как под Старой Руссой — те же условия обстановки: ограниченные силы и средства, наличие перед фронтом сильной обороны противника, обширных участков лесисто-болотистой местности, затрудняющей использование тяжелой боевой техники. Та же цель — сковывание противника, недопущение переброски его резервов на другие направления. Тот же способ действий — ведение частных наступательных операций в сочетании с активной обороной. И даже противник в полосу армии был тот же, что и под Старой Руссой, — части 16-й немецкой армии.

Итак, снова сковывание и ведение частных наступательных операций. По свидетельству бывшего начальника штаба 2-го Прибалтийского фронта генерала Л. М. Сандалова, такие операции предпринимались в зависимости от наличия снарядов: как только их накапливалось достаточное количество, войска наносили удар на

каком-либо участке¹. Всего с декабря 1944 г. по март 1945 г. советские войска в Курляндии провели четыре наступательные операции: третья — 23—30 декабря, четвертая — 23—24 января, пятая — 16—24 февраля и шестая — 21 марта — 3 апреля. В результате территория котла сократилась незначительно, но главная цель — сковать противника и не допустить эвакуацию его войск из Курляндии — была в определенной степени достигнута.

В итоге третьей операции в ходе недельных боев противник был потеснен в районе юго-западнее Джуксте и возникла угроза устойчивости всего тукумского рубежа. Последнее особенно тревожило командование группы армий, и оно решило нанести контрудар. В районе Джуксте (20 км юго-восточнее Тукумса) была создана контрударная группировка в составе свыше трех дивизий, в том числе части 4-й и 12-й танковых (80 танков и штурмовых орудий), 11—12 артиллерийских дивизионов². Организация и проведение контрудара возлагались на командира 6-го корпуса СС.

Разведка армии вскрыла сосредоточение войск противника и по заявке штаба части 15-й воздушной армии 3 января нанесли по нему бомбовый удар. Тем не менее в ночь на 5 января, используя густой туман, противник вышел на исходные позиции и в 13 часов 30 минут после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки с пяти направлений атаковал части 119-го корпуса. И хотя соединения армии впервые подверглись такому массированному танковому удару, они выдержали этот трудный экзамен, попятившись всего на 1,5—2 км. Особенно храбро сражались воины 44-й дивизии полковника А. А. Мироненко. Однако тяжелое положение, сложившееся на участках ее соседей, привело к окружению подразделений 146-го и 25-го стрелковых полков майоров В. М. Колосовского и В. А. Рябова. Несмотря на крайне трудные условия боя, они продолжали удерживать свои позиции до последнего патрона, до последней гранаты³. Был смертельно ранен командир 374-й дивизии полковник Б. А. Городецкий. Не сдали своих позиций и воины 2-го батальона 1250-го полка 376-й дивизии полковника Д. И. Павлова. Когда танки противника смяли его оборону и окружили командный пункт батальона, радист млад-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1960, т. 5, с. 33.

² ЦАМО, ф. 239, оп. 2224, д. 270, л. 1.

¹ См.: Сандалов Л. М. Трудные рубежи. М., 1965, с. 140.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 956, л. 76, 318.

³ Там же, л. 330.

ший сержант В. Т. Бухалов вызвал огонь на себя¹. С началом контрудара в атакованные гитлеровцами соединения немедленно выехали офицеры политотдела армии во главе с его новым начальником полковником М. М. Вавиловым, который незадолго до этого возглавлял политотдел 78-й сибирской стрелковой дивизии, отличившейся под Москвой, и 13-й гвардейской дивизии, героически сражавшейся в Сталинграде. Его опыт пришелся как нельзя кстати в сложившейся обстановке.

Вклинение врага на ряде участков в оборону стрелковых частей и их частичный отход поставили артиллерию лицом к лицу с атакующими танками, но артиллеристы не дрогнули. Все орудия, начиная с батальонных и кончая армейскими и РГК, продолжали оставаться на своих огневых позициях, и часть их была раздавлена вражескими танками. Так получилось со взводом 45-мм орудий 25-го стрелкового полка 44-й дивизии под командованием лейтенанта Л. П. Черепанова — он успел подбить всего один вражеский танк. Но артиллеристы продолжали сражаться вместе с пехотой. Взвод 288-го истребительно-противотанкового дивизиона этой дивизии под командованием лейтенанта Р. К. Родина, атакованный 12 танками, подбил 3 из них, но был окружен. Расчеты орудий, смятых вражескими танками, отбились гранатами и в рукопашной схватке пробившись к своей пехоте².

На линии огневых позиций дивизионной артиллерии противник был остановлен. При этом выявилась недостаточность опыта ее борьбы с массированной атакой танков, что привело к непроизводительному расходу снарядов: на каждый уничтоженный вражеский танк орудия дивизионной артиллерии расходовали до 30 выстрелов. Но упорства и стойкости артиллеристам было не занимать. 7-ю и 8-ю батареи 122-го артиллерийского полка 44-й дивизии в районе Дути атаковали 30 танков врага. Когда они приблизились к артиллерийским позициям на 600 м, по сигналу командира 7-й батареи старшего лейтенанта В. Н. Семенова и заменившего командира 8-й батареи оружейного мастера старшего сержанта Ломакина орудия открыли огонь и уничтожили 6 танков и до 100 человек пехоты³. Все атаки врага удалось отбить. Командир взвода 3-го дивизиона 942-го артиллерийского полка

374-й дивизии лейтенант Г. М. Козлов подбил два танка и штурмовое орудие, в рукопашной схватке уничтожил шесть гитлеровцев. Рядовой этого же дивизиона И. Р. Картавых, будучи раненным, уничтожил танк и штурмовое орудие. Командир 8-й батареи старший лейтенант М. Ф. Польский уничтожил три вражеских танка и погиб смертью героя¹. 7-я батарея 943-го артиллерийского полка 376-й дивизии под командованием старшего лейтенанта А. К. Вершинина подбила девять танков врага и картечью в упор расстреляла его пехоту².

Внесли свою лепту в отражение атак врага и зенитчики 73-й зенитно-артиллерийской дивизии полковника В. Ф. Иващенко. Семь танков атаковали батарею 37-мм пушек старшего лейтенанта Савкина. Батарея открыла огонь, но ее снаряды отскакивали от брони танков, не причиняя им вреда. Савкин подал команду: «Бить по гусеницам!» Удачная очередь взвода лейтенанта Похитуна — и первый танк завертелся на месте с перебитой гусеницей. Воодушевленные этим успехом, бойцы батареи подбили еще три танка, остальные повернули назад³.

Однако, пожалуй, основную тяжесть борьбы с танками врага вынес 1186-й армейский истребительно-противотанковый полк подполковника А. И. Овсянникова, который занимал позиции в боевых порядках 44-й и 374-й дивизий по обе стороны шоссе Джуксте — Добеле, где противник наносил свой главный удар. Уже в начале вражеской атаки отличился расчет коммуниста старшины И. А. Шапошникова, в течение 30 минут подбивший пять вражеских танков. Успех был достигнут благодаря искусному выбору огневой позиции, ее умелой маскировке и личному мастерству Шапошникова.

В этот день совершил выдающийся подвиг командир 2-й батареи полка коммунист капитан В. К. Зимнягин. Его батарею атаковали 12 танков врага. Он приказал подпустить их на расстояние до 300 м и только тогда открыл огонь. Первыми выстрелами были подожжены два танка и один подбит. Остальные стали обходить огневую позицию с флангов. В батарее осталось всего два орудия, но артиллеристы продолжали вести огонь и подбили еще два танка. Когда танки прорвались к позиции последнего орудия, Зимнягин сам встал на место наводчика и подбил

¹ ЦАМО, ф. 1434, оп. 103523, д. 2, л. 66—68.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 956, л. 105.

³ Там же, л. 351.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 945, л. 53—56.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 956, л. 320.

³ См.: Голованов Н. Я. Житомирское Краснознаменное имени Ленинского комсомола. М., 1977, с. 117—118.

наличие вооружения и боеприпасов. Точными всегда были и его данные о противостоящем противнике¹. 22 октября согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования войска 2-го Прибалтийского фронта перешли к временной обороне. 23 октября командующий фронтом приказал 1-й ударной армии, закрепившись на достигнутом рубеже, вести усиленную разведку и к исходу 25 октября подготовить операцию силами 3—4 дивизий в целях захвата Тукумса. С 20 часов 25 сентября из состава армии выводелся в резерв фронта 12-й гвардейский корпус.

Рижская наступательная операция завершилась. В результате были освобождены южная часть Эстонии и большая часть Латвии (за исключением Курляндии). С 17 июля по 20 октября войска 1-й ударной армии с боями прошли около 450 км и освободили от врага 5400 населенных пунктов, в том числе города Остров, Аптсла, Валга, Стренчи, Валмиера, Юрмала, Слока, Кемери и во взаимодействии с другими армиями — столицу Советской Латвии Ригу. Под ударами войск армии враг потерял убитыми и ранеными 46 820 солдат и офицеров, 130 артиллерийских орудий, 184 миномета, 1170 пулеметов и много другого вооружения; было захвачено более 3000 пленных, 33 танка и штурмовых орудия, 583 артиллерийских орудия, 280 минометов, 444 пулемета, а также значительное количество различного вооружения и военного имущества².

Большие потери в операции понесли и наши войска. Чувствовалась усталость личного состава частей после почти непрерывных четырехмесячных боев и длительных маршей. Однако моральный дух войск был высоким. Вместе с тем никто в армии тогда не представлял еще, сколь трудными будут завершающие бои в Курляндии.

Глава 11.

В КУРЛЯНДИИ

В результате Мемельской и Рижской операций в октябре 1944 г. на Курляндском полуострове в западной части Латвии была отсечена от основных сил немецко-фашистской армии и прижата к Балтийскому морю группа ар-

¹ См.: К берегам Янтарного моря: Воспоминания. М., 1969, с. 203.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6788, д. 10, л. 174.

мий «Север». В огромном котле площадью около 14 тыс. кв. км, протяженностью по фронту 250 км и по побережью моря 320 км, удаленном от основной группировки немецко-фашистской армии в Восточной Пруссии до 100 км, оказалась вся группа армий «Север» в составе 16-й и 18-й армий — всего 38 дивизий, бригад и боевых групп, а также большое число артиллерийских частей РГК, специальных войск, тыловых частей и учреждений. На аэродромах Курляндии базировались 200 самолетов 1-го воздушного флота противника. С моря отсеченную группировку поддерживали корабли военно-морского флота, основные силы которого были сосредоточены в восточной части Балтийского моря. Общая численность курляндской группировки достигала 450 тыс. человек.

Необходимо отметить, что войска группы армий «Север» за время боевых действий на северо-западе России и в Прибалтике не подвергались таким сокрушительным разгромам, какие испытали гитлеровские войска в Белоруссии и на Украине. Поэтому соединения группы сохраняли свою организационную структуру (три полка двухбатальонного состава), численность (рот — 70—80 человек, дивизий — 7—8 тыс.), кадровый и возрастной состав, имели достаточно высокий морально-боевой дух и воинскую дисциплину. Курляндская группировка располагала большими запасами материальных средств, что позволяло ее частям почти до конца боевых действий расходовать боеприпасы без особого ограничения и сохранять довольствие по обычным нормам. Наконец, важно указать также на инженерную подготовку района боевых действий. Помимо тукумского оборонительного рубежа по линии Тукумс, Джуксте, Ауце (две полосы общей глубиной 10—14 км) были подготовлены два оперативных рубежа по линии Кандава, Салдус и по западному берегу реки Вента, оборонительные обводы у портов Лиепая и Вентспилс, а также целый ряд промежуточных и отсечных позиций. В целом вся территория котла представляла собой своеобразный укрепленный район с флагами, упирающимися в море. Если учесть все вышесказанное, то станет ясно, что курляндская группировка являлась весьма сильным противником. Это обстоятельство в сочетании с другими факторами оперативно-стратегической обстановки и обусловило неудачи первых операций по ее уничтожению и в определенной степени затяжной характер боевых действий в Курляндии в целом.

В октябре 1944 г. против войск группы армий «Север»

в Курляндии действовали 1-й и 2-й Прибалтийские фронты в составе девяти общевойсковых армий (1, 3 и 4-я ударные, 6-я и 10-я гвардейские, 22, 42, 51 и 61-я), объединяющих 72 стрелковые дивизии, 5-я гвардейская танковая и 3, 14, 15-я воздушные армии. Советские войска имели в два раза больше дивизий, однако их численность была в 1,5—2 раза меньше гитлеровских¹. Большинство дивизий насчитывали всего 500—1000 человек активного состава. Тяжелое положение было и с боеприпасами. Ставка вынужденно держала войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов на «голодной» норме.

Кроме того, на ход боевых действий в Курляндии влияла недостаточная поддержка сухопутных войск кораблями Балтийского флота. По свидетельству адмирала В. Ф. Трибуца, наш флот на Балтике в то время не мог эффективно противостоять гитлеровскому: крупные корабли не могли выйти из Кронштадта из-за большой минной опасности, подводных лодок было мало. Меньше, чем у противника, было торпедных катеров, морских охотников и морской авиации².

Таким образом, соотношение сил сторон в целом было примерно равным. В сложившейся обстановке особое значение приобретал фактор времени. И потому каждая из сторон стремилась упредить другую в достижении своих целей. Гитлеровское командование сразу же после отсечения группы армий «Север» поставило целью пробить коридор в Восточную Пруссию и вывести через него свои войска. Для этого южнее Лиепая спешно создавалась ударная группировка из специально сформированного 39-го танкового и 1-го армейского корпусов (три танковые, пять пехотных дивизий), усиленных значительным количеством артиллерии РГК и поддерживаемых 1-м воздушным флотом и кораблями. Одновременно предполагалось нанести встречный удар из района Тильзита на Клайпеду танковым корпусом «Герман Геринг».

Советское командование, стремясь быстрее закончить с курляндской группировкой и высвободить войска для использования их на главных операционных направлениях, потребовало от маршала А. М. Василевского, координирующего в качестве представителя Ставки действия войск Прибалтийских фронтов, в кратчайшее время за-

вершить ее разгром. Согласно разработанному маршалом Василевским плану операции 1-й Прибалтийский фронт наносил удар левым крылом в направлении Лиепая, 2-й Прибалтийский главный удар силами 42-й, 10-й гвардейской и 3-й ударной армий наносил из района восточнее Ауце (55 км юго-западнее Тукумса) в направлении Салдуса, а вспомогательный смежными флангами 1-й ударной и 22-й армий — вдоль железной дороги Елгава — Тукумс¹.

После трехдневной подготовки утром 27 октября войска обоих фронтов перешли в наступление и сразу же встретили ожесточенное сопротивление противника. За 10 дней упорных боев ударная группировка 1-го Прибалтийского фронта продвинулась на 15—20 км, 2-го Прибалтийского — на 10—15 км, 119-й корпус (53-я гвардейская, 376, 374, 245-я дивизии), на который генерал Н. Д. Захватаев возложил задачу прорыва, вклинился в оборону противника в районе Слампе на фронте до 10 км и на глубину до 6 км. Уже к 1 ноября наступающие войска израсходовали имеющиеся боеприпасы и резервы и 6 ноября получили приказ закрепиться на достигнутом рубеже. Как и в первой операции, войскам 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов не удалось достичь целей, поставленных Ставкой ВГК. Вместе с тем важнейшим результатом обеих операций явилось то обстоятельство, что для отражения наступления советских войск командование группы армий вынуждено было ввести в сражение части, предназначенные для осуществления прорыва в Восточную Пруссию. В ожесточенных боях они понесли тяжелые потери и утратили свою ударную силу. Так был сорван план врага деблокировать курляндскую группировку².

Октябрьско-ноябрьские операции показали, что 1-й и 2-й Прибалтийские фронты имеющимися силами и средствами в короткие сроки уничтожить курляндскую группировку не смогут, а гитлеровское командование поняло, что расчет на ее соединение с главной группировкой немецко-фашистской армии нереален. Это привело к коренным изменениям планов сторон. В этих условиях Ставка ВГК приняла решение перейти к блокаде курляндской группировки, частными наступательными операциями

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1965, т. 6, с. 228—229.

² См.: Трибуц В. Ф. Балтийцы наступают. Калининград, 1968, с. 297—298.

¹ ЦАМО, ф. 239, оп. 2224, д. 1346, л. 120—130.

² См.: Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. Рига, 1970, с. 783.

«продолжать уничтожение прижатой к морю курляндской группировки противника и воспрепятствовать использованию ее войск на других направлениях»¹. Гитлеровское командование отменило приказ о прорыве, поставив группе армий «Север» задачу прочно удерживать Курляндию, чтобы сковать здесь возможно большее количество советских войск. Однако переход советских войск от широких наступательных операций к частным позволил Ставке ВГК уже в ноябре — декабре 1944 г. вывести из состава 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов в свой резерв три общевойсковые, танковую и две воздушные армии².

Выйдя в ходе завершения Рижской операции к восточному фасу Курляндского котла и завершив окружение противника, 1-я ударная армия вновь оказалась на второстепенном направлении и оставалась на нем до конца войны. Выведенный из ее состава 12-й гвардейский корпус (23-я и 52-я гвардейские и 33-я дивизии) впоследствии в составе 3-й ударной армии, которой командовал первый командующий 1-й ударной генерал-полковник В. И. Кузнецов, участвовал в штурме Берлина. Видимо, принимая решение на дальнейшее использование армии, Ставка учла большой опыт ее действий в лесисто-болотистой местности, полученный на Северо-Западном фронте. Действительно, все было как под Старой Руссой — те же условия обстановки: ограниченные силы и средства, наличие перед фронтом сильной обороны противника, обширных участков лесисто-болотистой местности, затрудняющей использование тяжелой боевой техники. Та же цель — сковывание противника, недопущение переброски его резервов на другие направления. Тот же способ действий — ведение частных наступательных операций в сочетании с активной обороной. И даже противник в полосу армии был тот же, что и под Старой Руссой, — части 16-й немецкой армии.

Итак, снова сковывание и ведение частных наступательных операций. По свидетельству бывшего начальника штаба 2-го Прибалтийского фронта генерала Л. М. Сандалова, такие операции предпринимались в зависимости от наличия снарядов: как только их накапливалось достаточное количество, войска наносили удар на

каком-либо участке¹. Всего с декабря 1944 г. по март 1945 г. советские войска в Курляндии провели четыре наступательные операции: третья — 23—30 декабря, четвертая — 23—24 января, пятая — 16—24 февраля и шестая — 21 марта — 3 апреля. В результате территория котла сократилась незначительно, но главная цель — сковать противника и не допустить эвакуацию его войск из Курляндии — была в определенной степени достигнута.

В итоге третьей операции в ходе недельных боев противник был потеснен в районе юго-западнее Джуксте и возникла угроза устойчивости всего тукумского рубежа. Последнее особенно тревожило командование группы армий, и оно решило нанести контрудар. В районе Джуксте (20 км юго-восточнее Тукумса) была создана контрударная группировка в составе свыше трех дивизий, в том числе части 4-й и 12-й танковых (80 танков и штурмовых орудий), 11—12 артиллерийских дивизионов². Организация и проведение контрудара возлагались на командира 6-го корпуса СС.

Разведка армии вскрыла сосредоточение войск противника и по заявке штаба части 15-й воздушной армии 3 января нанесли по нему бомбовый удар. Тем не менее в ночь на 5 января, используя густой туман, противник вышел на исходные позиции и в 13 часов 30 минут после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки с пяти направлений атаковал части 119-го корпуса. И хотя соединения армии впервые подверглись такому массированному танковому удару, они выдержали этот трудный экзамен, попятившись всего на 1,5—2 км. Особенно храбро сражались войны 44-й дивизии полковника А. А. Мироненко. Однако тяжелое положение, сложившееся на участках ее соседей, привело к окружению подразделений 146-го и 25-го стрелковых полков майоров В. М. Колосовского и В. А. Рябова. Несмотря на крайне трудные условия боя, они продолжали удерживать свои позиции до последнего патрона, до последней гранаты³. Был смертельно ранен командир 374-й дивизии полковник Б. А. Городецкий. Не сдали своих позиций и войны 2-го батальона 1250-го полка 376-й дивизии полковника Д. И. Павлова. Когда танки противника смяли его оборону и окружили командный пункт батальона, радист млад-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1960, т. 5, с. 33.

² ЦАМО, ф. 239, оп. 2224, д. 270, л. 1.

¹ См.: Сандалов Л. М. Трудные рубежи. М., 1965, с. 140.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 956, л. 76, 318.

³ Там же, л. 330.

ший сержант В. Т. Бухалов вызвал огонь на себя¹. С началом контрудара в атакованные гитлеровцами соединения немедленно выехали офицеры политотдела армии во главе с его новым начальником полковником М. М. Вавиловым, который незадолго до этого возглавлял политотдел 78-й сибирской стрелковой дивизии, отличившейся под Москвой, и 13-й гвардейской дивизии, героически сражавшейся в Сталинграде. Его опыт пришелся как нельзя кстати в сложившейся обстановке.

Вклинение врага на ряде участков в оборону стрелковых частей и их частичный отход поставили артиллерию лицом к лицу с атакующими танками, но артиллеристы не дрогнули. Все орудия, начиная с батальонных и кончая армейскими и РГК, продолжали оставаться на своих огневых позициях, и часть их была раздавлена вражескими танками. Так получилось со взводом 45-мм орудий 25-го стрелкового полка 44-й дивизии под командованием лейтенанта Л. П. Черепанова — он успел подбить всего один вражеский танк. Но артиллеристы продолжали сражаться вместе с пехотой. Взвод 288-го истребительно-противотанкового дивизиона этой дивизии под командованием лейтенанта Р. К. Родина, атакованный 12 танками, подбил 3 из них, но был окружен. Расчеты орудий, смятых вражескими танками, отбились гранатами и в рукопашной схватке пробившись к своей пехоте².

На линии огневых позиций дивизионной артиллерии противник был остановлен. При этом выявилась недостаточность опыта ее борьбы с массивной атакой танков, что привело к непроизводительному расходу снарядов: на каждый уничтоженный вражеский танк орудия дивизионной артиллерии расходовали до 30 выстрелов. Но упорства и стойкости артиллеристам было не занимать. 7-ю и 8-ю батареи 122-го артиллерийского полка 44-й дивизии в районе Дути атаковали 30 танков врага. Когда они приблизились к артиллерийским позициям на 600 м, по сигналу командира 7-й батареи старшего лейтенанта В. Н. Семенова и заменившего командира 8-й батареи оружейного мастера старшего сержанта Ломакина орудия открыли огонь и уничтожили 6 танков и до 100 человек пехоты³. Все атаки врага удалось отбить. Командир взвода 3-го дивизиона 942-го артиллерийского полка

374-й дивизии лейтенант Г. М. Козлов подбил два танка и штурмовое орудие, в рукопашной схватке уничтожил шесть гитлеровцев. Рядовой этого же дивизиона И. Р. Картавых, будучи раненным, уничтожил танк и штурмовое орудие. Командир 8-й батареи старший лейтенант М. Ф. Польский уничтожил три вражеских танка и погиб смертью героя¹. 7-я батарея 943-го артиллерийского полка 376-й дивизии под командованием старшего лейтенанта А. К. Вершинина подбила девять танков врага и картечью в упор расстреляла его пехоту².

Внесли свою лепту в отражение атак врага и зенитчики 73-й зенитно-артиллерийской дивизии полковника В. Ф. Иващенко. Семь танков атаковали батарею 37-мм пушек старшего лейтенанта Савкина. Батарея открыла огонь, но ее снаряды отскакивали от брони танков, не причиняя им вреда. Савкин подал команду: «Бить по гусеницам!» Удачная очередь взвода лейтенанта Похитуна — и первый танк завертелся на месте с перебитой гусеницей. Воодушевленные этим успехом, бойцы батареи подбили еще три танка, остальные повернули назад³.

Однако, пожалуй, основную тяжесть борьбы с танками врага вынес 1186-й армейский истребительно-противотанковый полк подполковника А. И. Овсянникова, который занимал позиции в боевых порядках 44-й и 374-й дивизий по обе стороны шоссе Джуксте — Добеле, где противник наносил свой главный удар. Уже в начале вражеской атаки отличился расчет коммуниста старшины И. А. Шапошникова, в течение 30 минут подбивший пять вражеских танков. Успех был достигнут благодаря искусному выбору огневой позиции, ее умелой маскировке и личному мастерству Шапошникова.

В этот день совершил выдающийся подвиг командир 2-й батареи полка коммунист капитан В. К. Зимнягин. Его батарею атаковали 12 танков врага. Он приказал подпустить их на расстояние до 300 м и только тогда открыл огонь. Первыми выстрелами были подожжены два танка и один подбит. Остальные стали обходить огневую позицию с флангов. В батарее осталось всего два орудия, но артиллеристы продолжали вести огонь и подбили еще два танка. Когда танки прорвались к позиции последнего орудия, Зимнягин сам встал на место наводчика и подбил

¹ ЦАМО, ф. 1434, оп. 103523, д. 2, л. 66—68.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 956, л. 105.

³ Там же, л. 351.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 945, л. 53—56.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 956, л. 320.

³ См.: Голованов Н. Я. Житомирское Краснознаменное имени Ленинского комсомола. М., 1977, с. 117—118.

шестой танк. Будучи тяжело раненым, он с противотанковой гранатой бросился к ближайшему танку, но бросить ее не успел, сраженный пулеметной очередью. По представлению Военного совета армии капитану В. К. Зимнягину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза¹.

За первый день боя полк уничтожил 20 танков и 3 штурмовых орудия врага, потеряв 9 своих орудий. Во второй день полк потерял остальные 8 орудий, но уничтожил еще 5 танков и 2 штурмовых орудия². Все командиры батарей полка были награждены орденом Александра Невского, командиры орудий и наводчики — орденом Отечественной войны, орудийные номера — медалями. И. А. Шапошников, ранее награжденный двумя орденами Славы, был удостоен ордена Красного Знамени, а наводчик его орудия К. Лемешев сфотографирован у развернутого полкового Знамени, и фото героя послано его семье. 19 марта полку вручили Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ. Ее принял комсорг полка младший лейтенант П. А. Кошколда. Армейская газета посвятила несколько статей подвигам воинов полка, а в передовой статье «Подвиг большевика» рассказывалось о И. А. Шапошникове.

После отражения контрудара во всех частях армии были проведены митинги, партийные и комсомольские собрания. На них обсуждались вопросы, связанные с поведением каждого коммуниста и комсомольца в бою, выявлялся положительный опыт и вскрывались недостатки. Эти собрания явились хорошей школой воспитания ответственности всех за выполнение боевой задачи³.

Срыв контрудара 5—6 января позволил войскам армии в четвертой (23—24 января) и пятой (16—24 февраля) операциях продолжать взлом тукумского рубежа обороны противника. Армия, усиленная 122-м генерал-майора Н. М. Мартынука и 123-м генерал-лейтенанта Ф. Я. Соловьева корпусами, 78-й танковой бригадой полковника В. К. Бородавкина, 221-м танковым и 1473-м самоходно-артиллерийским полками, в ходе последней операции овладела сильным узлом сопротивления противника — Джуксте. На окраине поселка бойцы обнаружили огромное кладбище — свидетельство того, как дорого

стоили врагу бои за Джуксте. Однако развить успех армии не смогла. Уже 20 февраля генерал В. Н. Разуваев, заменивший на посту командарма генерала Н. Д. Захватаева, докладывал маршалу Говорову: «Армия в течение 20.2 продолжала наступление, однако, имея крайне ограниченное количество боеприпасов... израсходовала значительную часть на отражение контратак противника...»¹ Действительно, в течение 19—21 февраля гитлеровцы предприняли более 50 контратак силою от роты до двух батальонов при поддержке 35—40 танков. Эти контратаки, а также сильный заградительный огонь артиллерии с ежесуточным расходом 7—9 тыс. снарядов и мин срывали все попытки войск армии развить наступление. 24 февраля армия, не добившись решающего успеха, перешла к обороне.

Вместе с тем, поскольку стратегическая обстановка требовала продолжать активные действия, маршал Л. А. Говоров дал указание о подготовке новой наступательной операции. Ее намечалось начать во второй половине марта, а до этого сковывать врага частными наступательными боями на различных участках фронта. После небольшой оперативной паузы, уже 3 марта, несмотря на начавшуюся весеннюю распутицу, части 6-й гвардейской армии вновь завязали бои под Лиенаей. С 7 марта возобновились бои и в полосе 1-й ударной.

В одном из этих боев пример высокого самопожертвования показал помощник командира взвода 112-й отдельной разведроты 201-й дивизии старший сержант С. А. Шалыгин. Во время отражения контратаки врага, когда командиру роты старшему лейтенанту Д. К. Федотову угрожала смертельная опасность, Шалыгин бросился к нему и прикрыл его своим телом. И ранее Шалыгин показывал образцы мужества, неоднократно участвуя в разведпоисках и захвате «языков». Старший сержант Шалыгин за совершенный им подвиг был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза².

В середине марта в бой вступили части 8-го эстонского стрелкового корпуса генерал-майора Л. А. Пэрна, прибывшие в Курляндию после завершения освобождения Эстонии. Вместе с воинами 130-го латышского корпуса они развернули боевые действия в районе Салдуса. 18 марта бессмертный подвиг совершил командир взвода

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 18, л. 86.

² ЦАМО, ф. 1186 иштап, оп. 920839, д. 9, л. 3.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 956, л. 337.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 937, л. 52.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 54, л. 108.

1-го батальона 300-го стрелкового полка 7-й эстонской дивизии лейтенант Я. М. Кундер. При атаке опорного пункта противника в районе станции Блдицепа (25 км западнее Добеле) батальон попал под сильный фланговый огонь из дзота, и бойцы вынуждены были залечь. Кундер решил уничтожить огневую точку врага. Скрытно он подобрался к дзоту и бросил гранату, но промахнулся. Вторая граната попала в амбразуру, но вражеский пулемет продолжал вести огонь. У Кундера не осталось больше гранат, и он открыл по амбразуре огонь из пистолета, но был тяжело ранен. Собрав все силы, воин дополз до дзота и своим телом закрыл его амбразуру. Так доблестный сын Эстонии повторил на исходе войны подвиг Александра Матросова. Поднявшийся в атаку батальон овладел опорным пунктом врага. По представлению Военного совета 1-й ударной армии лейтенанту Я. М. Кундеру было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза¹.

Замысел шестой, наиболее напряженной наступательной операции фронта в принципе не отличался от прежних, но условия для ее подготовки и проведения значительно усложнились. В связи со слабой укомплектованностью дивизий (2300—2800 человек) и различной организационной структурой их, а также отсутствием пополнения штаб фронта 2 марта дал указание до 12 марта перевести все дивизии на сокращенный штат (3500 человек), имея в них по три полка двухбатальонного состава по три роты численностью 60 человек в каждой. 7 марта по армии был издан приказ «Об экономном расходе боеприпасов», в котором говорилось, что отпуск боеприпасов на март для частей и соединений армии не предполагается, и устанавливался жесткий лимит их расходования². В связи с этим было решено в период артиллерийской подготовки и поддержки атаки, при сопровождении наступления пехоты и танков максимально использовать все три полка малого калибра 36-й зенитно-артиллерийской дивизии полковника В. Г. Митюшина, включив их побатарейно в состав артиллерийско-пехотных штурмовых групп. Такие группы создавались в дивизиях по указанию маршала Говорова, и заблаговременно проводилось их сколачивание.

Несмотря на все это, подготовка наступления была проведена тщательно, и результат не замедлил сказаться.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 793736, д. 26, л. 90.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6788, д. 13, л. 190.

В ходе шестой операции войска армии завершили прорыв тукумского оборонительного рубежа и к концу марта отбросили части 16-го армейского и 6-го корпуса СС на тыловой рубеж обороны по реке Визсате¹. Для предотвращения его прорыва командование группы армий спешно перебросило в полосу наступления 1-й ударной 218-ю пехотную дивизию, ожидавшую отправки в Германию, и 12-ю танковую дивизию.

В ходе мартовских боев отличился командир взвода 659-го саперного батальона 374-й стрелковой дивизии старший лейтенант О. В. Лавров. Под пулеметным огнем противника он прорвался на минированный мост через реку Абава в районе Биксты и, рискуя жизнью, сумел извлечь из заряда ВВ уже подожженные зажигательные трубки. Мост был спасен. Пример мужества и образцового выполнения своего долга показал офицер оперативного отдела штаба армии майор И. М. Скрынько. Проводя по указанию командующего армией командирскую разведку в районе станции Берзупе, он был ранен в грудь навылет, но тем не менее шпел в себе силы вернуться на наблюдательный пункт. Доложив генералу В. Н. Разуваеву о выполнении задания, он тут же упал.

Командующий спросил:

— Что с вами?

Скрынько прошептал:

— Ранен.

В госпитале член Военного совета генерал В. П. Гаршин вручил ему орден Красного Знамени.

Как всегда, в наступлении отважно действовали разведчики. Разведгруппа 112-й отдельной разведроты 201-й стрелковой дивизии под командованием помощника командира взвода старшего сержанта И. М. Симакова, проникнув 25 марта в тыл противника, вышла к реке Визсате. Беспшумно уничтожив охрану моста, разведчики перешли на северный берег и установили местоположение траншей и огневых позиций вражеской артиллерии. На четвертый день разведгруппа без потерь возвратилась. И. М. Симаков за успешную разведку тылового рубежа обороны противника был награжден орденом Славы I степени². Разведгруппа в составе отделения из взвода пешей разведки 1244-го полка 374-й стрелковой дивизии во главе со старшим сержан-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 957, л. 187—188.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 564521, д. 175, л. 204.

том Н. А. Морозовым в ночь на 31 марта пробралась в тыл опорного пункта врага в районе Глаудайни. С наступлением рассвета отважные разведчики внезапно атаковали его гарнизон. Морозов двумя гранатами уничтожил 12 гитлеровцев и 3 взял в плен. Завершив разгром гарнизона, разведчики закрепились в опорном пункте и удерживали его до подхода подразделений полка. За проявленное мужество и умелые действия при выполнении боевой задачи Н. А. Морозов был награжден орденом Славы I степени¹ и стал шестым в армии полным кавалером этого ордена.

В итоге шестой операции войска армии продвинулись на глубину до 22 км, расширив фронт прорыва до 33 км, нанесли врагу ощутимый урон, но главное — они своими активными действиями сковали до шести вражеских дивизий, то есть почти четвертую часть курляндской группировки. В течение марта гитлеровское командование не смогло вывезти из Курляндии ни одной дивизии.

Пришел апрель, а с ним в полной мере и весна с туманами, дождями, распутицей. После напряженных мартовских боев наступило почти полное затишье, нарушавшееся редкими пулеметными очередями и короткими артиллерийско-минометными налетами да периодическими вылетами на бомбежку врага самолетов 559-й армейской эскадрильи связи майора А. И. Степанова. 10 апреля во время налета осколками бомбы был убит генерал пехоты Шверин фон Крозиг, за три дня до своей гибели назначенный командующим 16-й армией.

Но это было затишье перед бурей. Обе стороны напряженно готовились к решающему сражению.

Директивой Ставки ВГК от 29 марта 2-й Прибалтийский фронт упразднился. Все его соединения и тыловые учреждения с 1 апреля передавались Ленинградскому фронту². Началась целеустремленная и глубокая подготовка к наступлению, полностью отвечавшая стилю работы маршала Говорова и его штаба. 7 апреля он провел совещание высшего командного состава фронта, на котором дал оценку сложившейся оперативно-стратегической обстановке, вскрыл причины невыполнения войсками задач в ранее проведенных операциях и поставил четкие задачи по подготовке войск к решающему сражению. Он приказал оставить в первой линии ми-

нимум сил, необходимых для охранения и наблюдения за противником, а остальные вывести во второй эшелон, доукомплектовать личным составом и вооружением и в течение 20 суток — с 10 по 30 апреля провести с ними усиленную (по 10 часов в день) боевую тренировку. 9 апреля штаб армии получил оперативную директиву фронта, в которой определялось: «Под боевой тренировкой войск понимать обучение войск в тех условиях конкретной обстановки и местности, в которых каждому подразделению, части и соединению предстоит решать свои боевые задачи...»¹

В соответствии с этой директивой штаб армии, который теперь возглавлял генерал-майор А. К. Кондратьев — бывший начальник штаба 54-й армии, сменивший тяжело болевшего генерал-майора В. Н. Ничушкина, разработал календарный план работы полевого управления армии с 10 апреля до 1 мая. Конечно, и раньше в ходе подготовки к той или иной наступательной операции войска армии занимались боевой подготовкой, но с такими масштабами и тщательностью ее проведения встречались впервые. По указанию генерала В. Н. Разуваева с середины апреля в первой линии на фронте 17 км были оставлены две дивизии, а остальные силы корпусов отведены на 10—15 км от переднего края, где приступили к боевой тренировке. Одновременно с ней шло укомплектование частей и соединений. Успехи советских войск в Польше и на Балканах, естественно, воодушевляли воинов 1-й ударной, способствовали формированию у них высокого боевого настроя. Это обстоятельство дало возможность чолитработникам армии больше уделить внимания мерам воздействия по ускорению разложения войск противника. Так, над позициями гитлеровцев в марте — апреле было сброшено около 10 млн. листовок-пропусков. Среди них была листовка с приказом маршала Говорова от 13 марта 1945 г. «Об отношении к капитулирующим немецким частям и к немецким военнопленным». Этот приказ многократно передавался и через громкоговорящие установки. Результаты не замедлили сказаться: почти каждую ночь передовые части армии задерживали от пяти до десяти перебежчиков со стороны противника.

В результате напряженной работы тыла материальные запасы армии возросли за месяц в 4—5 раз и на

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686046, д. 143, л. 120.

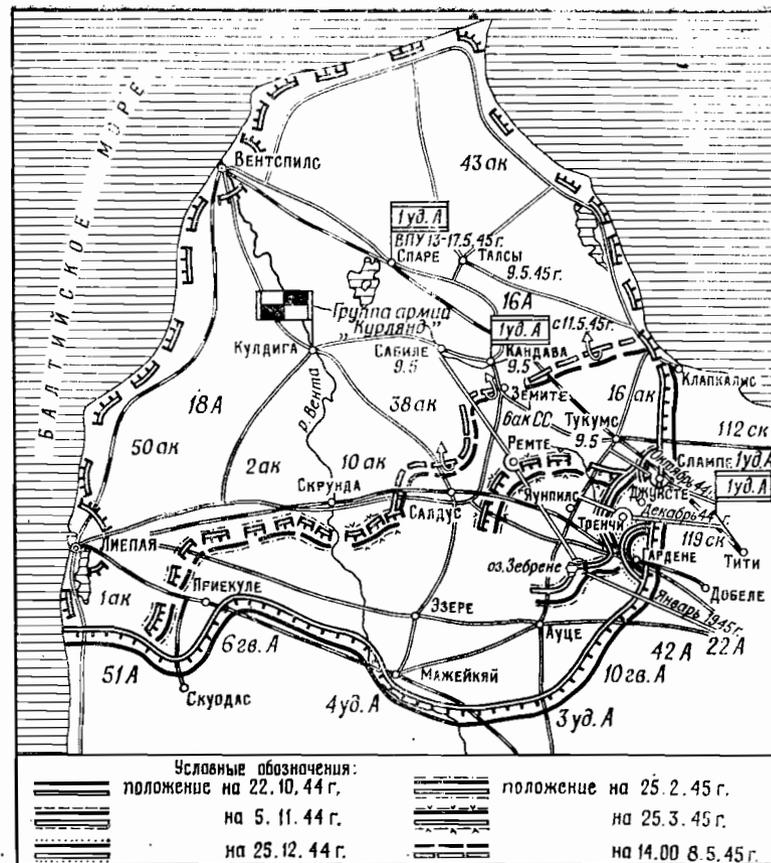
² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 6059, л. 7.

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 258, л. 78—80.

30 апреля составили: по боеприпасам — 1,5—2 боекомплекта, продовольствию — 25 сутодач, горючему — 2,4 заправки¹. Все раненые, подлежащие эвакуации, были отправлены в тыл, и госпитали были готовы к приему новых раненых.

30 апреля штаб армии подвел итоги боевой тренировки. В приказе отмечалось, что войска в апреле напряженно занимались сколачиванием и боевой тренировкой подразделений и добились в этом определенных результатов. Подразделения рота — батальон преодолевают с боем оборону противника на всю тактическую глубину (6—8 км) за два часа. Пехота приобрела навыки ведения огня с рубежа атаки и на ходу, совместных действий с танками и САУ.

В этот же день штаб армии получил директиву фронта, в которой определялись роль и место армии в заключительной операции, ее состав, задачи и порядок взаимодействия с другими армиями фронта. По замыслу маршала Говорова 1-я ударная армия, составляя основную силу ударной группировки правого крыла фронта, наносила глубокий удар вдоль железной и шоссейной дорог Тукумс — Вентспилс в целях рассечения курляндской группировки врага. Справа ей содействовала своим наступлением 67-я армия, слева — 42-я армия. В связи с этим армия значительно усиливалась. На 30 апреля в ее состав входили: четыре стрелковых корпуса (1, 8, 119, 123-й), 3-й гвардейский механизированный корпус, 34-я гвардейская танковая бригада, два танковых полка (32-й гвардейский, 221-й), четыре самоходно-артиллерийских полка (346-й гвардейский, 1102, 1503, 1047-й), три артиллерийские дивизии (6-я гвардейская, 20-я, 27-я), две минометные бригады (13-я, 31-я), три гаубичных артиллерийских полка (1945, 395, 376-й), 137-й пушечный полк, две гвардейские минометные бригады (12-я, 14-я), четыре гвардейских минометных полка (27, 28, 34, 60-й), 6-я гвардейская истребительно-противотанковая артбригада, 36-я зенитная артиллерийская дивизия. Готовность войск к наступлению была определена к исходу 2 мая 1945 г. Таким образом, готовился такой удар, который должен был сокрушить вражескую оборону на восточном фланге курляндской группировки, рассечь ее на части и завершиться во вза-

Боевые действия 1-й ударной армии в Курляндии (22.10.44 г. — 8.5.45 г.)

имдействию с другими силами фронта ее полным разгромом.

О подготовке этого удара знал и противник, и, как заявил при капитуляции командующий группой армий «Курляндия» генерал Гильперт, его войска до самого последнего момента готовились «к седьмой битве за Курляндию». На что же рассчитывало командование, готовясь сражаться до последнего? Конечно, оно ясно видело всю бесперспективность борьбы, но проявить инициативу ка-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 952, л. 102.

капитуляции «снизу» не считало возможным. Тем более что Гитлер категорически требовал удерживать Курляндию, утверждая, что группа армий «Курляндия» должна сыграть большую роль при повороте хода войны. Практически повторялась трагедия сталинградской группировки противника, когда никто из высших командиров не хотел взять на себя ответственность за принятие решения на выход из окружения, а затем и на капитуляцию. Нужен был приказ. Для поддержания боевого состава дивизий в них был передан личный состав из расформированных специальных и тыловых частей — саперно-строительных, железнодорожных, артиллерийских, потерявших свою матчасть, полицейских и других. Это позволило иметь в дивизиях по 18 пехотных рот численностью 60—70 человек и общую — 5,5—6 тыс. человек. В целях сохранения запасов для «седьмой битвы» в апреле был издан ряд приказов об экономии боеприпасов, горючего, о сокращении норм выдачи хлеба. Однако, несмотря на сложные условия, в которых находились войска группы армий «Курляндия», нельзя говорить о том, что ее соединения были неспособны оказать серьезное сопротивление наступлению советских войск. Последнее сражение могло быть весьма напряженным и кровопролитным.

Так прошел апрель: с виду — спокойно, фактически — в напряженной подготовке обеих сторон к решающей битве.

1 мая в соединениях и частях состоялись торжественные митинги и концерты. В 8-м эстонском корпусе выступал корпусной ансамбль песни и пляски. Никто из присутствующих на нем не предполагал, что один из его солистов, Г. К. Отс, — будущий народный артист СССР.

Наступил последний месяц войны. Пал Берлин. А в Курляндии все оставалось по-прежнему. 1 мая штаб 1-й ударной армии разработал план последней операции, согласно которому прорыв осуществлялся на фронте 11 км; главный удар наносили правофланговые 119-й и 1-й стрелковые и 3-й механизированный корпуса в общем направлении на Кандава, Сабиле, а вспомогательный — на левом фланге — 8-й эстонский стрелковый корпус, сматывавшая оборону противника на запад. Достигнутый успех на левом фланге армии должен был развивать 123-й корпус в общем направлении на Кабиле. Плотность артиллерии: на главном направлении — 112—125, на вспомогательном — 72 орудия и миномета на 1 км фронта. Половина

орудий зепитной артиллерии используется для стрельбы по наземным целям¹.

6 мая маршал Л. А. Говоров информировал генерала В. Н. Разуваева, что общая капитуляция фашистской Германии ожидается 8 мая. Однако, предупреждал он, не исключено, что в Курляндии придется добиваться капитуляции силой и что в целях сокращения линии фронта противник на тукумском направлении может предпринять отвод войск и армия должна быть готова к переходу в немедленное преследование. Штаб армии получил от штаба фронта информацию, что по указанию Ставки создана Государственная комиссия по приему капитуляции курляндской группировки, в состав которой вошли Маршал Советского Союза Л. А. Говоров, начальник штаба фронта генерал-полковник М. М. Попов, начальник политуправления фронта генерал-лейтенант А. П. Пигурнов и другие. Была получена инструкция о порядке капитуляции и разоружения войск противника в соответствии с международным правом.

Предположение маршала Говорова об отводе войск перед фронтом армии подтвердилось. Командование группы армий «Курляндия» не стало ожидать нашего удара и решило с часу почти 7 мая начать отвод войск 16-й армии в западном направлении. С рассветом от дивизий первого эшелона в штаб армии стали поступать донесения о движении мелких групп противника от переднего края в глубину его обороны. Разведка боем, проведенная по указанию генерала Разуваева, подтвердила, что противник перед фронтом армии начал отход. Войска армии немедленно перешли в наступление.

Во избежание излишнего кровопролития маршал Говоров 7 мая в 7 часов подписал и приказал передать по радио ультиматум командному составу курляндской группировки. На размышление давалось 24 часа. Одна из радиостанций штаба фронта вошла в сеть командования группы армий «Курляндия» и передала текст ультиматума. Обращаясь к командному составу курляндской группировки, маршал Говоров писал, что они, как командиры и офицеры, лучше других понимают: война окончательна проиграна, полный разгром и поражение Германии в войне стали свершившимся фактом. В этих условиях положение отрезанной курляндской группировки совершенно безнадежно и ее капитуляция и сдача в плен являются

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 750, л. 13—18.

актом благоразумия. Всем сдавшимся в плен немецким военнослужащим гарантировались жизнь, безопасность, возвращение после войны в Германию. Военнопленным обеспечивалось достаточное питание и врачебный уход за ранеными и больными, сохранение формы, знаков различия, орденов, личной собственности и ценностей. Маршал предупредил, что, если его ультиматум будет отклонен, вся ответственность за гибель солдат и офицеров «Курляндии» ляжет на них, командиров. Вскоре самолеты разбросали над позициями противника тысячи листовок с текстом ультиматума. Одновременно всем армиям были даны указания завершить подготовку к общему наступлению, которое должно было начаться в случае отклонения противником условий безоговорочной капитуляции. 67-й и 1-й ударной армиям надлежало продолжать наступление до тех пор, пока противник не выбросит белые флаги. Продвинувшись на 2—4 км, авангарды дивизий настигли части прикрытия противника, занявшие оборону на промежуточном рубеже. Для его преодоления пришлось развернуть первый эшелон дивизии. Трудно было командирам рот и батальонов поднимать бойцов в атаку! Это можно было понять: кому хотелось погибать накануне победы? К исходу дня противник был потеснен на 4—6 км.

Наступил последний день войны, но из-за напряженной обстановки не чувствовалось его приближения. На переднем крае тихо, редкие пулеметные очереди. Время приближается к 7 часам, а ответа на ультиматум все нет. Все разговоры на командном пункте армии идут об одном: примут гитлеровцы ультиматум или нет. Снова и снова громкоговорящие установки передают его текст. Гитлеровцы отвечают огнем. Поднявшиеся после артиллерийского налета части 119-го и 1-го корпусов залегли под сильным огнем врага. И снова поднимаются в атаку наши подразделения, сбивают прикрытия, и противник начинает отход.

Как выяснилось впоследствии, на командном пункте группы армий до утра шло сощещание — принимать капитуляцию или нет. В штабах соединений спешно уничтожались оперативные документы. Наконец в 6 часов 55 минут, за 5 минут до истечения срока ультиматума, радиостанция группы армий «Курляндия» передала радиogramму: «Командующему 2-м Прибалтийским фронтом. Всеобщая капитуляция принята. Устанавливаю связь и спрашиваю, на какой волне возможна связь с командованием

фронта. Наши волны... Гильперт, генерал пехоты». Получив радиogramму, маршал Говоров отменил приказ об общем наступлении. В 11 часов была послана ответная радиogramма, в которой сообщался порядок переговоров о капитуляции¹.

Пока шли эти переговоры, на правом крыле фронта события разворачивались своим чередом. Перед 67-й и 1-й ударной армиями противник стал медленно отходить, задерживая огнем продвижение наших войск, и к 14 часам попытался закрепиться на рубеже Кестерциемс, Пуре, Ване (15 км севернее, 35 км западнее Тукумса). Однако через час под давлением 201-й и 360-й дивизий 119-го корпуса он был вынужден продолжать отход. Сопротивление врага все больше слабело. Командующий фронтом запретил вводить в бой 8-й эстонский и 3-й механизированный корпуса и изъясил их из состава армии.

Первые отделения, взводы, роты, сдающиеся в плен... С 16 часов одна дивизия за другой доносят, что противник выставляет белые флаги и прекращает стрельбу. Генерал Разуваев приказывает продолжать наступление. На большинстве направлений передовые части армии вопли в боевые порядки вражеских войск и продвигаются в глубину их расположения. Гитлеровские солдаты растерянно смотрят на наших бойцов. Однако не все части подчинились приказу о капитуляции и открывали огонь по советским подразделениям, приближавшимся к переднему краю. В этих случаях приходилось вызывать огонь своей артиллерии. По мере продвижения соединения армии принимали капитулировавшие вражеские войска. К вечеру число сдавшихся в плен достигло почти 4 тыс.

В 17 часов в Эзере (30 км южнее Салдуса) начальник штаба фронта генерал-полковник М. М. Попов встретился с начальником тыла гитлеровской группы армий генерал-лейтенантом Раузером. Последний предъявил генералу Попову свои полномочия подписать капитуляцию. От имени маршала Говорова генерал Попов продиктовал генералу Раузеру порядок капитуляции. Им предусматривалось: в 23 часа 8 мая по среднеевропейскому времени войска группы армий «Курляндия» должны прекратить все боевые действия на земле, в воздухе и на море. 9 мая к 11 часам вывести пехотные дивизии с их средствами усиления с переднего края обороны в районы сосредоточения, после чего немедленно приступить к их разоружению и

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 963—965, л. 13, 14.

закончить его не позднее 16 часов 9 мая. Оружие и боевую технику сложить в районах, удаленных от пунктов сосредоточения войск на 3—4 км, и подготовить для передачи представителям командования Красной Армии. Категорически воспретить разрушение построек, оборудования, имущества и техники на всей занимаемой немецкими войсками территории¹. Командующему группой армий, командующим 16-й и 18-й армиями и командирам корпусов предлагалось прибыть на своих машинах и со своими радиостанциями в район Мажейкяй в специальный лагерь.

В 22 часа 06 минут 8 мая был подписан протокол о порядке капитуляции войск курляндской группировки². Закончилась война и в Курляндии. Впоследствии на доме в Эзере, где подписывалась капитуляция, была установлена мемориальная доска.

После полуночи Совинформбюро передало сообщение о подписании акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии, а затем приказ Верховного Главнокомандующего об объявлении 9 мая днем всенародного торжества — Праздником Победы. Это сообщение мгновенно достигло всех частей и подразделений. Начался стихийный салют. Взвились сотни осветительных и цветных ракет, во всех направлениях ночное небо бороздили трассирующие пули. Крики «ура», все обнимаются, целуются, поздравляют друг друга. Так никто и не уснул в эту первую мирную ночь.

Утром 9 мая во всех частях армии прошли торжественные митинги по случаю Праздника Победы. И сразу же после них войска приступили к выполнению задачи, поставленной штабом фронта: принять капитуляцию противостоящих войск противника, прочесать местность по обеим сторонам железной дороги Тукумс—Вентспилс шириной 30—40 км и глубиной 90 км и, продвигаясь с темпом 16 км в сутки, к исходу 16 мая выйти на побережье Балтийского моря на участке Пиза, устье реки Вента³.

По указанию командарма 306, 357 и 344-я дивизии 1-го стрелкового корпуса были остановлены на рубеже рек Абава и Имуде для несения заградительной службы. Части 201, 360 и 374-й дивизий 119-го стрелкового корпуса начали прочесывать местность в определенной директивой

фронта полосе. А 21-я гвардейская и 376-я дивизии 123-го стрелкового корпуса получили задачу стремительным рывком выйти на побережье Балтийского моря в район Вентспилса, содействуя силам флота в его освобождении, и завершить рассечение курляндской группировки врага.

Прием капитулирующих происходил без особых инцидентов. По распоряжению командующего фронтом командиры капитулирующих частей 16-го армейского корпуса управляли ими до завершения капитуляции. Как правило, свои обязанности они выполняли быстро и аккуратно, и их части сдавались со всем оружием и имуществом. Правда, не у всех хватало лояльности для выполнения условий капитуляции. Таких пришлось лишить права управления.

Армейская газета «На разгром врага» за 11 мая в статье «Капитуляция немецкой дивизии» так описывала спешную капитуляцию 218-й пехотной дивизии: «Советский генерал с группой офицеров выехал в Сабиле... Наш «виллис» с белым парламентарским флагом мчится по дороге. Здесь еще нет наших регулярных войск. Навстречу уныло бредут группами и в одиночку немецкие солдаты... Вдоль дороги валяются опрокинутые машины, разбитые пушки... много винтовок, воткнутых стволами в землю... Около городка Сабиле наш «виллис» встретила немецкая желто-зеленая машина. В ней сидело несколько германских офицеров. Они козыряют и, повернув машину, едут впереди, показывая нам дорогу. Лабиринтом узеньких мощеных улиц проезжаем к мосту и за рекой в пригороде останавливаемся в каком-то имении... Советский генерал проходит в помещение штаба. Группа штабных офицеров молча стоит перед ним.

— Полковник Денер, — представляется один из шх.

— Вы командир дивизии? — спрашивает через переводчика наш генерал.

— Нет, я замещаю его. Командир вчера утром выехал неизвестно куда...

Советский генерал интересуется численным составом, оружием немецкой дивизии. Из четырех тысяч палицо немногим более двух тысяч.

— А где остальные?

— Не знаю, — растерянно отвечает немецкий полковник. — В последних боях мы много потеряли...

— Сколько оружия сдала дивизия? — спрашивает представитель советского командования.

— Пятнадцать гаубиц, 1200 винтовок...

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 957, л. 468—469.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1649, д. 129, л. 10.

³ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 749, л. 44—49.

Мы осматриваем наваленные около дома штабеля винтовок, груды пулеметов. На земле валяются пистолеты, ящики боеприпасов, фаустпатроны, бинокли, противогазы. Рядом стоят цупки, зарядные ящики. Все это уже находится под охраной наших бойцов.

Представитель нашего командования приказал построить дивизию. Скоро длинные шеренги во главе с офицерами выступают на поляну. Наш генерал прошел перед строем немцев. Командиры батальонов, полков рапортуют нашему генералу.

Вскоре подписывается акт о капитуляции 218-й немецкой пехотной дивизии. То же происходит и с 205-й. К вечеру длинные колонны разоруженных немцев потянулись по дорогам. Впереди солдат шли их офицеры¹.

12-ю танковую дивизию пришлось поискать — ее командование не очень спешило капитулировать. По указанию генерала А. К. Кондратьева на розыск был послан один из офицеров-операторов на У-2. Он нашел ее там, где и предполагали, — в районе Запте. Как он потом докладывал, еще с воздуха на одной из больших полей он увидел выстроенные в четкую линию танки, САУ и бронетранспортеры с экипажами возле них. Выбрав свободное место на поляне, летчик посадил самолет. К нему подбежал начальник оперативного отделения штаба дивизии, доложил о готовности дивизии к сдаче и предъявил строевую записку. В ней значилось, что на 9 мая 1945 г. 12-я танковая дивизия имела в своем составе: людей — 9300, танков исправных — 31, штурмовых орудий — 18, бронетранспортеров — 50, артиллерийских орудий — 50, противотанковых самоходных орудий — 6, минометов — 32, 88-мм зенитных орудий — 18, 20-мм орудий — 44, счетверенных зенитных установок — 4, пулеметов ручных — 243, станковых — 90, грузовых автомашин — 1080.

По-иному сдавались в плен части 6-го корпуса СС. В штаб армии прибыл начальник штаба корпуса и вручил такой документ: «Согласно условиям капитуляции начальник штаба 6-го СС корпуса подполковник в генеральном штабе Цирфогель уполномочен явиться перед командующим советскими войсками в районе Тукумса вместо командующего 6-м СС корпусом», подписанный начальником штаба 16-й армии. На вопрос, почему пет в числе капитулировавших командира и офицеров кор-

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 957, л. 377—379.

пуса, он ответил, что ему неизвестно, где находится командир корпуса, а что касается офицеров и части солдат, то они разбежались. «А вы почему не убежали?» — спросили его. «А я не СС», — усмехнувшись, ответил он. На следующий день стало известно, что командир корпуса обергруппенфюрер СС Ф. Крюгер, страшась ответственности за свои преступления в Польше и Латвии, предпочел плену пулю в лоб. Командир 19-й дивизии СС группенфюрер СС Штрекенбах, переодетый в форму унтер-офицера, был разоблачен только через две недели в одном из лагерей военнопленных¹.

Войсковым разведчикам не надо было добывать через пленных так необходимые ранее сведения о противнике. Поэтому без особой канители офицеры капитулировавших частей направлялись на сборный пункт военнопленных в Яунпилс. Правда, в целях уточнения достоверности и полноты наших разведанных о составе, группировке и действиях противника, которые не удалось добыть в период боевых действий, некоторых из них допросили. По просьбе начальника штаба 16-го немецкого корпуса ему показали нашу разведывательную карту. Он с интересом ознакомился с ней и был очень удивлен, что штаб армии так хорошо знал группировку его частей. Армейские разведчики были весьма довольны такой своеобразной оценкой результатов своей работы.

Тем временем дивизии 119-го корпуса продолжали прочесывать местность. И далеко не везде это занятие было мирным: в отдельных хуторах и особенно в лесах наши подразделения наткнулись на внезапный огонь гитлеровцев, латышских буржуазных националистов из полицейских и охранных батальонов и частей СС, боявшихся расплаты за свои злодеяния. Они надеялись добраться до морского побережья и любыми средствами переправиться в Швецию. Стычки и потери... Вдвое горше было хоронить своих товарищей уже после окончания войны. В ходе боев такие утраты не чувствовались столь остро.

11 мая прием капитулировавших частей в основном закончился. Перестала существовать 250-тысячная группировка немецко-фашистских войск. 1-я ударная армия приняла капитуляцию 205, 218, 24-й пехотных дивизий и корпусных частей 16-го армейского корпуса, 19-й дивизии СС и корпусных частей 6-го корпуса СС, 12-й танковой дивизии и мотопехотной бригады «Курляндия» из состава

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 5977, л. 328.

ва 16-й армии. Всего за время боев 7—8 мая и в ходе последующей капитуляции войсками армии было приято и учтено: военнопленных — 35 363, в том числе 2 генерала, 916 офицеров¹; танков, САУ и штурмовых орудий — 132, бронетранспортеров и бронемашин — 161, артиллерийских орудий — 324, минометов — 52, пулеметов — 1041, винтовок и карабинов — 19 287, автоматов — 1515, радиостанций — 278, много боеприпасов и различного военного имущества².

12 мая, совершив форсированный марш с боями, части 21-й гвардейской и 376-й дивизий вышли на побережье Балтийского моря севернее Вентспилса, который к этому времени уже освободил десант моряков-катерников Балтийского флота.

1-я ударная армия победно завершила свой боевой путь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой и тяжелый путь прошла 1-я ударная армия, участвуя в освобождении оккупированных немецко-фашистскими войсками районов нашей Родины — под Москвой, на северо-западе и в Советской Прибалтике. Сложно говорить о роли, которую сыграла армия в Великой Отечественной войне, поскольку она действовала в составе фронтов во взаимодействии с другими армиями. Выполняя боевую задачу, она вносила свой посильный вклад в достижение общей военно-политической и стратегической цели, стоящей в то время перед Вооруженными Силами Советского Союза.

В составе армии в разное время действовали 13 стрелковых корпусов, 57 стрелковых, 7 артиллерийских, 2 гвардейские минометные, 6 зенитно-артиллерийских дивизий, 31 стрелковая, 8 танковых бригад и значительное число соединений и частей специальных войск.

Армия выполняла боевые задачи в составе ударных группировок фронтов, но чаще действовала на второстепенных направлениях в целях сковывания противника. Большой частью армия вела боевые действия соединениями, имеющими большой некомплект в личном составе и вооружении, при наличии ограниченных сил и средств, особенно танков и артиллерии, при слабой авиационной поддержке, в условиях жесткого лимита боеприпасов и других материальных средств. В ряде случаев и ту технику, которую армия получала в качестве усиления, она не могла полностью использовать из-за трудных условий лесисто-болотистой местности. Поэтому армия зачастую не могла полностью выполнить поставленные боевые задачи, хотя ее воины и проявляли большое упорство и самопожертвование, крайнее напряжение физических и моральных сил.

Войскам армии пришлось в разное время вести боевые действия против частей 3-й и 4-й танковых, 16-й и 18-й подлевых армий вермахта. Встретившись в феврале

¹ ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 937, л. 150.

² ЦАМО, ф. 301, оп. 6782, д. 746, л. 261—271.

1942 г. под Старой Руссой с 16-й гитлеровской армией, войска 1-й ударной армии в течение последующих трех лет вели против нее боевые действия и завершили их в Курляндии, вынудив ее капитулировать.

За время боевых действий войсками армии было уничтожено: самолетов — 305, танков и самоходных установок — 424, орудий разного калибра — 709, минометов — 585, пулеметов — 3280, автомашин — 723; захвачено: пленных — 43 053, танков и самоходных установок — 417, орудий разного калибра — 1424, минометов — 935, пулеметов — 3131, автомашин — 8287 и много другой военной техники и имущества.

В итоге боевых действий войска 1-й ударной армии во взаимодействии с другими армиями освободили от немецко-фашистских оккупантов десятки тысяч населенных пунктов Московской, Калининской и Псковской областей РСФСР, Эстонской и Латвийской ССР, в том числе 18 городов. Семь раз войска армии отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего и в честь побед ее воинов в столице нашей Родины производились торжественные салюты.

6 соединений из состава армии стали гвардейскими, 28 соединений и частей награждены орденами и 22 присвоены почетные наименования.

121 171 рядовой, сержант, офицер и генерал армии награждены орденами и медалями, из них 61 327 коммунистов и 42 248 комсомольцев; 12 воинов удостоены звания Героя Советского Союза, 6 стали полными кавалерами ордена Славы.

Теперь о героических делах воинов армии напоминают поднявшиеся из руин освобожденные ими города и села, преуспевающие предприятия и процветающие колхозы, память о них хранят монументы, памятники и мемориальные доски, народные и школьные музеи, созданные в городах и поселках. Именами отважных воинов армии названы улицы, школы, пионерские дружины, колхозы. В Москве действует совет ветеранов армии. В Москве, Ленинграде, Архангельске, Новосибирске, Омске, Красноярске, Кирове и других городах созданы советы ветеранов соединений и частей, входивших в состав армии. Они проводят большую военно-патриотическую работу среди молодежи, организуют встречи бывших воинов армии, помогают музеям и другим организациям в сборе материалов о действиях ее войск. А сами ветераны по мере сил и возможностей трудятся на благо нашей Родины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОМАНДОВАНИЕ 1-й УДАРНОЙ АРМИИ, НАЧАЛЬНИКИ ОСНОВНЫХ ОТДЕЛОВ ШТАБА, УПРАВЛЕНИЙ И ОТДЕЛОВ ПОЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ, КОМАНДОВАНИЕ АРМЕЙСКИХ ЧАСТЕЙ

Командование армии		
Фамилия, имя, отчество	Воинское звание	Дата вступления в должность и освобождения от должности
1	2	3

Командующие войсками армии

Кузнецов Василий Иванович	Генерал-лейтенант	23.11 1941 г.— 23.5 1942 г.
Романовский Владимир Захарович	Генерал-лейтенант	23.5—18.11 1942 г.
Морозов Василий Иванович	Генерал-лейтенант	18.11 1942 г.— 2.2 1943 г.
Коротков Геннадий Петрович	Генерал-майор, с 16.10 1943 г. генерал-лейтенант	3.2 1943 г.—5.4 1944 г.
Чибисов Никандр Евлампиевич	Генерал-полковник	6.4—22.5 1944 г.
Захватаев Никанор Дмитриевич	Генерал-лейтенант	23.5 1944 г.— 10.2 1945 г.
Разуваев Владимир Николаевич	Генерал-лейтенант	11.2 1945 г.— до конца войны

Члены Военного совета

Колесников Дмитрий Емельянович	Бригадный комиссар, с 6.12 1942 г. генерал-майор	28.11 1941 г.— 26.2 1945 г.
Гаршин Василий Павлович	Генерал-майор	26.2 1945 г.— до конца войны

Начальники штаба

Захватаев Никанор Дмитриевич	Генерал-майор	20.11 1941 г.— 23.5 1942 г.
Фурсин Иван Яковлевич	Полковник	23.5—4.9 1942 г.
Лукьянченко Григорий Сергеевич	Полковник	4.9—13.12 1942 г.
Корциц Владислав Викентьевич	Генерал-майор	13.12 1942 г.— 28.4 1944 г.
Минюк Леонид Федорович	Генерал-лейтенант	11.5—11.10 1944 г.
Ничушкин Василий Николаевич	Генерал-майор	12.10—20.11 1944 г.
Кондратьев Александр Кондратьевич	Генерал-майор	6.12 1944 г.— до конца войны

Штаб армии	
Фамилия, имя, отчество	Воинское звание
1	2

Оперативный отдел

Карасевич К. В.	Подполковник
Афонин П. И.	Полковник
Фурсин И. Я.	Полковник
Лукьянченко Г. С.	Полковник
Кочерин Н. А.	Полковник
Рубцов В. Е.	Полковник
Ничушкин В. Н.	Полковник
Брагинский М. М.	Полковник

Разведывательный отдел

Чувьрин С. М.	Полковник
Комаров А. Г.	Майор
Серегин А. П.	Полковник

Полевое управление

Полиотдел

Лисицин Ф. Я.	Бригадный комиссар
Спирidonов И. Ф.	полковник
Вавилов М. М.	Полковник
	Полковник

Командующие артиллерией

Васильев А. Д.	Полковник
Косенко И. И.	Генерал-майор артиллерии
Макаров Г. П.	Генерал-майор артиллерии
Куприянов С. П.	Генерал-майор артиллерии
Нестерук В. С.	Генерал-майор артиллерии
Кутейников М. П.	Генерал-лейтенант артиллерии
Касперович П. Г.	Генерал-майор артиллерии
Левин Н. М.	Генерал-майор артиллерии

Командующие БТ и МВ

Нецветайло А. Я.	Полковник
Александров	Полковник
Жуков А. В.	Полковник
Дурнев С. А.	Полковник

1	2
Султойков К. Ф.	Генерал-майор танковых войск
Воробьев К. К.	Полковник
Барусов С. С.	Полковник
Пшеницкий И. В.	Полковник
Лукьянов А. В.	Полковник
Овсянников А. В.	Полковник

Командующие ВВС

Нестерцев В. Е.	Полковник
Ушаков В. А.	Полковник

Начальники инженерных войск

Позин М. Я.	Полковник
Кокусов Н. И.	Полковник
Подольный Ф. Г.	Полковник
Лейман Я. Я.	Полковник
Жиров А. И.	Генерал-майор инженерных войск
Сергеев А. В.	Полковник

Зам. командующего армией по тылу, начальники тыла

Андреев Д. И.	Генерал-майор интендантской службы
Сакович А. Н.	Полковник
Волков А. Е.	Генерал-майор интендантской службы
Курганов Н. А.	Полковник
Заседателев А. С.	Полковник

АРМЕЙСКИЕ ЧАСТИ

Часть	Командир	Зам. командира по полит. части	Начальник штаба
701-й армейский пушечный полк	Подполковник Модзелевский А. С., подполковник Грачев Г. Л., подполковник Лоскутов Н. И., полковник Пумпур А. Я.	Батальонный комиссар Рахинштейн Н. Е., майор Киселев В. И.	Капитан Новодранов И. Д., майор Луговцов В. А., майор Грачев Г. Л., майор Каракозов Г. Ф., майор Богданов Р. И.
137-я армейская пушечная бригада	Полковник Пумпур А. Я.	Подполковник Киселев В. И.	Подполковник Еремин А. Д., подполковник Лыков А. И.

Часть	Командир	Зам. командира по полит. части	Начальник штаба
1186-й армейский истребительно-противотанковый полк	Подполковник Овсянников А. И.	Майор Себрянников Д. В.	Майор Шапин Г. И.
110-й армейский минометный полк	Подполковник Фомин А. И., майор Роптанов Г. Г., подполковник Романов К. В.	Батальонный комиссар Сакулин С. Л., майор Гельман Б. М.	Капитан Рябов Н. Ф., майор Беккель Б. А., майор Синегубко Е. Б., капитан Халюков А. И., майор Галушко
1473-й армейский зенитно-артиллерийский полк	Майор Буюк Н. Д., подполковник Луценко В. Ф.	Майор Косырев В. И., майор Трифонов Ю. Н.	Майор Гальченко, майор Загородный И. Г.
674-й отдельный армейский смешанный авиационный полк	Подполковник Сонин В. Н.	Старший батальонный комиссар Сапрыкин М. М.	Майор Синицын М. Л.
559-я отдельная авиационная эскадрилья связи	Майор Степанов А. И.		Капитан Моисев И. В., капитан Вагин В. И.
103-й отдельный армейский полк связи	Майор Баранов С. Г., полковник Силантьев Ф. К.	Майор Иванов Н. С., майор Борзенко С. Я.	Капитан Богданов И. И., майор Сысоев В. П.
49-я армейская инженерно-саперная бригада	Полковник Рогович Т. Я.	Майор Прокураков Н. Н.	Подполковник Тынин С. Ф.
143-й отдельный армейский запасный стрелковый полк	Полковник Рахманов, подполковник Груздев В. А., полковник Бабалов М. В., подполковник Савинов В. Г., подполковник Левитин П. Д.	Майор Ворошилов И. М., майор Кенигфест М. С.	Майор Попко В. А., майор Алейников К. М.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 1-й УДАРНОЙ АРМИИ

№ по пор.	Воинское звание, часть	Фамилия, имя, отчество	Указ Президиума Верховного Совета СССР
1	Рядовой, разведчик 506 сп 198 сд	Анцёборенко Павел Афанасьевич	24.3 1945 г.
2	Старший лейтенант, командир пуль-взвода 164 сп 33 сд	Аплетов Иван Потапович	23.7 1944 г.
3	Младший лейтенант, командир роты 92 сп 201 лсд	Вилхелмс Янис Волдемарович	21.7 1942 г.
4	Капитан, командир батареи 1186 аиптап	Зимнягин Василий Кузьмич	29.6 1945 г.
5	Рядовой, снайпер 528 сп 130 сд	Ковшова Наталья Венедиктовна	14.2 1943 г.
6	Старшина, пом. командира взвода 82 сп 33 сд	Козлов Иван Иванович	24.3 1945 г.
7	Лейтенант, командир взвода 300 сп 7 эсд	Кундер Якоб Мартинович	15.5 1945 г.
8	Лейтенант, командир роты 122 тбр	Луговцев Николай Иванович	24.3 1945 г.
9	Гв. старший сержант, нач. радиостанции 37 гв. сп 12 гв. сд	Павлов Никифор Михайлович	24.3 1945 г.
10	Рядовой, снайпер 528 сп 130 сд	Поливанова Мария Семеновна	14.2 1943 г.
11	Лейтенант, командир роты 122 тбр	Селиванов Петр Дмитриевич	24.3 1945 г.
12	Гв. старший сержант, пом. командира взвода 112 орр 201 сд	Шалыгин Сергей Андреевич	15.5 1945 г.

ПОЛНЫЕ КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СЛАВЫ 1-й УДАРНОЙ АРМИИ

№ по пор.	Воинское звание, часть	Фамилия, имя, отчество
1	Гв. старший сержант, командир отделения 61 отд. гв. сапб 52 гв. сд	Булгаков Сергей Никифорович
2	Сержант, пом. командира взвода 1216 сп 364 сд	Датунашвили Константин Алексеевич
3	Старший сержант, разведчик 1244 сп 374 сд	Морозов Николай Андреевич
4	Старший сержант, пом. командира взвода 112 орр 201 сд	Симаков Иван Михайлович
5	Младший сержант, связист 204 сп 98 сд	Фурсов Михаил Иванович
6	Старший сержант, командир взвода 63 орр 33 сд	Языков Василий Иванович

Примечание. В список включены офицеры, сержанты, солдаты, которые награждены за подвиги, совершенные в период пребывания части, соединения в 1-й ударной армии. Воинское звание указано на день присвоения звания Героя или награждения орденом Славы I степени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	Стр. 3
ЧАСТЬ I	
В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ	
Глава 1. Формирование 1-й ударной армии. Первые бои	5
Глава 2. В контрнаступлении Западного фронта	23
Глава 3. В Ржевско-Вяземской наступательной операции	45
ЧАСТЬ II	
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ	
Глава 4. Передислокация армии под Старую Руссу. Февральско-мартовская операция 1942 г.	58
Глава 5. Мартовско-апрельская оборонительная операция армии	77
Глава 6. Рамушевский коридор	99
Глава 7. В обороне под Старой Руссой	132
ЧАСТЬ III	
В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ	
Глава 8. На подступах к Прибалтике	151
Глава 9. В Исковско-Островской и Тартуской операциях	170
Глава 10. В Рижской операции	196
Глава 11. В Курляндии	222
Заключение	247
Приложения	249

Григорий Иванович Бердников

ПЕРВАЯ УДАРНАЯ

Редактор *А. С. Доманк*
Художник *Е. А. Михельсон*
Редактор (литературный) *Г. Н. Рынькова*
Художественный редактор *Н. Б. Попова*
Технический редактор *А. Н. Перскокова*
Корректор *Л. В. Филиппова*

ИБ № 2715

Сдано в набор 31.01.85. Подписано в печать 10.06.85.
Г-82865. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычнов. новая.
Печать высокая. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44 + 2 вкл. 1/4 печ. л.;
1,26 усл. печ. л. Усл. кр. отт. 14,92. Уч.-изд. л. 16,38.
Изд. № 2/957. Тираж 30 000 экз. Зак. 769.

Цена 75 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

8

